

**ЭТИЧЕСКОЕ
КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ:
СКРОМНАЯ, НО РЕАЛИСТИЧНАЯ
АМБИЦИЯ ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ**

В номере:

- * Исторические и нормативные аспекты
этического консультирования
- * Профессиональная этика:
форматы практической деятельности
- * «Понимающая этика»
- * Этическое консультирование:
ожидания и разумные перспективы

Выпуск пятьдесят четвертый

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«ТЮМЕНСКИЙ ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Научно-исследовательский институт прикладной этики

ВЕДОМОСТИ ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ

Выпуск пятьдесят четвертый

ЭТИЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ: СКРОМНАЯ, НО РЕАЛИСТИЧНАЯ АМБИЦИЯ ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ

Под редакцией В.И. Бакштановского

Тюмень
ТИУ
2019

Этическое консультирование: скромная, но реалистичная амбиция прикладной этики. Ведомости прикладной этики. Вып. 54 / Под ред. В.И.Бакштановского. Тюмень: НИИ ПЭ ТИУ, 2019. – 208 с.

ISSN 2307-518X (Печатная версия)

ISSN 2413-0451 (Online)

Обращение к теме этического консультирования определило рефлексию авторами выпуска идеи выделения консультативной функции в качестве более адекватной технологии приложения этико-прикладного знания к моральной практике трансформируемого современного общества. Рефлексию, сосредоточенную на вопросах: Есть ли в современной ситуации запрос на этическое консультирование? Каков характер ситуаций, нуждающихся в этическом консультировании? Кто «заказчик» на этическое консультирование? Как изменился предмет этического консультирования? На какие концептуальные подходы может опереться этическое консультирование в изменяющейся моральной ситуации общества? Насколько приложимы имеющиеся этические теории к запросам на этическое консультирование? Различные грани прикладной этики рассматриваются в традиционных рубриках журнала «Ойкумена прикладной этики», «Миссия университета», «Из истории инновационной парадигмы», «Жизнь в профессии».

РЕДАКТОР

В.И. Бакштановский, д.ф.н., проф., директор НИИ ПЭ ТИУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Р.Г. Апресян, д.ф.н., проф., Институт философии РАН

А.А. Гусейнов, д.ф.н., проф., академик РАН, Институт философии РАН

Е.И. Головаха, д.ф.н., проф., Институт социологии НАН Украины

М.В. Богданова, д.с.н., гл. н. с. НИИ ПЭ ТИУ

Е.В. Беляева, д.ф.н., проф., Белорусский государственный университет

Ю.В. Казаков, к.с.н., Общественная коллегия по жалобам на прессу СЖ РФ

И.М. Ковенский, д.т.н., проф., ТИУ

А.В. Прокофьев, д.ф.н., проф., Институт философии РАН

А.Ю. Согомонов, к.ист.н., Институт социологии РАН

Г.Л. Тульчинский, д.ф.н., проф., НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург

Ответственный секретарь журнала М.В. Богданова. Редактор выпуска И.А. Иванова. Оригинал-макет И.В. Бакштановской. Обложка: М.М. Гардубей. В подготовке выпуска участвовала С.П. Нохрина.

ISSN 2307-518X (Печатная версия)

ISSN 2413-0451 (Online)

© Научно-исследовательский институт прикладной этики, 2019
© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тюменский индустриальный университет» 2019

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Industrial University of Tyumen»
Applied Ethics Research Institute

**SEMESTRIAL PAPERS
OF APPLIED ETHICS
Issue 54**

**ETHICAL COUNSELING:
A MODEST BUT REALISTIC AMBITION
OF APPLIED ETHICS**

Editor
V. Bakshtanovsky

Tyumen
IUT
2019

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие редактора</i>	6
------------------------------------	---

Теоретический поиск

<i>А.А. Сычев</i>	
Исторические и нормативные аспекты этического консультирования	10
<i>А.В. Прокофьев</i>	
Профессиональная этика: форматы практической деятельности	19
<i>А.А. Скворцов</i>	
Этическое консультирование: ожидания и разумные перспективы	41
<i>Р.Г. Апресян</i>	
Функциональные предпосылки этического консультирования	53
<i>Г.Л. Тульчинский</i>	
Права человека и проблема толерантности к нетолерантным	66
<i>Е. В. Беляева</i>	
Этика прав человека и этика заботы как теоретические основы консультирования в биомедицине	75
<i>Ю.Н. Москвич, Е.Н. Викторук</i>	
Этическое консультирование современной науки как необходимость времени	84

Рубрика академика А.А. Гусейнова

Золотое правило: иудейская традиция и формула Иисуса Христа	100
--	-----

Миссия университета:

гуманитарное консультирование стратегии развития

<i>А.Ю. Согомонов</i>	
Устойчивость как прикладная метаэтика	108
<i>М.В. Богданова</i>	
Трансформируемый университет – актер или агент в социальном поле экономики знаний?	126

Жизнь в профессии

<i>Л.Н.Руднева</i>	137
«Я редко не добиваюсь того, что ставлю в качестве цели»	

Ойкумена прикладной этики

<i>Е.Н. Викторук, Д.В.Юрков</i>	158
Философские практики как пример этического консультирования	
<i>В.А. Абиькенова</i>	166
Гиря дошла до пола? Случай в ИД «Коммерсантъ» как новый этап развития конфликтного дуализма в современной отечественной журналистике.....	

Из истории инновационной парадигмы

<i>В.И. Бакштановский</i>	181
«Понимающая этика»: концепция гуманитарной экспертизы и консультирования	

<i>Summary</i>	197
<i>Авторы выпуска</i>	203
<i>List of authors</i>	205
<i>О журнале</i>	207

Предисловие редактора

Выпуск 54-й журнала собран вокруг темы «*Этическое консультирование: скромная, но реалистичная амбиция прикладной этики*». Сосредоточенность на потенциале консультативной функции этико-прикладного знания порождает естественный вопрос о мотивах выбора такой, казалось бы, тривиальной и не содержащей актуальных проблематизаций темы.

Наш выбор обусловлен *гипотезой* о высокой мере утопичности надежд на осуществление проектной миссии этико-прикладного знания и этосной реалистичности осуществления консультативной миссии прикладной этики. Сосредоточенность на функции этического консультирования можно рассматривать как проявление более скромной, чем в случае этического проектирования, амбиции приложения этико-прикладного знания к изменяющейся современности.

В последнее время амбиция прикладной этики в ее проектно-преобразующем воздействии на отечественную социальную реальность рискует обернуться фэйком, псевдоэтикой с манипулятивным потенциалом. Так, часто наблюдаемая сегодня в документах российских университетов подмена профессионально-этических ценностей ценностями корпоративными делает самосбывающимся пророчеством предупреждения десятилетней давности некоторых исследователей о риске обретения массово создаваемыми «этическими кодексами» университетов рычагов манипулятивного воздействия на профессорско-преподавательский корпус.

Еще десятилетие назад проектирование профессионально-этических кодексов в отечественных университетах было своего рода ответом на запрос ситуации в профессиональных сообществах, в том числе в связи с начавшимися процессами «распыления» нормативно-ценностных оснований профессий, ядро которых составляет саморегулирование. Создание в такой ситуации профессионально-этических кодексов с участием членов профессионального сообщества имело одним из предназначений – зафиксировать ценностные основания профессиональной деятельности, вербализовать границы допустимого и недопустимого в ней.

Однако ситуация изменилась: под названием «этический кодекс» в трансформируемых университетах стали появляться корпоративные кодексы организации, фактически – регламенты, которые не соответствуют статусу профессионально-этических документов.

Представляется актуальной проблематизация степени зрелости социальной ситуации к восприятию проектно-ориентированного

потенциала этического знания. В то же время это вопрос о соотношении ситуации в самой прикладной этике, о реальных возможностях ее функций и технологий, их развитии – с контекстом современной ситуации в российском обществе. А также о востребованности различных функций этико-прикладного знания.

История становления и развития этико-прикладного знания в отечественных условиях дает примеры многообразного воплощения консультативной функции прикладной этики. Например, реализованный во второй половине 80-х гг. XX в. проект «Самотлорский практикум»¹ – опыт попытки инициативного движения этического сообщества в экспертно-консультативной форме приложить знание о морали и воспитании к современной на тот период практике. Организаторы Практикума апробировали идею гуманитарной экспертизы, консультирования, а также ее технологию – этическую деловую игру².

Или проект 1996 года «Этика педагогического успеха»³. Экспертно-консультативный практикум по моделированию процесса профессионально-нравственного самоопределения выпускников колледжа к педагогической практике (которую они «встретят» после распределения) предпринимался как метод испытания готовности человека к встрече с будущим, его способности к самоопределению относительно различных сценариев, создаваемых решениями и поступками людей. Сценарное оформление практикума предполагало предоставление каждому участнику возможность освоить многообразие современной образовательной деятельности через «примеривание на себя».

Одним из важных аспектов такого рода экспертно-консультативной деятельности была проблематизация востребованности студентами и преподавателями, вовлекаемыми в нестандартную ситуацию самоопределения, собственно консультативной функции знания, формирующей культуру выбора.

Еще один пример работы консультативной функции дает проект НИИ ПЭ «Двадцать лет спустя»: экспертиза-консилиум моральной ситуации в российском обществе»⁴. Он предполагал консульти-

¹ Самотлорский практикум // <https://www.tyuiu.ru/wp-content/uploads/2012/03/SAMOTLORSKIJ-PRAKTIKUM.pdf>

² Самотлорский практикум-2 // <https://www.tyuiu.ru/wp-content/uploads/2012/03/SAMOTLORSKIJ-PRAKTIKUM-2.-Sbornik-materialov-ekspertnogo-oprosia.-Pod-redaktsiej-V.I.Bakshantovskogo.-1988g..pdf>

³ «Утро после выпуска» // <https://www.tyuiu.ru/wp-content/uploads/2017/02/Utro-posle-vypuska.pdf>

⁴ Этический консилиум. Ведомости. Вып. 29. 2006 // https://www.tyuiu.ru/media/files/2011/03_10/tekst-29.pdf

рование и экспертизу «болевых точек» и «точек роста» ситуации нравственной жизни и в этическом знании периода 2006 г. в сравнении с ситуацией пика Перестройки – 1986 г. Тематические направления этического консилиума 2006 г.: сохраняются ли через 20 лет после Перестройки основания для идентификации современной ситуации в нашем обществе как ситуации морального выбора? Ситуация выбора на уровне общественной морали сегодня ушла в прошлое: остался лишь индивидуальный выбор? Ситуация выбора на уровне общественной морали сохраняется, но возросли «моральные издержки» транзита, моральная цена модернизации общества?

Обращение к теме «*Этическое консультирование: скромная, но реалистичная амбиция прикладной этики*» предполагает рефлексии в целом идеи выделения консультативной функции в качестве более адекватной технологии приложения этико-прикладного знания к моральной практике трансформируемого современного общества. Более конкретно: **Есть ли в современной ситуации запрос на этическое консультирование? Каков характер современных морально значимых ситуаций (в сравнении, например, с ситуациями четверти века назад), нуждающихся в этическом консультировании? Кто «заказчик» на этическое консультирование? Как изменился (если изменился) предмет этического консультирования? На какие концептуальные подходы может опереться этика в этическом консультировании в условиях, когда моральная ситуация в обществе интенсивно изменяется? Насколько могут быть приложимы имеющиеся этические теории и концепции к современным запросам на этическое консультирование?**

И насколько все эти вопросы имеют общий характер для этико-прикладного знания в целом – возможно, это проблемы, с которыми столкнулась прикладная этика только в ее инновационной парадигме?

Развернутое авторами этого выпуска обсуждение темы журнала содержит ряд плодотворных концептуализаций.

Так, в открывающей выпуск статье автор, А.А. Сычев, показывает, что «консультирование должно рассматриваться не только как услуга, но и как действенный механизм нормотворчества в прикладной этике, способствующий созданию «точек роста» в ситуации ценностных конфликтов и неопределенностей».

Считая, что предлагаемая на обсуждение гипотеза «заслуживает обсуждения и сама по себе, но еще более она интересна в связи с тем, что ее предметное обсуждение предполагает необходимость постановки более общих вопросов», автор другой статьи, А.В. Прокофьев, поставил вопрос о «форматах практической деятельно-

сти, способствующей реализации моральных ценностей в работе профессионалов и объединяющих профессионалов организаций, и какое место в этой практической деятельности может занимать специалист, позиционирующий себя в качестве прикладного этика».

Рассматривая особенности современных морально значимых ситуаций, открытых для этического консультирования, А.А.Скворцов показывает, что «в ситуации не востребованости исследовательской этики в практиках этического регулирования, сложившихся в российских университетах, для неё открываются широкие возможности проведения консультирования в сотрудничестве с различными направлениями профессиональной этики». Прикладная этика в процессе консультирования «может выступать как медиатор диалога между профессиональным сообществом и их целевыми аудиториями. При этом нередко именно от профессиональных сообществ идет запрос на консультирование с целью сделать понятными для общества их нормативные и ценностные декларации».

Представляется перспективным развитие поставленной в проекте темы как в этико-прикладном знании, так и в практике этического консультирования.

А.А. Сычев

УДК 179

**Исторические и нормативные аспекты
этического консультирования***

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы этического консультирования, под которым понимается комплекс процедур по выработке и представлению заинтересованным сторонам компетентных рекомендаций, направленных на разрешение практических моральных проблем. Рассмотрены основные типы этического консультирования: анализ конкретных жизненных ситуаций с целью выработки рекомендаций для их участников и этический анализ практик и норм, принятых в организации, дополненный разработкой предложений по их совершенствованию. Дается краткий исторический очерк развития проблемы. Автор показывает, что этическое консультирование явилось одним из эффективных путей преодоления моральной сложности, неопределенности и ценностных конфликтов современного мира. Кратко рассмотрено развитие практики этического консультирования в мире (на примере здравоохранения и бизнеса) и в России. В статье подтверждается, что нормативная основа этического консультирования конституируется рядом принципов, к которым можно отнести компетентность, коллегиальность, рекомендательность, ситуативность и фронетичность. В контексте этих принципов этическое консультирование понимается как мост между теорией и практикой, особый инструмент, который не прикладывает имеющуюся теорию к ситуации, а способствует созданию принципиально новых практик, норм и правил, не подменяя, а стимулируя моральное творчество субъекта. Консультативная деятельность в этом аспекте выступает как такое применение практического этического знания, в процессе которого кристаллизуются контуры будущих теорий. Автор делает вывод, что консультирование должно рассматриваться не только как услуга, но и как действенный механизм нормотворчества в прикладной этике, способствующий созданию «точек роста» в ситуации ценностных конфликтов и неопределенностей.

Ключевые слова: этическое консультирование, прикладная этика, нормы, принципы, нормотворчество, фронеzis, моральное творчество.

Введение

Современное этическое консультирование представляет собой комплекс процедур по выработке и предоставлению заинтересован-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00082 А.

ным сторонам (лицам или организациям) компетентных рекомендаций, направленных на разрешение практических моральных проблем. В целом, в практике этического консультирования проявляются оба базовых смысла, составляющих семантическое поле понятия «консультация»: компетентное обсуждение конкретного вопроса и совет, данный специалистами.

К числу основных задач этического консультирования относят: содействие распространению практик, соответствующих этическим нормам и стандартам; разрешение конфликтов и достижение консенсуса; способствование выработке коллегиальных решений на основе диалога; образовательную и информационную помощь отдельным лицам и организациям в разрешении моральных проблем [6]. В соответствии с задачами, в рамках этического консультирования предлагается два основных формата процедур: анализ конкретных жизненных ситуаций с целью выработки рекомендаций для их участников (например, в случае ценностного конфликта в отношениях пациента и врача) или этический анализ практик и норм, принятых в организации, дополненный разработкой предложений по их совершенствованию (например, помощь в создании этического кодекса корпорации).

Проблема этического консультирования приобрела актуальность сравнительно недавно: она вышла на повестку дня в ходе становления проекта прикладной этики во второй половине XX века. Институционализация этой практики связана с необходимостью регуляции моральных отношений по поводу проблем, которые ранее не существовали или не были актуальны для этики. Некоторые особенности этих отношений более четко проявляются в ходе сравнения традиционных и современных моделей моральной регуляции.

К истории проблемы

В традиционном обществе сфера ответственности человека была камерной: в пространстве она обычно не простиралась за область семейных и соседских отношений, а во времени – ограничивалась кратким временным промежутком между конкретным действием и его непосредственным результатом. Отношения внутри этой сферы регулировались конечным количеством хорошо известных норм и принципов, разделяемых подавляющим большинством других членов сообщества. Добро и зло были четко определены, иерархия ценностей понятна, и для моральной оценки поступка его нужно лишь подвести под известную всем норму. Пространство традиционной морали разделяли на черные и белые области, человек четко понимал, что совершает нечто правильное или предосудительное, и борьба в его душе шла между моральными принципами и аморальными желаниями. Лишь в самых крайних случаях, когда человек са-

мостоятельно не мог разобраться с непривычными проблемами, ему требовался вердикт, который мог представить кто-то, обладающий знанием: старейшина, священник, философ и т.д. Такой вердикт был не столько советом или рекомендацией, сколько авторитетным предписанием.

В современном обществе сфера моральной ответственности индивида расширилась на всю планету и даже вышла за ее пределы (например, ЮНЕСКО занимается этикой использования космического пространства), а последствия его действий (особенно в промышленности) простираются далеко в будущее, оказывая влияние на тех людей, которых пока не существуют. Отношения в этой сфере настолько сложны и так переплетены между собой, что часто разобраться в причинах и следствиях (например в сфере применения био- и нанотехнологий) способен только узкий специалист. Для многих новых областей науки и практики общепринятых норм вообще не выработано. Кроме того, усиление культурного и идеологического разнообразия разрушило механическую солидарность традиционного общества: в ситуации глобализирующейся современности конфликтующие системы норм и ценностей вынуждены искать пути к сосуществованию. Принятая некогда иерархия моральных норм разрушена. В итоге в современном мире в сознании человека одна версия блага борется с другой или идет выбор между большим и меньшим злом. Вместо черного и белого перед ним – множество оттенков цвета, неразмеченных областей и слепых пятен, не поддающихся однозначной интерпретации. Даже в повседневной жизни он все чаще сталкивается с ситуациями нормативной неопределенности либо ценностного конфликта, по поводу которых сложно принять решение без внешней квалифицированной помощи. Одним из действенных путей преодоления сложности, противоречивости моральных ситуаций современного мира представляется этическое консультирование.

В большинстве случаев этическое консультирование проводится на базе существующих этических комитетов или комиссий, специальных структурных подразделений учебных заведений (например, этических центров и лабораторий), общественных организаций этического профиля. Последнее время в сфере здравоохранения и бизнеса прослеживается тенденция к формированию советов, фокусирующихся исключительно на консультационной деятельности.

В сфере здравоохранения первые этические консультации появились в 1970-х гг. в США [8, 2]. В последующем десятилетии было образовано Общество биоэтических консультаций – первая общественная ассоциация, занимавшаяся исключительно проблемами эти-

ческого консультирования и координацией работы консультативных советов. Архивы ее заседаний представляют важный материал для понимания особенностей становления и структурирования практики консультирования [10]. Тогда же вышли первые в США книги, посвященные проблемам этического консультирования [7, 9]. В 1990-е гг. этические консультации в сфере здравоохранения и биологии стали широко распространенной нормативно признанной практикой. Конвенция Совета Европы о правах человека и биомедицине специально подчеркивает их значимость: «Стороны должны позаботиться о том, чтобы фундаментальные проблемы, связанные с прогрессом в области биологии и медицины (в особенности социально-экономические, этические и юридические аспекты) были подвергнуты широкому общественному обсуждению и стали предметом надлежащих консультаций» [2].

Приблизительно в тот же период в США и Западной Европе проходило становление практик этического консультирования в сфере бизнеса. Важной предпосылкой для распространения этого типа консультирования стали участвовавшие случаи скандалов, связанных с действиями, которые публика воспринимала как морально недопустимые (экономия корпорации на безопасности для увеличения доходов, введение потребителей в заблуждение, использование детского труда, проведение тестирования продукции на животных и т.д.). Последовавшие отказы покупателей от покупки товаров некоторых производителей показали, что в условиях информационного общества, репутация имеет решающее значение для успеха корпорации, ориентированной на долгосрочные цели глобального рынка. Для формирования репутационного капитала корпорациям потребовались особые органы, которые позволяли увидеть перспективы действий не только с позиции экономики и прибыли, но и с точки зрения морали. Эти консультативные органы, с одной стороны, могли указать на репутационные риски ряда действий, планируемых компанией, а с другой – способствовать такой перестройке ценностно-нормативной системы компании, которая бы минимизировала саму возможность возникновения таких рисков (путем консультативной помощи в формулировке стратегии компании, ее миссии, этического кодекса, тренинга сотрудников и т.д.). Сегодня этический консультант – это признанная область деятельности в сфере менеджмента, подготовка к которой ведется в ряде вузов США и Западной Европы.

История развития отечественного проекта этического консультирования тесно связана с работой Научно-исследовательского института прикладной этики Тюменского индустриального университета. Консультирование является одним из важных практических на-

правлений его деятельности, при этом спектр предлагаемых институтом услуг достаточно широк: помощь в разработке этических кодексов для университетов и отдельных профессиональных сообществ, в ценностном самопознании ассоциаций гражданского общества, в этической рефлексии деятельности государственных органов. Один из первых крупных консультативных проектов был осуществлен при подготовке к конференции «Нравственная жизнь, воспитательная деятельность, воспитание воспитателей: проблема гуманитарной экспертизы и консультирования», организованной в форме деловой игры в 1987 г. В том же году в Тюмени были изданы «Методические рекомендации по конструированию и внедрению деловой игры «Этическое консультирование». По-видимому, это было первое отдельное издание, в заголовок которого вынесено сочетание «Этическое консультирование». Кроме того, силами сотрудников института в 1990-е гг. издавался специализированный журнал «Этика успеха. Вестник исследователей, консультантов и ЛПР», с первого выпуска которого проблематике консультаций уделялось особое внимание [1].

Благодаря усилиям исследователей и практиков этическое консультирование сегодня превратилось в институт со своей особой структурой, разработанными технологиями и методами работы. Исторические тенденции наглядно продемонстрировали, что в нормально развивающемся и свободном обществе потребность в консультациях такого рода постоянно растет.

Принципы консультирования

Этическое консультирование имеет ряд характерных особенностей, определяющих его специфику. Прежде всего, предполагается, что рекомендации, данные консультантами, должны быть *компетентными*, соответственно и сам консультант должен обладать особыми знаниями, навыками и качествами. В их числе:

1. Знания особенностей моральной аргументации и этической теории, основных проблем и понятий этики, этических кодексов, норм, отраженных в документах организации, соответствующих законов, а также профессиональные знания в конкретной области консультирования (например, в медицине, биологии, бизнесе).

2. Навыки моральной оценки и этического анализа, медиации, консультирования, межличностного взаимодействия, эффективной коммуникации и поиска консенсуса.

3. Такие качества, как толерантность, терпение, сострадание, настойчивость, прямота, смелость, благоразумие, скромность, лидерство, честность и т.д. [8, VII].

Таким образом, консультантами обычно являются лица, имеющие этическое образование или прошедшие соответствующее обу-

чение (в области этики в целом, биоэтики, деловой этики), а также профессионалы, знакомые с рассматриваемыми проблемами и имеющие опыт их практического разрешения (например, врачи в случае биоэтического консультирования или менеджеры в консультативных советах при корпорациях). Кроме того, распространенной практикой является участие в консультациях юристов, священников и т.д. Наконец, поскольку консультативные советы обычно разбирают вопросы, связанные с конфликтом ценностей, практическая применимость их вердикта во многом зависит от того, насколько хорошо в совете представлены различные заинтересованные стороны (стейкхолдеры), способные озвучивать и аргументировано защищать различные ценностные и нормативные позиции, представленные в реальной жизни.

Необходимость представительства в консультативной группе разных сторон связана с изменением оптики взгляда на ценности в современном мире. Если ранее каждая из них была четко определена и занимала свое место в иерархии благ, то теперь жизнь воспринимается как полифоническое взаимодействие множества ценностных позиций (представленных личностями, культурами и т.д.), с каждой из которых раскрывается своя уникальная картина мира. Выбор основания для поступка в таких условиях предполагает не столько поиск единственно верного правила, под которое можно подвести действие, сколько попытку найти баланс между ценностями и нормами, в основании которых могут лежать принципиально несовместимые этические, философские, религиозные концепции.

Таким образом, хотя теоретически консультации может давать один эксперт, на практике решения подобного рода в подавляющем большинстве случаев принимаются *коллегиально*, т.е. в ходе группового обсуждения с учетом основных аргументов как за, так и против. Коллегиальность, совещательность, многообразие позиций в ходе этического консультирования позволяют достичь если не полного согласия по теоретическим вопросам, то устраивающего большинство «перекрестного консенсуса» по поводу практических действий. Без такого консенсуса многие социальные инициативы обречены на провал. По мнению Дж. Ролза, именно «готовность общественности к консультациям и к учету мнений и интересов всех закладывает основы для гражданского согласия» [4, 209].

Итоговый вердикт консультативного совета принимается на основании заранее обговоренных объективных процедур после обсуждения деталей конкретного случая, анализа позиций всех заинтересованных сторон, выработки консенсуса или поиска компромиссов. Однако в условиях отсутствия единой системы ценностей никакой моральный вердикт не может претендовать на звание единственно

правильного. К тому же консультативная группа не может совершать моральный выбор за клиента. Поэтому ее вердикт (как и предписания большинства органов этической инфраструктуры) носит не обязывающий, а *рекомендательный* характер: собственно моральное решение принимает не консультант, а консультируемый. Современная модель этического консультирования предполагает «категорическое неприятие трактовки отношений исследователей и консультантов, с одной стороны, ЛПР – с другой как «пастырей» и «паствы». Принципиальная установка на диалогическое взаимодействие этической (и, в целом, гуманитарной) науки и практики нравственной жизни создают непреложный кодекс этического консультирования» [5, 14]. Однако рекомендательность не обозначает необязательности: хотя человек не должен во всем следовать рекомендациям консультантов, он обязан к ним прислушаться, чтобы понимать, как и с каких позиций его поступки будут оценивать окружающие.

Наконец, характер решения коллегиального органа *ситуативен*: он не ориентирован на общезначимые нормы и не претендует на окончательное решение вопроса. Сходная проблема в несколько иных обстоятельствах и в другое время, возможно, будет решаться по-иному, то есть консультативное решение сложно универсализировать и распространить на все подобные случаи. Перед рекомендацией консультантов ставится менее амбициозная цель: она должна предложить такое практическое разрешение данной конкретной ситуации, которое в данный момент устраивало бы всех или большинство заинтересованных лиц. П. Рикёр пишет: «Как и судья, обязанный высказывать право в уникальных ситуациях, моралист, столкнувшись с трагизмом действия, говорит наилучшее или наименее худшее – в том виде, как оно предстает по завершении дебатов, когда нормы не дотягивают до личностей. В этом смысле объективной целью его убеждений является наилучшее, кажущееся ему таковым при конкретных обстоятельствах. Кроме того, если это кажущееся наилучшее возникло благодаря перекрестному взаимодействию между аргументацией и интерпретацией, то решение, принятое по завершении дебатов между самостью и самостью, в средоточии того, что можно назвать совестью, форумом души, тем более заслужит называться мудрым, что его примет некий совещательный орган, работающий по модели нашего национального консультативного совета по этике, или по образцу небольшого круга, в котором у постели умирающего собираются родственники, врачи, психологи и священники. Мудрость суждения всегда должна практиковаться сообща; приговор мудрости всегда должен выноситься сообща» [3, 182].

Умение принимать благоразумные решения в конкретных си-

туациях Аристотель назвал практическим разумом или фронезисом. В консультировании востребованы технологии именно *фронестического* характера, позволяющие решать практические проблемы так, чтобы выбрать наилучшее из реально доступных вариантов действий: «Благоразумие суждения состоит в том, чтобы вырабатывать хрупкие компромиссы, когда речь идет не столько о том, чтобы выбирать между добром и злом, между белым и черным, сколько о том, чтобы выбирать между серым и серым или (в высшей степени трагический случай) между дурным и наихудшим» [3, 181].

Однако фронестичность не обозначает полной оторванности консультирования от этической теории. Скорее напротив – ее можно рассматривать как мост между теорией и практикой, как особый инструмент, который не прикладывает имеющуюся теорию к ситуации, а способствует созданию принципиально новых практик, норм и правил. Именно способствует, поскольку нормотворчеством в конечном итоге занимается не консультант, а консультируемый. В. И. Бакштановский пишет, что «фронестична технология этической экспертизы и консультирования – как деятельность, снимающая противоречие между абстрактно-научным знанием и собственно практическим умением: диалогическая, “понимающая” природа фронезиса не допускает упрощенного толкования отношений “консультант – клиент”, предполагая не просто передачу “готового” в теории результата для “внедрения”, но совместный поиск решения проблем» [1, 71]. Иными словами консультирование должно не узурпировать, а стимулировать и провоцировать моральное творчество субъекта, показывая ему различные варианты решения проблем.

Консультирование может рассматриваться как один из первых шагов на пути создания новых норм в ситуации ценностных конфликтов и неопределенностей. Хенк Тен Хаге так пишет о процессе нормотворчества в прикладной этике: «Первый шаг – консультирование с сообществом этиков и философов. Принимая их рекомендации в качестве основы, мы затем предлагаем специалистам... развитие содержание идей, представленных на первом этапе. На третьем этапе мы приглашаем политиков и рассматриваем возможности достижения международного консенсуса по поводу идей и предложений, возникших на первых двух ступенях» [11, 14]. Те моральные нормы и принципы, по которым достигается консенсус (примеры – принципы устойчивого развития и предосторожности), прописываются в международных нормативных документах, которые, в свою очередь, находят свое отражение в правотворчестве на уровне государств, учитываются в национальных учебных и воспитательных концепциях и

программах, научном дискурсе и риторике общественных деятелей, постепенно трансформируя каждодневные практики.

Консультативная деятельность в этом аспекте – это такое использование практического этического знания применительно к оценке и регулированию реальных ситуаций, в процессе которого кристаллизуются контуры будущих принципов и теорий.

Таким образом, нормативная основа этического консультирования конституируется рядом принципов, к которым необходимо отнести компетентность, коллегиальность, рекомендательность, ситуативность и фронестичность. В контексте этих принципов этическое консультирование может рассматриваться не только как услуга, но и как важный механизм нормотворчества в прикладной этике.

Список литературы

1. *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Введение в прикладную этику. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2006. 392 с.
2. Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: конвенция о правах человека и биомедицине (Овьедо, 4 апреля 1997 года) [Электронный ресурс] // URL: <http://bioethics.imbp.ru/Principles/Convention.html>
3. *Рикёр П.* Справедливое М.: Гнозис, Логос, 2005. 304 с.
4. *Ролз Дж.* Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1995. 532 с.
5. *Этика делового успеха. Тезисы редколлегии // Этика успеха* Вестник исследователей, консультантов, ЛПР. Вып. 1. Тюмень: ЦПЭ. С. 4–14.
6. *Core Competencies for Healthcare Ethics Consultation, 2nd ed.* Glenview, IL: American Society for Bioethics and Humanities; 2011. 60 p.
7. *Ethics Consultation in Health Care / Fletcher JC, Quist N, Jonsen AR, eds.* Ann Arbor, MI: Health Administration Press; 1989. 209 p.
8. *Ethics Consultation Responding to Ethics Questions in Health Care*, 2nd ed. Washington, DC: U.S. Department of Veterans Affairs; 2015. 64 p.
9. *Institutional Ethics Committees and Health Care Decision Making /Cranford RE, Doudera AE, eds.* Ann Arbor, MI: Health Administration Press; 1984. 424 p.
10. *Society for Bioethics Consultation Records, (1985-1997)* [Электронный ресурс] // URL: // <https://legacy.lib.utexas.edu/taro/utmb/00078/utmb-00078.htm>
11. *Ten Have H.* Environment Ethics and International Policy. Paris: UNESCO, 2006. 226 p.

А.В. Прокофьев

УДК 174

Профессиональная этика: форматы практической деятельности

Аннотация. В статье проанализированы вопросы о том, каковы форматы практической деятельности, способствующей реализации моральных ценностей в работе профессионалов и объединяющих их организаций, и какую роль в этой практической деятельности могут играть специалисты по профессиональной этике. Первый формат касается участия в этическом самоопределении профессиональных сообществ и организаций и выражается в содействии созданию этических документов и формированию этической инфраструктуры. Тот факт, что процесс институционализации этики профессий и организаций может носить имитационный характер или создавать дополнительные рычаги административного давления, ставит специалистов по профессиональной этике перед трудным выбором. Автор анализирует три открытых для них стратегии: 1) уход в сугубо исследовательскую деятельность, 2) создание этических документов, которые могут быть востребованы в более благоприятных условиях, 3) продолжение участия в имитационных процессах. Третья стратегия, несмотря на кажущуюся неприемлемость, иногда может быть оправданной, в особенности когда речь идет о создании модельных документов. Иллюстрацией этой мысли является проведенный в статье анализ Модельного кодекса профессиональной этики, разработанного Минобрнауки РФ (2014). Второй формат – содействие отдельным профессионалам или группам профессионалов в разрешении ситуативных этических проблем. Он называется «этическими консультациями», получил наибольшее и наиболее раннее развитие в клинической практике и практике медицинских исследований. Как показывает автор статьи, различные типы этического консультирования, оформившиеся в этой сфере, могут быть использованы и в академической среде.

Ключевые слова: мораль, профессиональная этика, академическая этика, биомедицинская этика, этический кодекс, этическое консультирование.

НИИ ПЭ предложил в качестве центральной темы выпуска журнала «Ведомости прикладной этики» анализ потенциала консультативной функции этико-прикладного знания, если более конкретно – анализ самой идеи и технологий этического консультирования. Выдвижение именно этой тематики связано с определенным видением смысла этического консультирования и определенным же представлением об истории профессиональной этики в России в последние годы (преимущественно профессиональной этики в стенах российских университетов). Этическое консультирование рассматривается

в приглашении к исследованию НИИ ПЭ в качестве более скромной по своим амбициям деятельности, в сравнении с этическим проектированием. В качестве примера проектного подхода и проектных амбиций прикладной этики рассматриваются попытки кодификации академической этики в России десятилетней давности, в том числе, организованные самим НИИ ПЭ. Это проект был ответом на ситуацию в университетском профессиональном сообществе, характеризовавшуюся «распылением» ценностно-нормативных оснований профессии преподавателя. Его разработка сопровождалась уверенностью в том, что, опираясь на широкое участие членов профессионального сообщества, организаторы создания профессионально-этических кодексов смогут: а) «вербализовать границы допустимого и недопустимого» в профессиональной деятельности, б) «зафиксировать» (то есть не только выразить в виде документа, а именно спасти от «распыления») ее ценностные основания. Однако, как подчеркивается в приглашении, эта уверенность оказалась необоснованной и более того – утопической: «в трансформирующихся университетах стали появляться корпоративные кодексы, фактически – регламенты, которые не соответствовали статусу этических документов». При этом корпоративизация профессиональной этики была не единственным затруднением проектного подхода к её институционализации. Возникли и более серьезные негативные последствия, такие как возникновение имитаций этического режима («фэйк», «псевдоэтика»), создание манипулятивных или даже репрессивных инструментов воздействия на преподавателей университетов. Осознание утопичности проектной миссии этико-прикладной этики ведет, по мнению НИИ ПЭ, к выдвиганию на доминирующие роли технологий этического консультирования с их более скромными, но при этом более реалистичными задачами.

Гипотеза НИИ ПЭ заслуживает обсуждения и сама по себе, но еще более она интересна в связи с тем, что ее предметное обсуждение предполагает необходимость постановки более общих вопросов – вопросов о том, каковы форматы практической деятельности, способствующей реализации моральных ценностей в работе профессионалов и объединяющих профессионалов организаций и какое место в этой практической деятельности может занимать специалист, позиционирующий себя в качестве прикладного этика. Приглашение к исследованию также содержит призыв к обсуждению этих вопросов. Я имею в виду предложение проанализировать «реальные возможности... функций и технологий» прикладной этики и установить степень «востребованности различных функций этико-прикладного знания». Моя статья призвана внести небольшой вклад в освоение этой

проблематики. В ней будут затронуты разные ветви профессиональной этики, но смысл обращения к ним будет связан с развитием этики академической.

Разработка этических документов и создание этической инфраструктуры

Я полагаю, что различие форматов практической деятельности, сопряженной с профессиональной этикой, определяется в первую очередь спецификой тех, кто будет пользоваться или мог бы воспользоваться результатами этой деятельности – ее реципиентов. Я бы не употреблял используемое в приглашении к исследованию слово «заказчик». Не столько потому, что оно имеет избыточные прагматически-деловые и даже коммерческие коннотации, а в связи с тем, что реципиент такой деятельности не обязательно является тем, кто может сделать заказ. Он совсем не обязательно представляет собой коллективного или индивидуального субъекта, который осознал потребность в содействии со стороны обладателей знаний по этике профессий и связанных с ней практических навыков и способен обратиться к ним за таким содействием. «Заказ» на определенного рода практическую деятельность может быть не полноценным заказом, а всего лишь смутным «запросом».

Соответственно, я бы выделил две группы реципиентов. Во-первых, это сообщества и организации в связи с их потребностью в нормативном регулировании поведения принадлежащих к ним индивидов. Речь идет преимущественно о профессиональных сообществах, а также об организациях, которые упорядочивают, структурируют и координируют деятельность профессионалов. Во-вторых, это отдельные профессионалы или группы профессионалов, нуждающиеся в содействии для разрешения какой-то ситуативной этической проблемы. Деятельность, способствующая реализации моральных ценностей в профессиональной практике, серьезно отличается в зависимости от того, на какой тип реципиента она направлена. Поэтому в дальнейшем я буду отдельно обсуждать два ее типа. При этом постараюсь иметь в виду предложенную НИИ ПЭ дихотомию этических преобразовательских проектов и этических консультаций.

Участие специалистов по профессиональной этике в самоопределении профессиональных сообществ и организаций выражается в содействии созданию этических документов и формированию этической инфраструктуры. Специалисты, имеющие представление об истории и современном состоянии процесса институционализации профессиональной этики, о связи между общечеловеческими моральными требованиями и нормами профессиональных этик, о стихийно складывающемся этосе определенной профессии, об основных тен-

денциях развития конкретной профессиональной практики, способны сделать такую работу более эффективной. Могут ли они ее инициировать в виде собственного проекта? Такая возможность вызывает у меня большие сомнения. Вряд ли специалисты по профессиональной этике способны создать запрос профессионального сообщества на институционализацию его ценностно-нормативных ориентиров, если он отсутствует в действительности. Самое большее, на что они могут рассчитывать – выступить в качестве одного из центров организационного оформления такого запроса. Чтобы превратиться в центр, они могут предпринимать некие «пробные движения», проверяющие готовность сообщества к этическому самоопределению. Эти «пробные движения» могут быть обращены непосредственно к самим профессионалам (их объединениям и инициативным группам) или к руководству организаций. В последнем случае яснее алгоритм необходимых действий, но больше опасность инициировать имитационный процесс, а затем – участвовать в создании мертворожденных, сугубо бюрократических документов и существующих для формы институциональных структур.

Другими словами, мне представляется, что практическая деятельность специалистов по профессиональной этике всегда остается консультационной, хотя мандат у консультантов может быть разным. В каких-то случаях они могут давать рекомендации по поводу того, как лучше организовать весь процесс институционализации, и делать это будучи его участниками и координаторами; в других – ограничиваться консультациями в отношении языкового оформления входящих в кодексы положений, логической структуры и объема документов и т.д. Широкий мандат связан с большими возможностями влияния и соответственно большими амбициями, узкий мандат – менее амбициозен. Однако я не думаю, что опасения НИИ ПЭ, касающиеся имитационного характера институционализации профессиональной этики и ее манипулятивных и репрессивных следствий, относятся в большей мере к широкому, чем к узкому консультационному мандату. При широком мандате будет иметь место большая вовлеченность в сомнительный процесс, которая все же оставляет больше возможностей оказать на него влияние. Узкий мандат сопровождается меньшей вовлеченностью, но без возможности хоть как-то влиять на решение центральных вопросов институционализации. А это значит, что все решения будут принимать люди, не имеющие соответствующей подготовки, квалификации и мотивации. Потенциальное преимущество второго подхода состоит лишь в том, что без участия специалистов по профессиональной этике некоторые имитационные проекты создания кодексов и этической инфраструктуры вообще не

реализовались бы. Но это касается лишь некоторых таких проектов. Ведь работа по созданию кодексов и инфраструктуры может разворачиваться и без инициативы этиков-профессионалов, на основе простого подражания («чтоб было не хуже, чем у других») или в порядке бюрократических кампаний («по предписанию начальства»).

Мне кажется, что выбор, стоящий перед сообществом специалистов по этике профессий и организаций, касается не проектно-преобразовательских и консультационных функций этико-прикладного знания, а трех возможных стратегий поведения. Причем ни одна из них не является наилучшей в каком-то общем смысле. Каждая может оказаться оптимальной в какой-то конкретной ситуации. Первая стратегия состоит в том, чтобы просто дистанцироваться от практической деятельности, переключившись на теоретический анализ проблем профессиональной этики, критику профессионального этоса и т.д. Вторая – заключается в том, чтобы заниматься созданием по возможности совершенных этических документов и публиковать их, не заботясь о том, какой будет их судьба в среде, склонной к имитации и искажению профессионально-этического регулирования. Более семи лет назад известный специалист по этике государственной службы в беседе о трудностях создания системы работающих этических документов в российских управленческих реалиях, образно выразился: «Сейчас мы основательно работаем над созданием инструментов, которые пригодятся тогда, когда появится “музыкант”. Мы опираемся на опыт тех стран, где этика государственной службы работает, и пытаемся понять, как она сможет работать в России тогда, когда начнутся определенные изменения в социально-политической и культурной жизни в целом». Наконец, существует и третья стратегия: самим напрашиваться на участие в работе над этическими документами, несмотря на понимание, что это будет участие в имитационном процессе, превращаться в эксперта-инициативника даже в тех условиях, когда благотворный результат экспертизы находится под большим вопросом. Несмотря на свою кажущуюся внутреннюю противоречивость, этот вариант действий тоже может быть ситуативно оправданным. Чтобы показать это, я хотел бы обратиться к анализу интересного российского кейса, относящегося преимущественно к области этики среднего образования, а именно к содержанию «Модельного кодекса профессиональной этики педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность», созданного Министерством образования и науки РФ в 2014 г.

Кейс 1. Модельный кодекс профессиональной этики педагогических работников

Цели Модельного кодекса включают в себя: 1) «установление этических норм и правил поведения педагогических работников», 2) «содействие укреплению [их] авторитета», 3) «обеспечение единых норм поведения педагогических работников», 4) повышение «эффективности выполнения [ими] своих трудовых обязанностей», 5) «формирование взаимоотношений в системе образования, основанных на нормах морали, уважительном отношении к педагогической деятельности в общественном сознании, самоконтроле педагогических работников» .

Такое целеполагание выглядит довольно странным как с точки зрения внутренней логики, так и с точки зрения обоснованности и полноты. В нем присутствует не имеющее смысла дублирование пунктов об «установлении» норм поведения и «обеспечении» единых норм поведения. Применяется формулировка «нормы морали», которая ни здесь, ни в дальнейшем тексте кодекса не получает смыслового наполнения. Взаимоотношения *внутри* системы образования, по мысли создателей кодекса, опираются на уважение к труду учителя в «*общественном сознании*», причем такая их связь не прояснена и не понятно, какую роль по отношению к ней играет принятие кодекса. Но главное, конечно, не отсутствие логики, а неполнота целей. В этой связи вспоминается известный набор метафор М. Шварца, отражающих цели этических кодексов. 1. Свод правил – кодекс проясняет ожидаемое от работника поведение. 2. Указательный столб – кодекс заставляет работника постоянно иметь в виду корпоративные стандарты поведения, выяснять, является ли уместным то или иное планируемое действие. 3. Зеркало – кодекс дает возможность работнику подтвердить, что определенная, уже реализующаяся линия поведения является приемлемой для корпорации. 4. Увеличительное стекло – кодекс пробуждает у работников осторожность в отношении совершаемых поступков, стимулирует рефлексивный характер принятия решений, имеющих этическое значение. 5. Щит – кодекс облегчает работнику организовать свою ответную реакцию на нарушающие корпоративную этику просьбы или приказы со стороны начальства, коллег и третьих лиц. 6. Индикатор задымления – кодекс стимулирует работников к тому, чтобы предупреждать коллег о неэтичном характере их поведения. 7. Пожарная сигнализация – кодекс

* В связи с реорганизацией Министерства образования и науки Российской Федерации документ не доступен на сайте новой структуры – Министерства просвещения РФ. Кодекс цитируется по сайту «Консультант» [2].

является основой для того, чтобы работники связывались с уполномоченными лицами и информировали их об этических нарушениях. 8. Клуб – кодекс, сопровождающийся системой санкций, заставляет работников следовать корпоративным этическим правилам [11, 255]. Это разнонаправленное назначение кодексов не было принято во внимание составителями модельного документа.

Следует отдать им должное, они попытались учесть тот факт, что кодексы тесно связаны с авторитетом профессиональных сообществ и организаций в обществе (пятый пункт целей). Однако реальный контекст этой связи был ими совершенно утерян. Кодекс вместе с миссией служит декларацией намерений и принятием на себя обязательств, которые касаются поведения членов сообщества или работников организации, затрагивающего внешние заинтересованные стороны (прежде всего, клиентов). Именно в качестве субъекта, принявшего на себя обязательства и предъявившего окружающим их содержание, сообщество или организация, а опосредствованно – их индивидуальные члены, могут рассматриваться обществом как «авторитетные», а вернее – заслуживающие его доверия. Если посмотреть на историю формирования профессиональных и корпоративных кодексов, то можно увидеть, что задача профессиональных сообществ и бизнес-организаций представить себя обществу как ответственных коллективных субъектов была для их разработчиков важнейшей, хотя и далеко не единственной [см.: 3, 23–24].

С чем связана такая слепота? Вероятно, с тем, что составители Модельного кодекса недопонимали роль кодексов этики вообще и роль профессионально-этических кодексов – в частности. В корпоративных кодексах в центре внимания действительно находится выполнение «трудовых обязанностей» работниками организации (этому посвящен четвертый, ключевой пункт целей Модельного кодекса). Но даже такие кодексы отталкиваются от корпоративной миссии, которая включает в себя набор общих ценностных ориентиров, определяющих социальную роль ответственного бизнеса. Кодекс призван играть не только регулирующую и интегрирующую роль, но также и роль обеспечения социальной ответственности корпорации. В случае с профессиональными сообществами значение миссии еще более возрастает. Миссия профессии является для кодекса профессиональной этики непосредственным ценностным основанием. Конечно, и в этом случае кодекс рассматривается его создателями как средство обеспечения добросовестного труда профессионалов и интеграции профессионального сообщества, но при этом он всегда нацелен на нечто большее – формирование особого «духа», в котором исполняются трудовые обязанности, и на предъявление профессио-

налу того ценностно-нормативного содержания, которое не может быть выражено языком трудовых обязанностей. Данная роль кодекса создает многочисленные сложности, связанные с опасностью пустого напыщенного морализирования, которое скорее отталкивает, чем притягивает профессионалов. Но задача составителей кодекса состоит именно в том, чтобы выразить это содержание без его дискредитации.

Наиболее органичный способ решения этой задачи – зафиксировать все те положения, которые связаны с миссией профессии, с профессиональным служением и призванием, в виде декларации от первого лица, то есть от лица самого сообщества. А единственный нелицемерный способ сохранения речи от первого лица – создание и утверждение кодекса на основе широкого обсуждения его основных положений в профессиональных коллективах или на форумах профессионалов. Мы не видим следов такой работы в модельном кодексе и не чувствуем соответствующей тональности в его тексте. Модельный кодекс написан даже не как «корпоративный регламент» (таково выдвинутое в приглашении НИИ ПЭ обвинение большинству кодексов, появившихся в последние годы в сфере образования), а как сугубо бюрократический нормативный документ, своего рода этический циркуляр. Необходимость документов такого рода сомнительна. Они, как правило, превращаются в раздражающее профессионалов дополнение к их должностному функционалу. Как правило, нормативное содержание, выходящее за пределы трудовых обязанностей оформляется в кодексах в виде декларации основополагающих принципов или ценностей. Ситуативное приложение таких принципов (ценностей) как раз и придает исполнению трудовых обязанностей педагога особый «дух», связанный с гуманным и заботливым отношением к учащимся и с пониманием общественной значимости собственного труда. Эту часть кодекса в западной профессионально-этической литературе принято обозначать с помощью слова «*aspirational*», то есть «вдохновляющий», «опирающийся на высокие устремления» профессионалов [5]. В.И.Бакштановский называет ее «мировоззренческим ярусом» профессиональной этики [1, 103]. Однако ничего подобного продуманному и облеченному в точные формулировки набору ценностей или принципов этики педагогического работника в Модельном кодексе мы не находим.

Если обратиться к основной части кодекса, содержащей конкретные предписания и запреты, то она так же, как и его целеполагание, отличается 1) неясностью логической структуры, б) непроясненностью понятий, в) очевидной неполнотой. Модельный кодекс структурирован следующим образом. Сначала следуют требования в мо-

дальности «педагогические работники призваны» (разбитый на подпункты пункт 8, в котором большую часть занимают требования к профессиональной компетентности, содержится рудиментарное описание конфликта интересов, а также некоторые требования этики общения и требования терпимости и сохранения высокой репутации). Затем идут два пункта в модальности «педагогам следует» и «педагогам надлежит» (9 пункт про сохранение репутации и поддержание благоприятного морально-психологического климата и 10 пункт про недопущение «коррупционно-опасного поведения»). Далее следует разбитый на подпункты пункт 11 о том, чего педагоги не допускают при выполнении трудовых обязанностей (здесь упоминаются дискриминационные высказывания и действия, грубость, пренебрежительные и предвзятые замечания, угрозы, оскорбления). В 12 пункте, который вновь оформлен с помощью формулировки «педагогическим работникам следует», содержится требование проявлять такт и корректность, уважать честь и достоинство участников образовательных отношений. 13 пункт выражен в рекомендательной модальности, касается культуры речи, но завершается императивным запретом на оскорбительные высказывания.

Из этого описания становится очевидным, что в кодексе отсутствует деление на какие бы то ни было внятные логические блоки. Переход от пункта к пункту не определяется какой-то смысловой последовательностью. Подпункты не являются расшифровкой пунктов и по своей общности или по своему значению соразмерны некоторым полноценным пунктам. Смена модальностей, переход с языка позитивных предписаний на язык запретов не указывают на что-либо этически значимое. Дублирующееся нормативное содержание не играет разной роли в тех разных фрагментах, где оно встречается. Так, мы сталкиваемся с не имеющим особенного смысла повтором формулировки «уважать честь и достоинство» участников образовательных отношений, а также – повтором запрета на грубость и оскорбление (в перечислении основных запретов и в пункте о языковой культуре). Имеют место пункты, которые в кодексе профессиональной этики тождественны простой тавтологии. К примеру, пункт 8б призывает педагогических работников «соблюдать... нравственные и этические нормы». Но задача этического кодекса состоит именно в том, чтобы конкретизировать нравственные нормы применительно к определенной сфере деятельности. Кодекс *содержит* специальным образом специфицированные «нравственные и этические нормы». А это значит, что в Модельном кодексе, наряду с частными требованиями этики педагога, присутствует совершенно избыточное требование соблюдать все эти требования, причем оно помещено в еди-

ный ряд с ними. Если же речь идет о соблюдении не тех норм, которые относятся к этике педагога, а норм общераспространенной (общечеловеческой) морали, то и формулировка должна быть иной, и эти нормы могли быть поименованы или представлены в виде какого-то сокращенного перечисления.

Непроясненность понятий, задающих нормативный смысл требований, также является важным обстоятельством, снижающим ценность кодекса. В документе могла бы присутствовать расшифровка понятий, поскольку для понимания того, что именно требуется от профессионала, часто недостаточно комбинации языкового чутья и здравого смысла. В этом отношении у меня имеется определенный собственный опыт, связанный с попытками обсуждать, на основе Модельного кодекса, реальные ситуации из педагогической практики со студентами педагогического университета на курсе «Этика образования». На фоне спутанного, логически необоснованного порядка выдвижения требований читателю кодекса крайне сложно выстроить градуированный ряд потенциальных нарушений профессиональной этики педагога, связанный с такими понятиями как «оскорбление личности», «неуважение к достоинству», «нетактичность», «недостаточное внимание к ученику» и т.д. А отсутствие дополнительного разъяснения используемых понятий усугубляет и консервирует эту ситуацию. Тем самым кодекс лишается возможности регулировать поведение профессионала в тех направлениях, которые зафиксированы в первых четырех метафорах Шварца.

Замечу по ходу, что определение базовых понятий профессиональной этики, фигурирующих в этических документах, является нетривиальной исследовательской задачей и практической необходимостью. Так, конкретизация того, что является, а что не является «унижением достоинства» человека в тех практиках, которые сопряжены с наложением социальных санкций, представляет собой предмет острейшей теоретической дискуссии с серьезными практическими импликациями. Об этом ярко свидетельствуют современные споры о том, какие наказания следует считать унижительными. Позиция учителя, даже при самом демократичном понимании его функций, предполагает асимметричные властные отношения с другими участниками взаимодействия (учениками) и полномочия по наложению санкций. А это значит, что ему также очень важно понимать, где именно проходит такая грань.

Но главное, конечно, что за пределами текста Модельного кодекса оказалось очень важное нормативное содержание. Его создатели избрали тот вариант построения документа, который не ограничивается декларацией базовых ценностей или принципов. Они пре-

дъявляют педагогу набор конкретизированных требований, с которыми ему следует сообразовать свое поведение. Но при этом не пытаются соотнести эти требования с многообразием: а) систем отношений, в которые вовлечен учитель, б) функций учителя, в) категорий учащихся, с которыми он имеет дело, г) отдельных этических проблем учительского труда. Если вести речь о системах отношений, то невозможно составить кодекс этики учителя, который был бы ориентирован на соответствие конкретным нормам (языком бизнес-этики – ориентирован на compliance), но не учитывал бы специфику требований, относящихся к взаимодействию с учащимися и к взаимодействию с коллегами. При этом любая попытка учесть такую специфику (может быть, разделив корпус норм в соответствии с ней) автоматически заставила бы создателей кодекса обратиться к некоторым важным частным проблемам учительского труда. Например, оформляя требования, действующие в сфере отношений педагога с учащимися, они не могли бы обойти нормы, касающиеся профессиональной тайны и сохранения дистанции с учениками. Они бы не смогли игнорировать тот факт, что учитель постоянно осуществляет оценку учебной деятельности учащихся, и понятие «беспристрастность» не упоминалось бы в кодексе исключительно в связи коррупционно опасным поведением. В тексте этического документа отразилась бы очень важная и болезненная проблема степени терпимости к академической нечестности учащихся и выбора способов реагирования на нее. При оформлении требований, действующих в сфере отношений педагога с коллегами, с необходимостью возник бы вопрос о включении в текст кодекса а) правил взаимной критики, б) описания механизмов информирования руководства о нарушениях профессиональной этики (последний вопрос является для академической среды особенно острым и чувствительным).

Список проявлений неполноты Модельного кодекса можно продолжать и далее. Документ не учитывает существования профессионально-этических дилемм и не дает представления об их месте в профессиональной практике. Сложные неоднозначные ситуации, включающие в себя конфликт между требованиями и требующие особо ответственного отношения к принимаемым решениям и их разнонаправленным последствиям, являются неотъемлемой частью профессиональной жизни педагога, а модельный кодекс ориентирует свою аудиторию исключительно на беспроблемное выполнение содержащихся в нем норм. Впрочем, он изначально выстроен так, что тематика моральных дилемм не может получить в нем отражение. Решение профессионально-этических дилемм предполагает уникальное ситуативное взвешивание стоящих на кону ценностей (об-

щих принципов) частной профессиональной этики. А Модельный кодекс, как мы уже знаем, вообще не содержит такого блока. В более проработанном документе присутствовал бы и сам подобный блок, и разъяснение сути дилемматических ситуаций и, возможно, рекомендации, касающиеся принятия решений попадающими в них профессионалами (какими бы несовершенно и приблизительными эти рекомендации ни были); о дилеммах в профессиональной деятельности учителя подробнее см.: [8, 12]. Другая важная лакуна кодекса состоит в том, что он ничего не требует от членов профессионального сообщества, занимающих руководящие позиции внутри учебного заведения (директоров, завучей и т.д.). Однако это важнейшая часть профессионально-этического регулирования, и присутствие в кодексе требований, обращенных к академической администрации, не только указывает на то, что ее деятельность сопровождается этическими ограничениями, но и подчеркивает, что такие ограничения обращены к ее представителям как к равным членам профессионального сообщества, внутри которого иерархические отношения не имеют решающего значения (см. подробнее: [4]). Наконец, Модельный кодекс совершенно не приспособлен к тому, чтобы выступать в качестве средства защиты профессионала от давления и произвола администрации организации, в которой он работает.

Зачем я уделил такое пристальное внимание этому бюрократическому и заведомо имитационному документу? Совсем не для того, чтобы уличить его авторов в слабой профессионально-этической компетентности. А для того, чтобы наметить возможные пути изменения к лучшему того кодекса, который, хотя и является формальной отпиской со стороны бюрократической структуры, по своему предназначению может играть позитивную роль. Будучи модельным документом, он спускается в педагогические коллективы, и они вынуждены реагировать на него. Такая реакция может быть разной: от простого механического утверждения модели в качестве собственного документа образовательного учреждения до заинтересованного обсуждения модельного кодекса и создания на его основе системы локального профессионально-этического регулирования. В ходе обсуждения могут появиться очаги самоорганизации профессионального сообщества на низовом уровне. А в этом случае, чем лучше модель, тем успешнее может быть такая работа. Анализ возникающих в школах кодексов показывает, что прецеденты обсуждения и переработки предложенного министерством документа были. И продукты такой переработки, как правило, лучше спущенной сверху модели. Именно поэтому случай с модельными кодексами ведомств является приме-

ром ситуации, в которой для специалиста по профессиональной этике имеет (или, вернее, имело бы) смысл напрашиваться на роль советчика, превращаться в инициативного консультанта или эксперта.

Разрешение ситуативных этических затруднений профессиональной практики

Второй формат практической деятельности в области профессиональной этики связан с другим типом реципиентов. Как я уже указывал, это отдельные профессионалы или группы профессионалов, нуждающиеся в помощи для разрешения ситуативных этических проблем, возникающих при их взаимодействии с институциональными структурами профессионального сообщества и организации, с клиентами, а также между собой. Эта помощь оказывается в режиме консультирования, и для ее понимания нет даже условной необходимости противопоставлять проектный подход – консультационному. Этические консультации осуществляются либо по прямому запросу реципиента, который осознал возникшие трудности и нуждается в анализе ситуации специалистом по профессиональной этике или в участии такого специалиста в коллективном обсуждении возникшей проблемы, либо в порядке реализации рутинных процедур, предусмотренных этическим режимом организации или профессионального сообщества. В последнем случае получение консультаций специалиста по этике является обязательным моментом в ходе осуществления должностных обязанностей профессионала либо его частной практики. Сам же такой консультант, как правило, включен в работу специализированных структур, создаваемых организациями или профессиональными сообществами. Можно представить себе и другой вариант институционализации подобной практики: специалист является частью структуры, которая независима от организаций и сообществ и предлагает им свои услуги по образцу консалтингового агентства.

Кейс 2. Развитие системы этических консультаций в клинической практике и медицинских исследованиях в США

Практика этического консультирования получила свое наиболее раннее и наиболее широкое развитие в медицинской сфере. Ее становление происходило параллельно с формированием биоэтики как особой исследовательской дисциплины и было следствием той же ситуации, которая вызвала к жизни биоэтический дискурс и биоэтическую инфраструктуру. Возникновение медицинских технологий, которые позволяли искусственно поддерживать жизнь пациента в течение длительного времени, поставило перед медиками вопросы о том, в каких случаях следует подключать пациента к системам под-

держки жизни и отключать от них и как распределять доступ к подобной медицинской технике. Отвечающий на эти вопросы врач принимал решение о жизни и смерти другого человека, опираясь на определенные ценностные основания, фактическую сторону медицинского кейса и анализ возможностей медицинского учреждения. Его решение, с одной стороны, требовало учета целого комплекса разнородных резонансов, а с другой – ложилось невыносимо тяжелым грузом на совесть профессионала, вынужденного играть роль Бога. Оба этих обстоятельства заставили медицинское сообщество искать целостный практический выход из затруднительного положения. Дополнительным фактором, усложнявшим ситуацию, стало изменение роли пациента в процессе лечения. В связи с усилиями движения за права пациентов (потребителей медицинских услуг), пациент и его представители превратились в одного из субъектов этого процесса. Они не просто стали стороной в принятии медицинских решений, но и потенциальными инициаторами судебных процедур в случае неправильных, с их точки зрения, действий врача. Чем тяжелее были потенциальные последствия врачебного решения, тем большие опасения вызывала у врачей перспектива судебного преследования. Случаи, связанные с отключением систем поддержания жизни, которое представляет собой фактическое причинение смерти, стали болезненным фокусом подобных опасений. Позднее похожую роль стали играть решения, связанные с трансплантацией органов. На все три упомянутых выше проблемы (проблему моральной сложности медицинских кейсов, проблему зашкаливающей индивидуальной ответственности врача, проблему его юридической уязвимости) медицинское сообщество ответило созданием этических комитетов, а позднее – формированием практики этических консультаций.

В североамериканском контексте первым существенным шагом в этом направлении стала статья «Дилемма врача» Карен Тил (1975), в которой содержался призыв к медицинским учреждениям создать механизмы, позволяющие разделить ответственность за трудные врачебные решения, снять с лечащего врача невыносимую тяжесть вины за действия, связанные с прерыванием жизни. Среди таких механизмов она упоминала создание «форумов» для диалога по индивидуальным медицинским кейсам [14]. В решении суда по знаменитому делу Карен Энн Квинлан (в рамках которого родители девушки, находящейся в постоянном вегетативном состоянии, требовали от больницы отключить ее от системы поддержания жизни), сохранилась ссылка на эту статью и рекомендация создавать этические комитеты. Такие комитеты начали возникать, однако, даже через 7-8 лет они еще не получили широкого распространения, а там,

где возникли, не были ориентированы на потребности медицинских профессионалов. Вместе с тем, стремление врачей решить проблемы моральной сложности, моральной перегрузки и юридической уязвимости только усилилось. Об этом свидетельствовал их повышенный интерес к психиатрическим консультациям по поводу депрессии, порожденной врачебными решениями с трагическими последствиями. Однако психиатрические консультации по определению не могли изменить ситуацию врача, чувствовавшего мучительную неопределенность и вину. Ведь они не затрагивали нормативно-этической сути его затруднений.

Иной тип помощи врачам был предложен специалистами по этике, которые работали в медицинских колледжах. Для этого им пришлось сменить привычные подходы к анализу этических проблем и заняться приобретением дополнительных навыков, поскольку консультационная работа существенным образом отличается от работы нормативно-аналитической. Значительную роль в развитии практики этических консультаций сыграли доклады президентской комиссии по этическим проблемам медицины, одобрившей необходимость совместного принятия решений врачом и пациентом и рекомендовавшей консультации с этическими комитетами в качестве средства разрешения разногласий между ними (1983). Отчет о первом опыте этической консультации в медицинском учреждении был опубликован в 1984 г., а в 1985 прошла первая конференция медицинских этических консультантов. Созданная ею волна интереса к данной практике привела к основанию «Общества биоэтических консультаций» (1987), которое позднее волеется в «Американское общество биоэтики и гуманитарных наук». В дальнейшем наблюдался неуклонный, хотя и имевший свои пики и спады, рост количества медицинских учреждений, в которых имеются консультационные службы, и общего объема консультационных услуг. К 2013 г. этические консультации, организованные тем или иным образом, оказывались в 80% американских больниц и в 100% крупных больниц США (историю развития клинических этических консультаций см.: [10, 13]).

Все годы своего существования практика медицинских этических консультаций являлась предметом активных споров, некоторые участники которых ставили под вопрос саму ее необходимость или оспаривали те или иные ее организационные формы. Некоторые противники консультационной системы видели в ней одну из причин размывания и ослабления институциональных основ медицинской практики, разрушения авторитета врача и утраты медицинскими решениями рациональности. Другие противники считали, что наличие консультантов по этическим вопросам притупляет озабоченность

врачей этической стороной их деятельности и превращает для них этические вопросы в маргинальные. Вместо того, чтобы служить способом снижения моральной перегрузки врача, консультирование может стать механизмом, который заменяет собственное моральное рассуждение и собственное моральное суждение профессионала. В задачу последнего превращается исключительно выявление этически проблемных ситуаций с последующей передачей права разобрататься с ними специалистам по этическим вопросам – консультантам, прошедшим специальную подготовку. Те же последствия заботили и некоторых сторонников консультационной практики, однако они допускали возможность выстроить систему этического консультирования так, чтобы она не играла негативной роли.

Охарактеризованные выше аргументы (не важно, принадлежат ли они критикам или сторонникам этического консультирования в сфере медицины) исходят из особого понимания целей этой практики. Оно сосредоточено на фигуре врача и сводит назначение консультирования к содействию именно ему. Кроме того, оно предполагает, что консультирование призвано найти единственное в своем роде, объективно правильное для данной ситуации решение и предъявить его всем, кто задействован в определенном медицинском кейсе. Однако многие теоретики и практики ставят такое целеполагание под сомнение. Во-первых, они считают, что консультационный процесс может и должен рассматриваться не как процесс предъявления врачу неотразимых аргументов, разрешающих конкретный медицинский кейс, а как процесс, в ходе которого расширяется понимание врачом этических аспектов кейса. Тогда консультант превращается из эксперта во вдумчивого, хорошо информированного собеседника, диалог с которым делает решения врача более зрелыми и обдуманными. Во-вторых, они считают, что в центре процесса консультирования должен находиться не врач, а пациент, причем не в связи с его абстрактным благом и не в связи с абстрактным уважением к его потребностям и интересам, а в связи с сохранением его автономии. В этом отношении опасения, связанные с подрывом авторитета врача, изначально не могут иметь существенного значения. Консультация по сути своей является диалогическим процессом, в котором нет места жестким вертикальным отношениям. В-третьих, они уверены, что консультирование должно учитывать не только пару врач-пациент, а всех затронутых медицинской ситуацией лиц. Имеются в виду семья пациента и все медицинские специалисты, задействованные в лечении и уходе. Каждый из этих участников должен быть вправе инициировать процесс этического консультирования и принимать в нем участие.

Организации, пытающиеся объединить участвующих в практике этических консультаций специалистов, высказываются в пользу дискурсивного и пациентоцентричного понимания сути этой практики. В этом отношении примечателен доклад «Американского общества биоэтики и гуманитарных наук» 1995 года. В этом докладе содержится призыв найти середину между двумя крайностями. Первую крайность представляет собой авторитарный подход, в рамках которого консультант считается источником объективно правильных решений. Он выявляет ценности, на основе которых решение должно быть принято, соотносит с ними сугубо медицинскую сторону кейса и выносит вердикт. Даже если консультант включается в процесс принятия решения не в связи с запросом врача, а по просьбе пациента или его близких, он выступает не в качестве модератора их диалога, а в качестве своего рода «этического прокурора». Другую крайность представляет собой так называемая «чистая фасилитация», в случае которой консультант включается в спор между участниками ситуации исключительно с целью достижения согласия между ними. В этом случае из деятельности консультанта выпадает ценностная, собственно этическая составляющая. Консультант начинает играть роль «согласительной комиссии». Серединой между этими крайностями, по мнению авторов доклада, является так называемая «этическая фасилитация». Она также ставит целью достижение согласия сторон. Однако это согласие должно сложиться, с одной стороны, внутри определенных ценностно-нормативных рамок, а с другой – на основе общего убеждения, что решение невозможно вывести из ценностей как логический вывод из отправных посылок. Этому препятствуют как неустранимая ценностная неопределенность, так и необходимость уважать автономию сторон, что предполагает право каждой из них на выбор собственных ценностных ориентиров. В значительном количестве реальных медицинских кейсов имеет место довольно широкий ряд морально допустимых способов их разрешения. Этический консультант принимает это как данность и пытается на фоне этой данности сблизить позиции сторон в условиях уникального ситуативного контекста (анализ доклада см.: [6]).

Отдельный повод для расхождений и споров создает вопрос о том, кто должен быть тем специалистом, который осуществляет консультационную деятельность, каковы его профессиональные компетенции. В отличие от академического этика, входящего в состав этического комитета, консультант должен обладать гораздо более разнообразными знаниями, умениями и навыками. На данный момент действует ряд рекомендательных документов формализующих компетенции консультантов. Если следовать им и исследовательским

статьям по проблеме, у этического консультанта должна быть специальная подготовка, относящаяся к собственно медицинским проблемам. Он должен хорошо разбираться в институциональном устройстве медицинских учреждений и этосе медицинских работников. Он должен иметь знания в области этической теории и навыки нормативного мышления (этической рефлексии), а также пройти тренинг в области выстраивания диалогической коммуникации. Все это должно дополняться набором личных психологических качеств, которые вряд ли могут быть сформированы какой бы то ни было образовательной программой. Многоаспектность требуемых качеств и компетенций часто служит аргументом против самой возможности эффективной консультативной деятельности в этических вопросах. Одним из вариантов ответа на него считается создание небольших команд консультантов, включающих в себя специалистов в разных областях.

Интересным развитием консультационной практики в медицине является ее перенос из области решения клинических кейсов в область медицинских исследований (дополнение системы «bedside consultations» системой «benchside consultations»). Это процесс развернулся в 2000-х гг. Его инициаторы рассматривали в качестве своей цели помочь исследователям внедрить в их практику этические ценности как на этапе проведения исследования, так и на этапе представления его результатов. Смысл таких консультаций состоит в том, чтобы улучшить качество самих исследований, а также более полно защитить права испытуемых и интересы общества.

Первоначально этические консультации в сфере медицинских исследований были делом энтузиастов, откликнувшихся на запрос отдельных исследовательских групп. Однако с течением времени в рамках крупных исследовательских центров деятельность консультантов стала официализированной и формализованной. Опыт показал, что включение этических консультантов в сами исследовательские группы и финансирование их работы за счет средств, на которые ведутся исследования, контрпродуктивно, поскольку в этом случае консультант оказывается подотчетен руководству проекта. Однако, несмотря на независимость от руководства проекта и подчинение руководству медицинского учреждения, консультанты остаются именно консультантами, а не внешними этическими аудиторами, поскольку действуют по запросу исследователей и придерживаются правил конфиденциальности. Уровень осведомленности консультантов о проекте и возникших у его участников этических проблемах может быть разным. Об этом команда консультантов и участники проекта договариваются заранее. В некоторых случаях предполагается, что консультанты проясняют исследователям определенный этиче-

ский вопрос без получения конкретной информации о положении дел, вызвавшем обращение к ним, в других – в их задачу превращается анализ всех подробностей сложившейся ситуации. Конечным результатом работы консультантов являются рекомендации исследователям.

Запросы на консультирование появляются, как правило, не по поводу очевидных нарушений правил ответственного проведения научных исследований, а по поводу пограничных кейсов, в которых требуется дополнительная интерпретация этих правил. Консультанты сталкиваются со случаями: а) которые имеют комплексный и запутанный характер, б) прямо не охватываются правилами в силу того, что они относятся к новым областям исследования или к применению новых исследовательских методов, в) в отношении которых не сложился консенсус исследовательского сообщества (в числе примеров последнего рода фигурирует пример порогов «минимального риска» в педиатрических исследованиях). Исследователи могут подозревать, что в их деятельности складывается проблемная в этическом отношении ситуация, но понимать при этом, что существующее регулирование не позволяет ее точно идентифицировать. Услуги консультанта необходимы им для того, чтобы тот либо обосновал, либо развеял такие подозрения. В этой связи опыт этических консультаций в сфере медицинских исследований превращается в одну из основ для формулирования или уточнения нормативного содержания нормативных документов, на которые опираются надзорные службы в области ответственного проведения научных исследований (обзор развития системы консультирования медицинских исследователей см.: [7, 9]).

На данный момент ситуативные этические консультации становятся все более и более распространенным явлением и за пределами медицинской практики (клинической и исследовательской). Они распространены в этике социальной работы, встречаются в инженерной этике, бизнес-этике, этике юриста. Это ставит вопрос о том, какую роль они могут играть в академической среде. Представленный выше анализ показывает, что в медицинской сфере консультации бывают двух типов. Один находит парадигмальное выражение в клинических консультациях, другой – в консультировании медицинских исследователей. В первом случае к процессу консультаций привлечен клиент или его представители, в другом – консультант взаимодействует исключительно с профессионалом. В первом случае от консультанта ожидается модерирование диалога, которое облегчает

нахождение взаимоприемлемого решения, учитывающего универсальную ценностно-нормативную рамку медицинской практики и индивидуализированные, автономно избираемые концепции блага, во втором случае – консультант сосредоточен на поиске правильной интерпретации ценностей и норм профессиональной этики в неоднозначных, запутанных, новационных контекстах. Хотя эта тема требует специального развернутого исследования, по моей предварительной гипотезе, оба типа консультирования вполне уместны в современном университете. Это относится и к тем этическим консультациям, которые находятся между двумя этими типологическими полюсами.

Прежде всего, в академической сфере может быть заимствован опыт этического консультирования исследовательских групп и отдельных исследователей. Чем ближе исследовательская практика к той, которая имеет место в медицине, то есть к использованию в качестве испытуемых людей или животных, к проведению экспериментов, которые сопровождаются существенным риском для общества и окружающей среды и т.д., тем больше потребность в оказании исследователям консультационной помощи в вопросах соблюдения этических ограничений их деятельности. Здесь, как и в области медицинских исследований, требуется оптимальное совмещение просвещения, надзора и консультирования. Однако и в тех исследованиях, где подобный контекст отсутствует, этическое консультирование не теряет своего смысла. Способы использования результатов чужих исследований, корректное разграничение положений, которые остаются гипотетическими, и которые можно уже считать подтвержденными, представление результатов совместных исследований, способы использования собственных уже опубликованных идей и материалов – все это в значительном количестве случаев не поддается прямолинейному регулированию на основе норм кодекса или прилегающих к нему руководящих указаний. Здесь сохраняется пространство для сомнений и интерпретаций, а значит и запрос на консультацию специалиста.

В области преподавания этическое консультирование также вполне уместно. Моральная квалификация действий преподавателя, связанных с реагированием на академическую нечестность, с оценением результатов учебной работы, с сохранением или потерей дистанции в отношении студентов, с установлением пределов самостоятельности обучающихся при осуществлении научного руководства и т.д., далеко не всегда является очевидной. Эта неопределенность порождает запрос на консультирование, прежде всего, со стороны самих преподавателей. Но точно такой же запрос присут-

вует и на противоположной стороне образовательных отношений. Этическая консультация могла бы быть важным предварительным моментом перед обращением студента в этическую комиссию в связи с предполагаемым нарушением преподавателем профессиональной этики.

Казалось бы, в университетской среде неактуален опыт клинического этического консультирования, в рамках которого в центре внимания находятся обеспечение автономии и уважение к свободно избираемым концепциям блага и системам ценностей. Однако если вспомнить о таком явлении как академическая свобода, то и этот аспект оказывается важен в консультационно-этической практике в академической среде. Разрешение проблем, связанных с нарушениями академической свободы или со злоупотреблениями ею, невозможно представить себе без дискуссии о способах обеспечения и о границах автономного выбора, а также без организации многостороннего обсуждения этих вопросов. Представим себе ситуацию, в которой необходимо понять, должен ли преподаватель скорректировать содержание своего академического курса, в котором ярко выражены его личные убеждения. Администрация или студенты могут не инициировать разбирательство в этическом комитете (поскольку сами, возможно, неуверенны в том, что преподаватель выходит за пределы академической свободы), а запросить этическое консультирование. Именно в таких ситуациях может оказаться важен опыт «этической фасилитации», хотя роль сторон будет несколько иной, чем в случае клинических консультаций. В центре внимания будет находиться не автономия клиента, а автономия профессионала.

Список литературы

1. *Бакштановский В.И.* Прикладная этика: лаборатория науки. Т. 2. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2010.
2. Модельный кодекс профессиональной этики педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=159471&fld=134&dst=100007,0&rnd=0.13180667478204522#007268538409264624> (дата обращения: 04.05.2019).
3. *Прокофьев А.В.* Институционализация этики профессий и организаций: пределы возможного // *Ведомости прикладной этики.* 2018. Вып. 52. С. 19–36.
4. *Прокофьев А.В.* О профессиональной этике университетского руководства // *Ведомости прикладной этики.* 2015. Вып. 47. С. 27–50.

5. Прокофьев А.В. Этика минимальных стандартов и этика высоких устремлений в профессии инженера // Профессиональная этика инженера: Опыт коллективной рефлексии для магистр(ант)ов и профессоров: коллективная монография / Под ред. В.И.Бакштановского. Тюмень: НИИ ПЭ ТИУ, 2018. С. 166–184.
6. Aulisio M. Meeting the Need: Ethics Consultation in Health Care Today // Ethics Consultation: from Theory to Practice / Ed. by M.P.Aulisio, R.M.Arnold, S.J.Youngner. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2003. P. 3–22.
7. Cho M.K., Tobin S.L., Greely H.T., McCormick J, Boyce A., Magnus D. Strangers at the Benchside: Research Ethics Consultation // The American Journal of Bioethics. 2008. Vol. 8. № 3. P. 4–13.
8. Ehrich L.C., Kimber M., Millwater J., Cranston N. Ethical Dilemmas: a Model to Understand Teacher Practice // Teachers and Teaching: Theory and Practice. 2011. Vol. 17(2). P. 173–185.
9. Havard M., Cho M. K., Magnus D. Triggers for Research Ethics Consultation // Science Translational Medicine. 2012. Vol. 118. Issue 4.
10. Kanoti G., Younger S. Clinical Ethics. II. Clinical Ethics Consultations // Encyclopedia of Bioethics, 3rd edition / Ed. by S.G.Post. NY: Macmillan Reference, 2003. P. 439–444.
11. Schwartz M. The Nature of the Relationship between Corporate Codes of Ethics and Behaviour // Journal of Business Ethics. 2001. Vol. 32. P. 247–262.
12. Shapira-Lishchinsky O. Teachers' Critical Incidents: Ethical Dilemmas in Teaching Practice // Teaching and Teacher Education. 2010. Vol. XXX. P. 1–9.
13. Tapper E.B. Consults for Conflict: The History of Ethics Consultation // Baylor University Medical Center Proceedings. 2103. Vol. 26. № 4. C. 417–422.
14. Teel K. The Physician's Dilemma: a Doctor's View: What the Law Should Be // Baylor Law Review. 1975. Vol. 27. P. 6–10.

А.А. Скворцов

УДК 174

Этическое консультирование: ожидания и разумные перспективы

Аннотация. Статья посвящена обсуждению возможностей, которые открываются для академической этики в сфере проведения этического консультирования. Автор полагает, что в ситуации не востребоваемости исследовательской этики в практиках этического регулирования, сложившихся на данный момент в российских университетах, для неё открываются широкие возможности проведения консультирования в сотрудничестве с различными направлениями профессиональной этики. Практики профессионального регулирования, в силу некоторых особенностей, указанных в статье, представляются наиболее открытыми для совместной работы. Осуществляя консультирование, академическая этика может выступать как медиатор диалога между профессиональным сообществом и их целевыми аудиториями. При этом нередко именно от профессиональных сообществ идет запрос на консультирование с целью сделать понятными для общества их нормативные и ценностные декларации. Приводятся примеры интересных для современных исследований опытов этического консультирования, в которых принимал участие автор статьи.

Ключевые слова: этика, профессиональная этика, академическая этика, этическое консультирование, экспертиза, этическое регулирование, этический кодекс, ценности.

На данный момент следует признать, что этика, понимаемая как практика утверждения высоких принципов и ценностей, добровольно принимаемая сообществом ради установления благоприятной для всех заинтересованных лиц, пока не смогла утвердиться в российской деловой культуре. Сегодня ещё очень мало сообществ, которые готовы ориентироваться в своей деятельности на гуманистические ценности, служащие установлению подлинно человеческих отношений и, как следствие, совершенствованию общества. Самое неприятное, что случилось с практической этикой, это факт того, что в наиболее аутентичном для неё пространстве, где она размышляет и развивается, т.е. в академической среде, на деле она оказалась невостребованной. Если другие сферы социальной жизни для этики как исследовательской дисциплины были не всегда понятны, то, казалось бы, хорошо ей знакомый университетский мир вполне мог быть ей освоен с точки зрения практической реализации. Однако ожидания не оправдались: волна увлечения этикой, затронувшая академическую среду лет десять назад, прошла и стала истори-

ей. Для её исчезновения были конкретные причины: университеты в большинстве своем утратили последние элементы автономии и стали управляться инструментами жесткого администрирования. Отныне от коллектива ученых и педагогов, когда-то определявших направления развития своих институций, ничего не зависит; все директивы спускаются сверху. Для рядовых сотрудников смысл этих директив фактически сведен к двум императивам: работать ради обогащения западных компаний, управляющих известными индексируемыми базами данных, и работать ради получения прибыли родным университетом. Отсюда цели и ценности академической деятельности стали определяться исключительно прагматическими, количественными критериями, далекими от моральных соображений. Изменения, произошедшие с высшей школой за последние 10 лет, впечатляют масштабами краха именно моральных ценностей науки и образования. В предыдущей статье мы назвали этот процесс «трансгрессией»: внезапный переход общества от понимания академической работы как дела служения обществу к пониманию ее как сферы услуг. Есть впечатление, что ни социологи образования, ни сами обитатели академической среды в полной мере ещё не осознали произошедшую в сфере их деятельности революцию. Было бы очень интересно рассмотреть её, например, в идеологическом контексте. В 90-х годах, в эпоху господства либеральных ценностей, когда само слово «патриотизм» было едва ли не ругательным, молодым педагогам и ученым, поступавшим работать в университет, внушали, что главная цель их работы – служение науке и Родине. Теперь же, когда патриотизм стал официальной идеологией, им внушают, что истинная цель их работы – коммерческая эффективность. Создается впечатление, что в бескорыстную науку и самоотверженную педагогику никто больше не верит. Изменения в идеологии науки и образования неизбежно ведут к изменениям в антропологии: образ ученого-энциклопедиста и педагога-интеллектуала, независимых в суждениях и выборе предмета исследования, заменен на роли обезличенных служащих, чья работа регламентирована указаниями сверху. Обезличенность сотрудников приводит к тому, что их деятельность начинает оцениваться исключительно по количественным показателям. А если результат деятельности людей больше не содержит частичку их души и не является произведением их индивидуальности, то сама эта деятельность становится банальным производством, результат которого – стандартная продукция. Соответственно, сугубо количественное восприятие результатов труда в глазах начальства обязательно сводится к оценке «мало!» и к императиву «надо больше!» Так, недавно министр высшего образования и науки заявил о необ-

ходимости увеличить количество публикаций российских ученых в международных журналах на 70 тысяч [3]. По сути, не важно, что конкретно будет содержаться в этих публикациях, и как они повлияют на развитие разных отраслей науки и общества. Важно просто увеличить число зачастую искусственно собранных текстов – как, к примеру, важно увеличить производство картофеля либо металла.

Все эти обстоятельства приводят к тому, что обитатель современной российской высшей школы, как правило, сильно ограничен в выборе: что и как преподавать, где, с кем, в каком количестве и на какие темы публиковаться. Поэтому, если в некоторых институтах высшей школы ещё и говорят об этике, то под этим понимают скорее дрессировку с целью добиться ещё большей «эффективности», выраженной в необходимости достижения произвольно взятых контрольных цифр и наиболее точного исполнения приказов начальства. Если же где-то ещё и остались институты этического регулирования в виде этических комиссий, то там крайне редко востребованы знания и консультации специалистов по этике.

Изгнание этики как практики сотрудничества из российских вузов стало печальным фактом в истории отечественной прикладной этики, но это отнюдь не означает, что она перестанет развиваться. Нет сомнения, что она сможет найти поле для деятельности, в том числе консультационной. В нашей стране, хоть и не часто, но все же существуют области социальной практики, которые, стремительно развиваясь, глубоко задумываются над этическим содержанием своей деятельности, а также её общественной значимостью. В первую очередь, следует обратить внимание на профессионально ориентированные практики, многие из которых внедряют различные институты этического регулирования. На мой взгляд, именно профессиональные сообщества могут стать, а иногда уже становятся, главным заказчиком на этическое консультирование. У профессиональной этики есть существенное преимущество перед корпоративной: она стремится быть прозрачной и понятной для общества. Корпоративная – тоже имеет тягу к открытости, но в ней всё-таки остаются закрытые области, не предназначенные для общественного внимания. Кроме того, в корпорациях существует система администрирования, которая оставляет мало пространства для рефлексии над целями и ценностями и настроена в большей степени на оптимизацию деятельности. Профессиональные сообщества, как правило, не администрируются сверху и представляют собой свободные партнерства, объединенные именно на основании общих целей и ценностей. Отсюда становится возможной и весьма важной рефлексия над ними.

Есть ещё несколько значимых черт, делающих профессиональную этику восприимчивой к идеям этики исследовательской. Во-первых, отметим, что профессии посредством своих ценностных деклараций, дабы убедить общество в своей незаменимости, приписывают себе высочайший социальный статус. С этого начинается любой профессиональный кодекс, как древний, так и современный. Медики убеждают общество, что они – самая гуманная профессия, защищающая жизнь; журналисты утверждают, что только они в полной мере реализуют право общества на достоверную информацию; инженеры убеждают что только они обеспечивают технологический прогресс; а психотерапевты утверждают – они единственные, кто способен защитить личность от отрицательного влияния окружающей среды. Кодексы убеждают, что мир невозможно представить без таких профессий, и они потенциально могут расширять свои сферы деятельности, приспосабливаясь к быстро меняющимся условиям.

Во-вторых, что делает профессиональные кодексы именно этическими, и почему исследовательская этика может оказаться востребованной в практиках такого рода? Профессиональная этика представляет собой нормативную и ценностную систему, декларируемую от имени сообщества; она отличается от обыденной морали, которая обращается персонально к каждому человеку. Но, как и в случае с индивидуальной моралью, сообщество принимает ценности и императивы добровольно, исходя из своего понимания мироустройства и наилучшей жизни в нем. Именно добровольность, понятая и как избрание сообществом ценностей для последующей реализации, и как право каждого индивида свободно присоединиться к сообществу, делает такого рода регулирование именно этическим. Профессиональное сообщество декларирует свою готовность в повседневной практике добровольно реализовывать ценности, предпочитаемые всем обществом. Кроме того, в его представлении ряд наиболее важных ценностей может полнее реализовывать только эта профессия. Медики – здоровье и качество жизни, юристы – справедливость, экономисты – благополучие, педагоги – гармоничное развитие личности и т.д.

Феноменологическое рассмотрение кодексов позволяет выявить и ещё один аспект возможного сотрудничества – характер этического регулирования и возможных санкций за нарушение кодекса. Далеко не все документы такого рода предполагают четко сформулированные санкции; есть кодексы-декларации, которые своим видом выражают некий идеал и, соответственно, лишь намекают на осуждение тех, кто не желает на него ориентироваться. Но наряду с ними существуют документы, которые отводят целые разделы воз-

возможным санкциям за несоответствие профессиональным стандартам. Речь идет именно об этических санкциях, которые не могут повторять правовые в силу характера самого регулирования. Они не могут прибегать к насилию в правовом смысле, хотя могут обращаться к различным инстанциям с просьбой исключить нарушителя из профессионального сообщества. Этические санкции в силу самой специфики морали не могут быть направлены на осуждение и наказание; в большей степени они должны быть настроены на сотрудничество и восстановление отношений. Но в каких конкретно мерах воздействия они выражаются? как и от имени кого могут быть применены? В этих вопросах академическая этика может оказать консультационную помощь исходя из концептуального, философского понимания этического.

Рассуждения о различных чертах профессиональной этики не должны заслонять её главного назначения – формулирования ценностных ориентиров для профессии, которая должна способствовать благу общества. Можно сказать, что появление и внедрение в профессиональную практику такого рода документов свидетельствует о тенденции, направленной на абсолютизацию морали. Профессии на уровне своих ценностных деклараций, не желая мириться с уже сложившейся, иногда стихийно, практикой (где может содержаться немало отрицательных явлений), пытаются интегрировать в свою повседневную деятельность ценности из мира абсолютных ценностей, безусловно предпочитаемых людьми. Но здесь возникает существенное затруднение: кто именно уполномочен формулировать ценностные ориентиры для конкретной профессии, и насколько эти ориентиры будут совпадать с ожиданиями общества? Не случится ли здесь некоторой «ценностной слепоты», когда профессионалы в одной из областей станут посредством кодекса продвигать собственные интересы, не считаясь, либо даже не понимая запросов общества? И другая трудность: хорошо ли специалисты из конкретной сферы профессиональной практики понимают границы своей профессии? Не будут ли они претендовать на социальные пространства, которые традиционно не входили в поле их профессиональной ответственности? Например, до каких пор может распространяться медиализация жизни, либо насколько широким может быть круг тех, кому требуется психологическая помощь?

Разумно предположить, что в деле установления ценностных ориентиров приоритет должен быть у самих профессионалов. Ориентиры некоторых профессий формировались на протяжении столетий, а их ценностное содержание лучше всего понятно только тем, кто длительное время погружен в профессиональную практику как в

повседневную работу. Однако «приоритет» не означает исключительного права. Общество также имеет право требовать от профессиональных сообществ ориентации именно на всеобщие ожидания. И здесь речь идет не об абстрактном обществе, а о целевой аудитории потребителей благ и услуг, за качественное предоставление которых отвечает профессия. Ценностные ориентиры для медиков не могут быть установлены без мнения потенциальных пациентов, ориентиры журналистов без мнения потребителей информации, а педагогов – без мнения родителей, а по некоторым важным вопросам – и без мнения детей. Диалог между «поставщиками» и «потребителями» профессиональных навыков относительно ценностного содержания общественно значимых ролей показывает профессиональную этику как процесс, в котором обладатели специальных навыков готовы отвечать на меняющиеся требования социума. В данном случае академическая этика не может претендовать на то, чтобы говорить от имени всего общества, но она вполне может выступить модератором такого диалога. И, возможно, только ей удастся сделать этот диалог эффективным, поскольку способна, с одной стороны, перевести общественные ожидания на язык ценностных предпочтений, с другой – оценить ценностную декларацию профессии на соответствие этим ожиданиям. Следует заметить, что академической этике не надо униженно проситься на эту роль. Уже сейчас немало сообществ, которые обращаются к специалистам по этике с целью выяснения, насколько их кодекс понятен обществу или насколько он созвучен лучшим образцам, существующим в мире, либо в других профессиональных группах. В этом плане экспертиза кодексов может вестись по следующим направлениям: 1) корректность и непротиворечивость нормативного и ценностного языка, его точность и прозрачность для общественного восприятия; 2) вопрос ценностных приоритетов и иерархии ценностей; 3) точность понимания ожиданий потребителей, мера осознания их реального положения, их нужд и оценок самой профессии; 4) готовность (хотя бы на уровне обсуждения кодекса) к сотрудничеству с целевой аудиторией потребителей, а также с другими общественными институтами; 5) оценка рисков дискриминации каких-либо групп, чьи права и ожидания кодекс не учитывает, хотя данная профессия призвана взаимодействовать в том числе с ними.

По поводу последнего, пятого, можно привести интересный пример. Автор данной статьи в 2015 году был приглашен от этического сообщества к обсуждению Кодекса этики Олимпийского коми-

тета России (ОКР)*. Этот кодекс задумывался как отечественный вариант Кодекса этики Международного олимпийского комитета (МОК) [7]. Авторы представили несколько черновых вариантов, из которых затем был сделан один, представленный для обсуждения. В целом, основные положения отечественного кодекса почти дословно повторяли формулировки из международного аналога, однако многие, кто принимал участие в дискуссии, заметили, что могут появиться серьезные разночтения в вопросе, на кого конкретно распространяется кодекс. Большинство из его положений начинались словами «Заинтересованные лица», и уже во втором пункте документ уточнял, что понимает под ними: «Кодекс этики ОКР применяется ко всем членам ОКР – физическим и юридическим лицам, членам Олимпийской команды России, членам Олимпийской делегации России, работникам ОКР, волонтерам и представителям ОКР, членам руководящих, контрольно-ревизионных органов и иных органов ОКР». Оставляя в стороне формальный вопрос, насколько словосочетание «заинтересованные лица» передает фразу из кодекса МОК «The Olympic parties», все же следует заметить, что самая значительная часть аудитории олимпийского движения оказалась из кодекса исключена. Речь идет о болельщиках, т.е. о тех, ради кого существует олимпизм. Получается, что они дискриминированы в том плане, что не имеют ни прав, ни обязанностей. А ведь часто по поведению болельщиков судят о спортивной культуре и вообще – о культуре страны. Поэтому крайне важно, чтобы болельщики ориентировались на принятые в олимпийском движении ценности, особенно на запрет дискриминации, расизма, оскорблений. Нередко бывали случаи, когда международные федерации штрафовались именно за поведение болельщиков. С другой стороны, в кодексе следовало бы зафиксировать, что спортсмены, тренеры и все, причастные к спорту высших достижений, обязаны помнить, что на них смотрят миллионы, а значит, спорт имеет ещё и воспитательное значение. В начале обсуждения проекта кодекса лица, ответственные за его разработку, стали говорить, что кодекс – профессиональный, поэтому болельщики, не являющиеся профессиональными спортсменами, не могут быть его целевой аудиторией. Но когда им напомнили, что Олимпийский комитет сам организует команды болельщиков для поддержки национальных команд, т.е. сам настойчиво их включает в олимпийское сообщество, руководство согласилось, что требуется раздел кодекса о стандартах поведения болельщиков. Иначе получается, что Олимпийский комитет не уде-

* Документ с таким названием на данный момент ещё не принят, поэтому невозможно дать на него ссылку. Его разработка продолжается.

ляет внимания ни их поведению, ни их нуждам.

Отметим, что в данном случае не этическое сообщество требовало включить себя в обсуждение декларации социально значимого института, а, напротив, сам институт обращался за консультацией к специалистам по этике. Причем для этика здесь присутствует двойной интерес. С одной стороны, он востребован и участвует в подготовке социально значимого проекта, с другой – получает возможность исследовать моральную рефлексию, существующую в конкретном сообществе. Скептики могли бы заметить, что от такого консультирования мало практической пользы: от изменения редакций некоторых статей этического кодекса вряд ли изменится поведение людей на практике. Но все же от кодексов было бы разумным ожидать двух вещей. Во-первых, трудно отрицать воспитательное значение, которое кодексы как ценностные декларации могут оказывать на тех, кто только вступает в сообщество. Таким образом неопиту могут быть показаны стандарты практики, выработанные за долгое время, исполнения которых от него будет требовать сообщество. Во-вторых, этика, призванная осуществлять медиацию между ценностными представлениями конкретных корпораций и всего общества, могла бы объединить усилия с этими сообществами и настаивать, на получении этическими кодексами статуса, похожего на профессиональные образовательные стандарты. Это бы означало, что все нормативно-правовые акты, издаваемые от имени либо государства, либо корпорации, должны были ориентироваться на эти стандарты и не требовать в отношении конкретных сообществ того, что запрещено их кодексом, т.е. не навязывать профессиям несвойственные им функции и роли.

Приведем ещё один интересный пример опыта этического консультирования. Автор данной статьи был также приглашен участвовать в экспертизе, частью которой была оценка документов по этическому регулированию российского сообщества адвокатов. Следует заметить, что адвокатское сообщество в нашей стране является глубоко рефлексивным относительно этических оснований своей профессии. У сообщества есть подробный кодекс, принятый 31.01.2003¹ I Всероссийским съездом адвокатов, а также документ, именуемый «Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном производстве» (принят 20.04.20017). При Федеральной палате адвокатов действует комиссия по этике и стандартам [см.: 5], которая

¹ Далее, в связи с изменениями в законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», следовали редакции от 2005, 2007, 2013, 2015, 2017 гг. [см.: 2].

публикует официальные разъяснения². Издаются также объемные книги, где можно познакомиться и с содержательной стороной адвокатской этики, и с практикой этического регулирования в сообществе [см., напр.: 1, 4, 6]. Во многом появление значительного количества этических документов в этой области определяется тем, что профессия адвоката связана с высокими социальными ожиданиями и часто в общественном сознании выражает ценность защиты от несправедливости. Но не всегда ожидания клиентов адвокатов оправдываются, поэтому в российском Интернете можно найти сведения о большом количестве жалоб, поступающих на деятельность защитников со стороны их бывших клиентов и участников судебных процессов. Отсюда документы по этическому регулированию адвокатской деятельности являются не только декларативными, но и включают в себя достаточно точно разработанные алгоритмы по порядку подачи и рассмотрения жалоб на защитников. Некоторые случаи рассмотрения адвокатскими палатами дисциплинарных дел, а также более широкая задача – стремление внедрить в практику ясные для общества стандарты работы адвоката – побудили это сообщество, в частности, обратиться к сообществу этическому с целью прояснить, насколько нормативное и ценностное содержание кодекса может быть понятным обществу? Нет ли там принципов, которые будут вызывать неприятие? Для специалиста по этике этот случай очень интересен, поскольку позволяет увидеть, насколько успешно юристы, мастера формулировать правовые нормы, справились с задачей перевода своих нормативных принципов на ценностно-нормативный язык этики. Можно сказать, что относительно формулировок и корректности этического языка, они справились хорошо, но возникает сомнение по поводу обоснованности ценностных приоритетов.

Если читать кодекс от имени того, кто не имеет отношения к юридической профессии, а скорее является гипотетическим клиентом адвокатов, то этот документ производит очень хорошее впечатление. Отношения адвоката с доверителем должны строиться на основании очень высоких стандартов, которые гарантируют соблюдение прав, чести, достоинства лиц, обратившихся за помощью (ст. 8), а также строгое соблюдение адвокатской тайны (ст.6). Запрещаются любые виды некорректного общения с доверителем и другими участниками разбирательства дела и судебного процесса (ст. 9, 10). Нет сомнения, что ценность доверия, понятая как защита интересов доверителя, в кодексе находится на первом месте. Это хорошо для

² С ними можно ознакомиться здесь: Федеральная палата адвокатов РФ. Документы: <https://fparf.ru/documents/>

клиентов, но для общества, если обращаться уже к этической рефлексии, не столь хорошо. Уместно вспомнить, что адвокаты – это в первую очередь юристы, а от юридической профессии общество ждет установления справедливости. Тем более это важно именно для защитников, которые, еще раз заметим, в соответствии с общественными ожиданиями, призваны следить за законностью юридического рассмотрения дела, не дать наказать невиновного и обеспечить справедливую меру юридической ответственности для виновного. Отношения с доверителем, несомненно, важны, но они не должны быть выше ценностей справедливости и законности. В своих базовых положениях кодекс говорит об этом: «Закон и нравственность в профессии адвоката выше воли доверителя. Никакие пожелания, просьбы или требования доверителя, направленные к несоблюдению закона или нарушению правил, предусмотренных настоящим Кодексом, не могут быть исполнены адвокатом» (ст. 10). Но в этом пункте речь идет об очевидной истине: ради интересов клиента адвокат не вправе нарушить закон. Однако общество ждет несколько другого, а именно требования, согласно которому адвокат, защищая доверителя, должен в первую очередь ориентироваться на соображения законности и справедливости, и только во вторую – на интересы клиента. Иначе может сложиться впечатление, что адвокат – это такой юрист, который подотчетен не обществу, а клиенту, а то, что происходит в обществе, его не особо интересует. И это впечатление вполне складывается, если обратить внимание, что в тексте кодекса слова «справедливость» и «законность» (именно в такой форме) не встречаются ни разу, а слово «гонорар» – шесть раз. Разумеется, приоритет ценности справедливости не означает, к примеру, что адвокат обязан доложить суду о виновности своего доверителя и потребовать для него соразмерного наказания. В данном случае, норма, согласно которой адвокат вправе говорить только то, на что его уполномочил доверитель, должна остаться неизменной. Но это может означать, что адвокату, знающему о виновности клиента, следует попытаться убедить того признать свою вину и компенсировать нанесенный ущерб. На практике защитники так поступают достаточно часто, и почему бы это не отразить в кодексе?

Приведенные выше соображения, несомненно, являются дилетантскими с точки зрения юридической науки, но вполне обоснованными с точки зрения этического рассуждения и общественных ожиданий. Они были переданы специалистам, имеющим отношение к разработке и модификации этического кодекса адвоката, те признали их достаточно важными и обещали подумать, о внесении изменений

ценностного содержания. Однако новая редакция документа от 20 апреля 2017 г. изменилась незначительно.

Приведенные примеры показывают, что академическая этика может найти себе поле для консультирования. Только, на наш взгляд, требуется учитывать два обстоятельства. Во-первых, консультирование такого рода должно осуществляться не из коммерческих интересов. Такой соблазн сегодня очень велик, учитывая настойчивое требование к университетским сотрудникам зарабатывать деньги для своих вузов. Но в этом случае надо быть честным: пока этическое сообщество не выработало ясных алгоритмов по консультированию и экспертизе различных проектов, это нельзя продавать, не рискуя получить обвинение в ангажированности. Исходить следует именно из исследовательского интереса, ибо изучение рефлексии профессиональных практик над моральными основаниями своей сферы деятельности дает очень много для понимания нравственного сознания общества. Во-вторых, под консультированием нельзя понимать экспертизу в узком смысле этого слова, как вынесение некоего авторитетного мнения от имени какой-либо общественной группы. Исследовательская этика не может выносить суждения по поводу специализированных практик, в которых требуется мнение профессионала. У неё также нет возможности узурпировать право говорить от имени морального сознания всего общества. Под консультированием разумно понимать диалог с различными профессиональными практиками с целью сделать их более понятным целевой аудитории, т.е. общественной группы, ради интересов которых существует данная практика. Если учитывать два указанных фактора, то академическая этика может найти для себя очень интересное и одновременно социально значимое поле для исследовательской работы.

Список литературы

1. Барщевский М.Ю. Адвокатская этика / 2-е изд., испр. / М.: Профобразование, 2000. 312с.
2. Кодекс профессиональной этики адвоката // [Электронный ресурс]. URL: < <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/the-code-of-professional-ethics-of-lawyer/> >
3. Минобрнауки считает недостаточным рост числа публикаций ученых // Сообщение ТАСС от 23.04.2019. [Электронный ресурс]. URL: < <https://tass.ru/nacionalnye-proekty/6365307> >
4. Орлов А.А. Профессиональная этика адвоката: опыт правоприменения дисциплинарных основ Адвокатской палаты Московской области. М., 2016.

5. Статья 37.1. Комиссия по этике и стандартам // Федеральный закон от 31.05.2002.№ 63 ФЗ (ред. от 29.07.2017) "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации". [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_369-45/d7e5e2defe9bbd36493483dff8c479b8b6582ee5/>

6. Традиции адвокатской этики. Избранные труды российских и французских адвокатов (XIX – начало XX в.) / сост.: И.В. Елисеев, Р.Ю. Панкратов. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.

7. IOC Code of Ethics // <https://stillmed.olympic.org/media/Document%20Library/OlympicOrg/IOC/What-We-Do/Leading-the-Olympic-Movement/Code-of-Ethics/EN-IOC-Code-of-Ethics-2016.pdf>.

Р.Г. Апресян

УДК 17.01 + 17.02

Функциональные предпосылки этического консультирования

Аннотация. В этических теориях, жестко увязывающих мораль с автономией мотивов и индивидуальной ответственностью личности в решениях и действиях, идея этического консультирования воспринимается чужеродной для морали. Между тем, не только моральное формирование индивида проходит в процессе социализации и благодаря воспитанию (т.е. опосредованно постоянному явному и неявному участию других), но и моральная регуляция поведения также в значительной мере представляет собой воздействие людей друг на друга в форме советов, рекомендаций, указаний, оценок. В этом смысле внешний фактор всегда актуален для морального деятеля. Этическое консультирование является формализованным и специализированным проявлением этого обычного и органичного для «естественной» морали внешнего фактора. Современная практика консультирования показывает, что за исключением вопросов разработки нормативных документов, консультирование по этическим вопросам востребовано по более общим вопросам, связанным с профессиональной деятельностью, в организациях. Это же касается консультирования в рамках личного коучинга: этические вопросы затрагиваются в контексте общих смысложизненных и профессиональных вопросов или конкретно-ситуативных задач.

Ключевые слова: автономия, гетерономия, ответственность, авторитет, взаимная моральная регуляция, условия востребованности этического консультирования.

Консультирование – это деятельность по информационному и методологическому обеспечению лиц, ищущих помощи в принятии решения и его успешной реализации. Особенности есть у политического [10], делового [21], клинического [22, 13] и других видов консультирования. Все они нередко содержат этическую компоненту. Отдельная тематизация самого по себе этического консультирования может вызывать настороженность, даже скепсис по двум основаниям. Первое – связано с определенным пониманием характера моральных решений – таким, при котором в нём усматривается воплощение индивидуальной ответственности индивида и только ее. Второе основание задано сомнением в реалистичности задачи этического консультирования как такового: кто и в каких условиях может стать заказчиком такого рода работы и кто мог бы за него взяться.

Эти два вопроса и рассматриваются далее в статье.

1. Индивидуальная ответственность моральных решений и действий – оборотная сторона автономии морального деятеля. В разных философских течениях автономия признается существенной для морали характеристикой мотивов, решений и действий. Такое понимание морали формируется в античной философии, получает развитие в нововременной философии, а в эксплицитной и концептуализированной форме – у Иммануила Канта.

Примечательны слова Канта о том, что мораль основана на «понятии о человеке как существе свободном» (6, 78). Этой свободе не противоречит то, что человек рационально ограничивает себя безусловными законами, и выражается она в том, что он «не нуждается ни в идее о другом существе над ним, чтобы познать свой долг, ни в других мотивах, кроме самого закона, чтобы этот долг исполнить» (Там же). Кант не только выводит человека как субъекта морали из-под благодатной опеки Бога, он также указывает на исключительный характер морального мотива, не зависящего от каких-либо иных мотивов. В понятии автономии Кант снимает те дистинкции, которые предшествующая моральная философия нарабатывала в понимании моральной мотивации. Поэтому он не видит надобности в том, чтобы специально указывать на неоднократно проговоренное другими о самостоятельности морального субъекта по отношению к непосредственному окружению – к влиянию чужих мнений, примера, обычая, а также о внутренней независимости от желания наслаждений, благополучия, славы. В предшествующей нововременной моральной философии и отношение к Богу было представлено как предмет личностной независимости. Бог тем самым отнюдь не предавался смерти, но отношение человека к Богу мыслилось как необходимо ответственное и не унижающее его достоинства. Всех этих деталей идеи автономии нет в высказывании Канта, – но они собраны в утверждении о том, что индивид в качестве морального субъекта самозаконотворителен, и в этом деле не нуждается ни в советнике, ни в наставнике, ни в помощнике; ему достаточно для этого себя самого.

Идея самостоятельности человека в моральном деле по-своему выражена у раннего Михаила Бахтина. В известном этюде о философии поступка Бахтин представляет самостоятельность человека как его полную нравственную состоятельность, его самовыраженность в инициативном и ответственном поступке. В этюде можно встретить слова о связности Я с Другим и Другими, об обращенности Я к ним, о любви к людям, но в целом в нем превалирует идея о единственности и человека, предоставленности его самому себе. Нравственный индивид выступает как агент долженствования, но

долженствование не задано отвлеченным и извне предъявленным принципом, оно утверждается деятельно, непосредственно в поступке. И наоборот, возможная нормативная рефлексивность относительно долженствования, попытка познавательного и, значит, объективирующего отношения к нему признается Бахтиным уничтожающим долженствование в качестве своего, изнутри-нудительного, единственного долженствования. По-разному выраженная мысль Бахтина о единственности агента поступка – например: «...я только себя единственного переживаю во всем бытии; всякие другие Я (теоретические) не есть Я для меня; это единственное мое (нетеоретическое) Я причастно к единственному бытию: Я *есмы* в нем» [1, 39. – «Я» дано прописной буквой, курсивом передана разрядка мной, – Р.А.], – может быть проинтерпретирована как отражение лишь одной стороны индивидуального нравственного опыта. Но это не так – целостный анализ этюда показывает, что в такого рода выражениях передан исключительно возможный нравственный опыт, суть которого, с точки зрения интересубъективности, заключается в том, что Другой существует для Я как идеальный Другой, как предмет рефлексии, но не деятельного, практического отношения, не как цель и смысл поступка: «То, что я с моего единственного в бытии места хотя бы только вижу, знаю другого, думаю о нем, не забываю его, то, что и для меня он есть — это только я могу для него сделать в данный момент во всем бытии, это есть действие действительного переживания во мне, восполняющее его бытие, абсолютно прибыльное и новое и только для меня возможное» [Там же]. Тем самым человек как нравственный деятель выпадает из ценностного, социокультурного, коммуникативного контекста. Этюд о философии поступка был отложен Бахтиным, и какое-то время замысел изложить нравственную философию связывался им с работой «Субъект нравственности и субъект права», которая так и не была создана [3, 416]. Однако проблематику самоопределения Я и отношения Я и Другого он не оставил, причем в ее разработке тема противостояния единственного Я и Другого, принципиальной независимости Я от Другого получила дальнейшее развитие. Привилегия единственности утверждается индивидом, по Бахтину, во взаимоисключении Я и Других, неслиянности Я с Другими [2, 160]. Таким образом, автономия морального деятеля оборачивается его полным отстоянием от других и соответственно невозможностью его сохранения в собственном качестве в условиях какой-либо отзывчивости на рекомендательные и наставительные обращения других.

Кант и Бахтин с предельной ясностью передали феноменологию индивидуального морального сознания, причем развитого мора-

льного сознания и в особом его аспекте – морального самосознания, которое действительно удостоверяет себе самое себя именно в отворачивании от других. Следует отметить, что в той или иной форме это отворачивание носит самопроверочный, экспериментальный характер и является моментом целостного и внутренне неоднородного морального опыта личности, в котором, наряду с ее концентрированностью на себе самой, имеют место и обращенность к другим как суверенным, более или менее опытным, требующим и заслуживающим признания. Восприимчивость морального деятеля к моральному опыту и авторитету других нисколько не противоречит характеру морали, будем ли мы рассматривать мораль с точки зрения ее собственной природы или с точки зрения особенностей ее психологических, социально-психологических и социокультурных проявлений.

С генеалогической точки зрения, индивид в своем моральном развитии начинает с гетерономной стадии, на которой сначала элементарные, а затем более развитые принципы поведения и человеческих взаимоотношений задаются именно извне взрослыми в процессе его социализации, спонтанной и направленной.

При кантианском или протокантианском взгляде на мораль эта стадия в развитии индивида не признается в качестве моральной [17], но такой подход оправдан при ограниченном понимании индивидуальной моральности исключительно как самоопределения. Другая картина открывается при истолковании морали как института межличностной коммуникации и социальной интерактивности, ориентирующего индивида на благо других и социума, побуждающего индивида всячески содействовать благу других, возможно ценою ущемления своих личных интересов. При таком подходе, действия, демонстрирующие признание приоритета оправданных интересов других над своими интересами, являются определенным (хотя и не исчерпывающим) свидетельством моральной вменяемости деятеля.

Моральная зрелость личности проявляется в том, что доброжелательные действия совершаются самостоятельно, по внутренней потребности, ситуативно-персонально адекватно, не только эмпатически, но и из солидарности с другими, из заботы о них. Моральное созревание личности может проходить по разным траекториям и с разной скоростью. В этом процессе, по-видимому, важную роль играет способность к эмпатии, нейрофизиологические корреляты которой все более становятся понятными [19]. Но какова бы ни была у индивида эмпатическая, коммуникативная чувствительность, она должна быть социализована, чтобы претвориться в моральную способность. Социализация происходит только в процессе общения, социального взаимодействия, посредством предъявления индивиду – спонтанно

или целенаправленно – образцов и норм ожидаемого поведения, положительной или отрицательной оценки совершаемых им действий, выстраивания в соответствии с оценкой отношений с ним. Все это оказывается значимым внешним фактором как отдельных поступков человека, так и линии его поведения, его морального сознания.

Некоторые аспекты этого процесса фиксируются в психологических исследованиях детского развития. В частности, они показывают, что оценка поступков ребенка и личности ребенка в целом, производимая в соответствии с признанными ценностными критериями авторитетными взрослыми и значимыми сверстниками, оказывается важным фактором пересмотра ребенком своего поведения и изменения его характера.

В исследовании С.Г. Якобсон с сотрудниками [11] изучалось поведение детей в ситуации конфликта интересов и факторы формирования у них способности к моральной саморегуляции¹ поведения. Материалом исследований были решения, принимаемые детьми при распределении благ в условиях игры и динамика их оценочных высказываний по этому поводу в отношении других или самих себя. Важно отметить, что в ходе исследования психологам на основе формирующих опытов удавалось создавать условия, благодаря которым менялось поведение детей: дети, эгоистически настроенные в начале исследования (что определенно проявлялось в распределении благ в свою пользу), под воздействием *внешних* оценок меняли модель своего поведения и начинали при распределении благ принимать во внимание интересы других и даже ставить их выше своих интересов.

На начальном этапе исследования психологи в ходе опроса и эксперимента устанавливали, что все дети не только были знакомы с такими общими нормами, как «следует делиться», «распределение благ следует проводить справедливо (т.е. равным образом)», но и понимали их ценностное значение, что с очевидностью обнаруживалось, когда их просили оценить действия (по распределению благ) неких воображаемых сверстников или известных им сказочных персонажей. При том, что они давали оценки другим в соответствии с моральными нормами, в своем поведении недвусмысленно игнорировали эти нормы и продолжали делать даже тогда, когда психолог или сверстники указывали эгоистам на факт нарушения абстрактно признаваемых ими моральных норм. Поставленные перед фактом, что несправедливость проводимого ими распределения благ оказы-

¹ То есть регуляции своего поведения в соответствии с моральными нормами.

валась явной другим, далеко не все даже стеснялись своего несоответствия признанным нормам и пытались различным образом оправдать свое поведение, представив его чуть ли не общепринятым.

Ситуация менялась, когда факт несправедливого распределения ребенком благ не только констатировался взрослым и сверстниками, но становился предметом их негативной оценки. При этом предметом осуждения мог быть поступок ребенка или его личность в целом. Оценка транслировалась ребенку взрослым со слов сверстников или сверстники имели возможность (благодаря измененным условиям опыта) высказать свою оценку ему в лицо, или ребенок ставился в положение, когда он сам выносил себе оценку. Далее, в оценке поступок или сам ребенок соотносились с нарушенной абстрактной нормой или же со сказочными персонажами, олицетворявшими нравственно-положительный и нравственно-отрицательный образцы. Наконец, в оценке нравственная неприглядность поведения могла удостоверяться путем установления несоответствия положительному образцу или установления соответствия отрицательному образцу. Наиболее сильным стимулирующим воздействием, менявшим направленность поведения «законченных эгоистов», была оценка ребенка в целом как демонстрирующего прямое сходство с негативным персонажем, особенно оценка, к которой благодаря хитрым условиям эксперимента несправедливый ребенок приходил сам, т.е. самооценка.

Исследование показало, что для перемены в поведении ребенок должен перейти к моральной саморегуляции, должен в этом смысле стать субъектом морали, самостоятельно принимающим решения, делающим выбор в соответствии с моральными нормами. Залог этой перемены – в изменении отношения ребенка к самому себе, осознании себя в качестве агента исполнения или нарушения моральных норм, и внутренней зависимости от них своих суждений, решений и действий. В свете нашей темы принципиально важным является то, что эта перемена оказывалась возможной благодаря психологу, т.е. благодаря внешнему воздействию.

Понятно, что в ходе исследовательских экспериментов психолог в концентрированном виде репрезентировал множество разнообразных в своем конкретном выражении процессов социализации, через которые в большей или меньшей мере проходят дети в «естественных» условиях своего социального, психологического и морального развития. В условиях «естественной» социализации эта функция психолога (исследователя-экспериментатора и воспитателя одновременно) распределена между различными индивидуальными и коллективными социальными субъектами, т.е. и в «естественных»

условиях необходимы гетерономные факторы морального становления индивида. Это становление проходит через отдельные события, в которых ребенок далеко не всегда действует только автономно, но это не значит, что не морально. В данном исследовании психолог к тому же экстерииоризировал те когнитивные процессы, которые сопровождают освоение ребенком коммуникативно-социального опыта и его моральное осмысление. В этом смысле психолог выполнил еще и каталитическую функцию, которая в естественных условиях может быть дисперсно распределена и от этого быть довольно размытой.

Таким образом, в исследовании С.Г. Якобсон нравственное преобразование детей обеспечивалось извне – психологом; но важнейшим эффектом этого преобразования было формирование у детей новой модели поведения. Переход от устойчиво несправедливого распределения благ к устойчиво справедливому был результатом пережитой ими внутренней перемены, появления нового референтного морального образца, их сознательного обращения к нему и намеренного, т.е. ответственного поведения в соответствии с совершенным выбором. Родственность этого опыта «естественным» процессам индивидуального морального развития свидетельствует об органичности для морального выбора и принятия моральных решений того или другого рода внешних интервенций. Среди них свое место занимает и этическое консультирование, какой бы специфической, с собственно этической точки зрения, эта деятельность ни была.

2. Этическое консультирование, абстрактно говоря, двояко. Во-первых, предметом этического консультирования является содержание профессиональной деятельности, например, политической, предпринимательской, клинической, – в той мере, в какой результаты этой деятельности затрагивают интересы людей и общества². От профессионалов ожидают принятия социально-ответственных решений, совершения социально-ответственных действий. Ожидания такого рода задают социально-этическое измерение профессиональной деятельности. Моральные вопросы могут затрагиваться и в рамках психологического консультирования, которое направлено на наведение порядка в душе личности, не важно консультируется ли личность как частное лицо или как агент профессиональной деятельно-

² Этическое консультирование рассматривается здесь в приложении лишь к профессиональной деятельности прежде всего потому, что в этом ключе задана рамка для дискуссии в данном номере журнала. О возможностях и парадоксах этического консультирования на индивидуальном уровне (эксперт – частное лицо) см. [8, 147–153].

сти [23]. Порядок в душе имеет к моральному состоянию человека непосредственное отношение. Во-вторых, в случае профессионального консультирования этическая составляющая может касаться того, как осуществляется профессиональная деятельность – насколько деятельность профессионалов отвечает внутрипрофессиональным этическим стандартам. И при одном, и при другом взгляде на этическую компоненту консультирования³ предполагается, что консультирование по этическим аспектам деятельности проводит консультант, осуществляющий общее консультирование. Впрочем, задача этического консультирования обычно отдельно даже не ставится, поскольку предполагается, что профессиональная деятельность по определению этически релевантна [18, 3–54].

К примеру, обычный набор консультационных услуг, предлагаемых высшим учебным заведениям, направлен прежде всего на формулирование и разработку стратегических и инновационных инициатив, стратегическое планирование, управление институциональными изменениями и обеспечение их действенности [15, 12], а также на отбор, разработку и внедрение новых учебных программ и инновационных образовательных моделей, развитие образовательных услуг и при наличии соответствующих условий их продвижение на рынке, повышение эффективности образовательной активности студентов, навыков у них обучения и других видов академической деятельности и т.д. [16]. Консультирование такого рода проводится специалистами в области управления образованием [9]. Даже при отдельном обсуждении этического консультирования не предполагается, что его проводят специалисты-этики; нет, его проводят обычные консультанты (по управлению, инновациям, стратегическому планированию), но внимательные также и к этическим проблемам управления, инноваций, стратегического планирования, и строго соблюдающие в своей деятельности принципы профессиональной этики [14].

Фактическое отсутствие отдельного этического консультирования можно объяснить тем, что нет специфической по предмету, характеру исполнения, выделенности результатов «этической деятельности». Если взять деятельность по стратегическому планированию, к ней отчасти приложимы эти же характеристики: ее результаты не выделены, она не осуществляется сама по себе – она всегда подчинена управленческой деятельности. Но стратегическое планирование имеет четко выраженные аспекты в управленческой деятельно-

³ Наиболее широко обсуждающиеся в связи с консультированием вопросы профессиональной этики консультанта выходят за тематические рамки настоящей статьи.

сти, а инновационность характеризует способы осуществления деятельности, как управленческой, так и производственной. Внутри профессиональной и предметно-определенной деятельности они обладают своим содержанием, воплощенном в параметрах и индикаторах, позволяющих учитывать различные факторы деятельности и оценивать ее соответствующим образом, в частности, по критериям эффективности и результативности [7, 54–68].

Есть особого рода активность, которую можно отнести к «этической деятельности», это активность, направленная на разработку и внедрение этико-нормативных документов. Наиболее распространенная разновидность таких документов – организационные (корпоративные), служебные и профессиональные кодексы. Экспертов, которые могут предоставить консультативные услуги в этом деле у нас не так много, но они есть. Однако, как показывает практика, если экспертов и приглашают в связи с этико-нормативными документами, то не для консультации, а для разработки документов или для экспертной оценки подготовленных нормативных документов. Впрочем, приглашают редко – лишь для разработки нормативных документов особого ранга. При том, что этические кодексы с недавних пор принимаются повсеместно, эксперты по этике не востребованы даже по поводу такой, самой «массовой», формы этической активности. Причина этого очевидна: действительная роль этических кодексов в жизни организаций, корпораций, профессий близка к нулю. Они принимаются «для галочки», потому что на то «есть установка сверху», их никто не намерен применять по-настоящему, и поэтому нет нужды заботиться о том, чтобы они были работающими. Эксперты в этом деле не нужны.

Иная сторона этой же проблемы – этический статус профессиональной и служебной (корпоративной) деятельности и ее результатов. Профессиональная и служебная этика уместны и востребованы в условиях относительной развитости режима самоуправления и механизмов саморегуляции внутри организаций и профессий. Если самоуправления нет или оно сведено к проформе, если для регулирования профессиональной и служебной деятельности оказывается достаточно инструментов административной, служебной и правовой ответственности, то нет нужды в кодексах профессиональной и служебной этики.

Помимо формально-нормативной, профессиональная и служебная (корпоративная) деятельность имеют и другие аспекты, относящиеся к компетенции прикладной этики. Здесь следует указать, прежде всего, на существующие в организации этические режимы, т.е. системы внутренних соглашений, традиций и обычаев, посредст-

вом которых действуют нормы профессиональной и служебной этики. Режимы могут быть предметом административного и коллективного конституирования или результатом спонтанного обобщения опыта профессиональной и служебной деятельности. Каковы бы ни были конкретные этические режимы по своему генезису, они представляют собой потенциальный предмет для этического консультирования. При этом эффективность применения норм профессиональной и служебной этики зависит не только от характера существующего этического режима, но и от степени моральной зрелости работников организации, которая на индивидуальном уровне может варьироваться в довольно широком диапазоне. Эти аспекты профессиональной и служебной деятельности – организационно-институциональное обеспечение нормативности и степень зрелости индивидуальных моральных способностей – также могут быть предметом этического консультирования, как в соотношении с административно-управленческими задачами организации, так и в соотношении с задачами индивидуальной работы с персоналом. Однако следует признать, что задачи такого рода редко признаются в качестве значимых управленческих задач.

Таким образом, можно констатировать множественность негативных факторов для осознания организациями (организации высшего образования – не исключение) потребности в этическом консультировании и, соответственно, отсутствие предпосылок для формирования заказа на этическое консультирование. Иными словами, отсутствие запроса на этическое консультирование это не только свидетельство состояния умов потенциальных потребителей этого вида услуг, не осознания ими объективно имеющейся у них, но не признаваемой ими потребности в нем, это – выражение существующего положения дел, при котором этической составляющей деятельности не придается особого значения.

Для появления интереса к этическому консультированию нужно изменить отношение к этической стороне профессиональной и корпоративной деятельности, а для этого – содействовать пониманию важности этических аспектов и этических эффектов профессиональной и корпоративной деятельности ее участниками и организаторами. Примером эффективности усилий по изменению установок общества в отношении знаний и умений и, как следствие, возникновения запроса на соответствующие консультационные услуги можно считать появление информационно-образовательной инфраструктуры, нацеленной на продвижение программ социально-эмоционального обучения как в сфере школьного образования, так и в бизнес-образовании, в том числе неформальном. Концепция эмоционально-

го интеллекта возникает в начале 1990-х годов и вскоре начинает активно распространяться благодаря получившим значительную известность работам Дэниеля Гоулмана [4]. Усилиями ученых, теоретиков и практиков образования она была успешно претворена в программы обучения для дошкольников и младших школьников, а со временем и для всех возрастных категорий школьных учащихся. Вместе с тем, благодаря специальным работам Гоулмана [5] в обществе утвердилось понимание важности социально-эмоциональной культуры для корпоративного управления и деловых отношений. На это довольно быстро отреагировал рынок консультационных услуг, и развитие социально-эмоциональной компетентности, эмоциональной культуры организаций, эмоционально-релевантных методов управления стало важной частью бизнес-консультирования в самых разных областях [24].

Приведенный пример появления и продвижения нового вида консультационных услуг как таковой мог стать возможным в условиях развитого рынка неформальных образовательных услуг в США. Однако и в России возможны новации такого рода, правда, в рамках других стратегических моделей, в которых внедрение образовательных и консультационных инноваций происходит через структуры государственного управления.

Формально говоря, Институт прикладной этики ТИУ посредством издания «Ведомости прикладной этики» уже многие годы ведет работу, направленную на перемену общественных установок по ряду вопросов, среди которых немаловажное место занимают вопросы этической экспертизы и, стало быть, консультирования. Задача в том, чтобы вынести результаты этой работы за рамки одного, довольно специального, издания, перевести их в программы освещаемых в специальной печати конференций, семинаров, тренингов, наконец, представить в *таких адаптированных формах*, которые могли бы быть усвоены и приняты теми людьми, которые принимают решения и способны создать условия для претворения результатов научной работы на практике. В конечном счете, консультативный потенциал прикладной этики должен быть признан ими, но это дело специалистов по прикладной этике – «озарить» принимающих решения пониманием ее консультативного потенциала и научить их считаться с этим.

Список литературы

1. Бахтин М.М. К философии поступка // Бахтин М.М. Собр. Соч. в 7 т. Т. 1: Философская эстетика 1920-х годов / Ред. С.Г. Боча-

ров, Н.И. Николаев. М.: Русские словари; Языки славянских культур, 2003. С. 7-68.

2. Там же. С. 69-264.

3. *Гогтишвили Л.А.* Комментарии //Бахтин М.М. Собр. Соч. в 7 т. Т. 1: Философская эстетика 1920-х годов / Ред. С.Г. Бочаров, Н.И. Николаев. М.: Русские словари; Языки славянских культур, 2003. С. 343-438.

4. *Гоулман Д.* Эмоциональный интеллект / Пер. с англ. А.П. Исаевой. М.: АСТ; Владимир: ВКТ, 2009. – 478 с.

5. *Гоулман Д.* Эмоциональный интеллект в бизнесе / Пер. с англ. А. П. Исаевой. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 497 с.

6. *Кант И.* О религии в пределах только разума // Кант И. Тракаты и письма / Отв. ред. и автор вступит. ст. А.В. Гулыга. М.: Наука, 1980. С. 78–278.

7. *Керцнер Г.* Стратегическое планирование для управления проектами с использованием модели зрелости. М.: Компания АйТи; ДМК Пресс, 2003. – 320 с.

8. *Прокофьев А.В.* Этическая экспертиза: некоторые метаэтические проблемы // Ведомости прикладной этики. Вып. 41: Прикладная этика: экспертный потенциал./ Под ред. В.И. Бакштановского, В.В. Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2012. С. 135-156.

9. *Соснина Т.В.* Роль консультанта в образовательном процессе // Управление образованием: теория и практика. 2013. № 3. С. 183-193.

10. Справочник по политическому консультированию / Под ред. Д.Д. Перлматтер. М.: ИМИДЖ-Контакт; Инфра-М, 2002. – 330 с.

11. *Якобсон С.Г.* Психологические проблемы этического развития детей. М.: Педагогика, 1984. – 144 с.

12. *Ясвин В.А.* Организационное консультирование образовательных учреждений // Психология образования в XXI веке: теория и практика / ред. Т.Ю. Андрущенко, А.Г. Крицкий, О.П. Меркулова. Волгоград: Перемена, 2011. С. 401-403.

13. *Burgess M.M.* Public Consultation in Ethics: An experiment in representative ethics //Journal of Bioethical Inquiry. 2004. Vol. 1. №1. P. 4-13.

14. *Daniels C.* How to Become an Ethical Consultant // Work – Chron.com. URL: <<http://work.chron.com/become-ethical-consultant-18295.html>> (Дата обращения: 29.04.2019).

15. Higher Education Academy Consultancy Services. Helping you promote teaching excellence // Advance HE. URL: <<https://www.heacademy.ac.uk/institutions/consultancy>> (Дата обращения: 29.04.2019).

16. Higher Education Consulting Services // Pearson. Learning without limits. URL: <<https://www.pearson.com/us/higher-education/products-services-institutions/consulting-services.html>> (Дата обращения: 30.04.2019).

17. Kohlberg L. Stage and Sequence: the Cognitive Developmental Approach to Socialization // Handbook of Socialization Theory and Research / ed. by D.A. Goslin. Chicago: Rand McNally, 1969. P. 347-480.

18. Kultgen J. Ethics and Professionalism. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1988. 408 p.

19. Lamm C., Tomova L. The neural bases of empathy in humans // Neuronal Correlates of Empathy: From Rodent to Human / Eds. K. Meyza, E. Knapska. San Diego: Academic Press, 2018. P. 25-36.

20. Mitcham C. Justifying Public Participation in Technical Decision-Making // IEEE Technology and Society. 1997. Vol. 16. №1. P. 40-46.

21. Newton R. The Management Consultant: Mastering the Art of Consultancy. Harlow: FT Press, 2010. 320 p.

22. Puma J. La, Schiedermayer D. Ethics Consultation: A Practical Guide. Boston, MA; London, UK: Jones and Bartlett Publishers, 1994. 240 p.

23. The Wisdom of Coaching: Essential Papers in Consulting Psychology for a World of Change / eds. R.R. Kilburg, R.C. Diedrich. Washington, DC, US: American Psychological Association, 2007. 425 p.

24. Weiss D. Social Emotional Learning: The Secret Sauce to Success in the Workplace // Timy to Know. 2017.12.19. URL: <<https://www.timetoknow.com/blog/social-emotional-learning-secret-sauce-to-succeed-in-the-workplace/>> (Дата обращения 09.05.2019).

УДК 17; 378

Права человека и проблема толерантности к нетолерантным¹

Аннотация. Права человека, как и толерантность, являются важнейшими институтами современного общества. Однако имплементация этих институтов нуждается в квалифицированном этическом прикладном консультировании. Отсутствие такого консультирования порождает искажение сущности этих идей, конфликтные ситуации на различных уровнях социальной жизни. Главная тема этой ситуации – взаимность и общность, а также сопричастность этой общности, взаимная ответственность.

Ключевые слова: ответственность, права человека, прикладная этика, толерантность, этическая экспертиза.

Одной из современных морально значимых ситуаций (в сравнении с ситуациями четверть века назад), нуждающейся в этическом консультировании, представляется ситуация с правами человека и толерантностью.

Институт прав человека, принятая ООН Декларация прав человека, ставшая частью Конституции (Основного закона) ряда стран, – великое достижение цивилизации. Тем не менее, соблюдение прав человека предполагает ответственность, и сама концепция прав человека выработывалась в контексте морали и политической культуры либеральных демократий, основанных на предположении автономных – свободных и ответственных – членов социума. Права человека предполагают взаимность – признание таких прав и за другими.

Между тем, для современной социальной жизни характерен ряд явлений, заставляющих обратиться к осмыслению и более глубокому пониманию оснований концепции прав человека. Прежде всего, это взаимные обиды и претензии отдельных лиц, групп, а то и народов. Организаторы выставок, постановщики спектаклей, писатели, журналисты совершенно неожиданно узнают, что их действия вызвали «оскорбление чувств» верующих, этнических, а то и профессиональ-

¹ Работа выполнена в рамках исследования «Распределение знания в сетевом обществе: взаимодействие архаических и современных форм» при поддержке гранта № 18-511-00018Бел_а Российского фонда фундаментальных исследований.

ных групп, от имени которых выставляются претензии, заявления в правоохранительные органы, подаются иски в суды.

Целые страны обижаются на публикации карикатур, объявляют травлю их авторов, а то и охоту на них, оборачивающуюся кровавой бойней, как это было с журналистами французского сатирического еженедельника Charlie Hebdo.

Ярким примером рессентимента является волна обличений в харассменте, поднятая в 2017 году некоторыми голливудскими актрисами и перекинувшаяся в корпоративные офисы, за года захлестнувшая западное общество. Вспоминаются объятия и поцелуи 40-летней давности, предъявляются иски на миллионы долларов, общественное мнение вынуждает отстранять от публичной деятельности актеров, режиссеров, продюсеров, менеджеров. В общественной морали и праве формируется необходимость достоверно подтвержденного предварительного согласия на любые проявления половой близости.

Из рассказов коллег знаю случаи претензий родителям со стороны их первенцев, заявляющих, что рождение еще одного ребенка без их согласия нарушает их права, и чтобы родители на их помощь «в этом проекте» не рассчитывали.

Думается, что все вышеприведенные примеры – следствия непродуманной гипертрофированной пропаганды прав человека без учета роли и значения ответственности, что и стимулирует рессентимент, эгоцентризм, конфликты и агрессию. А это уже сфера прикладной этики: консультирования и экспертизы.

Так же, как и сюжет с непродуманным педалированием развития «уполномоченных по правам человека», которое создает странную ситуацию. Уже создание таких уполномоченных – омбудсменов, начавшееся в скандинавских странах, вызывало вопрос: «Разве соблюдение прав человека не является задачей государства и обществу?». Создание таких должностей и их аппарата на содержание государственных и региональных бюджетов, с одной стороны, дает возможность чиновникам отсылать ущемленных в правах в инстанцию, специально созданную для рассмотрения таких обращений, а с другой – возможность синекур для «достойных людей». Что и произошло, например, в Российской Федерации. Более того, появились уполномоченные по правам бизнеса, уполномоченные по правам детей, уполномоченные по правам студентов. На очереди уполномоченные по правам женщин. И это в дополнение к уполномоченным по правам человека! Можно бы поехидничать: мол, в этой ситуации получается, что, наверное, предприниматели, дети, студенты,

женщины – не люди, если бы уже не обсуждался вопрос об уполномоченных по правам животных.

Складывается ситуация, когда благое начинание институционализации прав человека оборачивается «институциональным склерозом», о котором писал М. Олсон [3]. Действительно, гипертрофия социальных институтов – норм, организаций, регламентирующих решения, больше задерживает, чем ускоряет экономическое и политическое развитие. Периоды политической и социальной стабильности, отсутствия потрясений благоприятствуют возникновению и разрастанию групп интересов, обнаружению новых стимулов и выгод. В итоге возникают тормозящие развитие институты. Это подтверждают многие примеры. Послевоенная Германия (где в результате войны традиционные организованные группы интересов были устранены), вскоре опередила по экономическому развитию страну-победительницу Великобританию (где такие группы только укрепились). Другими примерами являются современные Тайвань, Республика Корея, Сингапур, Чили, Китай, где авторитарные режимы не только имели тенденцию к длительным горизонтам планирования, но также сопротивлялись группам специальных интересов или подавляли их: они стремились иметь «жесткие» государства, которые обычно не приспособивали свои политики к организованным группам интересов в конкретных профессиях и отраслях.

Так и с правами человека. Этот институт не может акцентироваться без базового контекста взаимной ответственности. Еще одним близким, если еще более явным по сути, является пример с идеей толерантности, одно время широко обсуждаемой и продвигаемой. Сформировавшаяся и институционализированная в политической, образовательной и культурной среде мультикультурной Канады, она была заимствована в странах Европейского Союза, прежде всего – странах Северной Европы. Не избежала она и постсоветскую Россию. Разрабатывались и реализовывались программы, проводились конференции... Вызовом стали межэтнические конфликты в европейских странах, прежде всего в Германии, Франции, Голландии, скандинавских странах, т.е. государствах с законодательно закрепленными нормами толерантности. Дело дошло до официальных признаний лидерами этих стран «кризиса мультикультурализма», росту консервативных настроений, все более «правому» голосованию. Думается, что дело не в мультикультурализме, а в безответственном понимании толерантности, которая является принципиально взаимным отношением. Причем доверительным. Разве возможна толерантность к нетолерантным?

В своем дневнике 1853-го года П.Я.Чаадаевым была сделана известная запись: «Социализм победит не потому, что он прав, а потому, что неправы его противники» [8, 500]. В силу ряда фактов своей биографии [7], П.Я.Чаадаев имел все основания утверждать такую, на первый взгляд парадоксальную, мысль. Но главное – ее содержание: у социализма (как идеологии и политической программы) нет собственной победительной силы и исторической правоты, но еще большую неправоту и слабость П.Я.Чаадаев видит у противников социализма, которых он в другой записи охарактеризовал довольно жестко: «Русский либерал – бессмысленная мошка, толкущаяся в солнечном луче; солнце это – солнце запада» [8, 469]².

Обычно эту мысль П.Я.Чаадаева трактуют как некую принципиальную и изначальную «левизну» российского социума, его «общинность» и «коллективизм», акцентуацию на распределительной справедливости, доминирование рессентимента в общественном сознании. Такая трактовка представляется поверхностной: еще раньше – в Первом философическом письме – Петр Яковлевич писал об уроке «как не надо», который Россия призвана преподать миру. Можно предложить попытку реконструкции этого урока: в идее «победительности» исторически несостоятельного социализма видится глубокий и принципиально важный смысл. В этой реконструкции полезно обратиться к теории «черных лебедей» Н.Талеба.

Согласно чаадаевскому афоризму, побеждает тот, противники которого неправы, точнее – несостоятельны. Как в футболе, да и в любом спорте – победитель выступил так, как позволил противник. И тут самое время перейти к теории «черных лебедей», под которыми Н.Талеб [5, 6] понимает события, играющие важнейшую роль, но трудно прогнозируемые, происходящие вопреки статистическим трендам. Формализацией такого анализа является аппарат «ренормализационной группы» в теории фазовых переходов в квантовой теории поля – итеративный метод перенормировки, в котором переход от областей с меньшей энергией к областям с большей вызван изменением масштаба рассмотрения системы. Хорошим примером таких событий является иногда неожиданный и необъяснимый приход к доминированию в социуме меньшинства. И при этом возникает иллюзия сохранения господства выбора и предпочтений большинства.

² М.М.Пришвин, не читавший записей П.Я.Чаадаева, в своем дневнике сделал запись, удивительно продолжившую чаадаевскую интуицию: «Накануне революции московская и петербургская интеллигенция держалась за столб дыма. Вот ветер и подул».

Н.Талеб исходит из идеи, что поведение сложной системы как целого нельзя предсказать по свойствам его частей. Так, изучение отдельных муравьев (даже всех муравьев в муравейнике) ничего не даст для понимания устройства муравейника. Для понимания целого важно понимание взаимодействия его частей. Если такой подход применить к социуму, то выясняется, что для его перехода в новое состояние достаточно активности, на первый взгляд не существенной его части, например – небольшого количества бескомпромиссных людей, лично заинтересованных в переходе, вовлеченных в этот процесс, сопричастных ему. И – в случае акцентированной бескомпромиссности (нетерпимости к отклонениям от желаемого должного) и достаточной терпимости большинства – у представителей этого большинства возникает асимметрия в выборе.

Так, люди, соблюдающие кашрут или халяль, никогда не станут есть тrefную или халяльную пищу, которую ничто не запрещает есть остальным людям. Но эти – остальные – вполне могут есть кошерное и халяльное. Если бескомпромиссная группа живет компактно, то ее ценностно-нормативные установки к большинству остаются неприменимы. Но когда такое меньшинство распределено в социуме (в силу экономических факторов или политики государства), то большинство станет подчиняться установкам меньшинства – особенно, если соблюдение этих правил не требует высоких затрат. Во-первых, всякие запреты и ограничения снижают затраты. И, во-вторых, унифицируется рынок товаров или услуг. Отчасти этим объясняется всемирный успех таких франшиз фастфуда, как McDonald's или Starbucks: ограниченное меню выглядит безопасным выбором.

Аналогично рост популярности автомобилей с автоматической коробкой передач связан отнюдь не с тем, что большинство водителей предпочитают ездить на «автомате». Просто те, кто может управлять машиной с ручной коробкой передач, могут спокойно пользоваться и автоматической, но никак не наоборот.

Речь идет не только об экономических, но и политических рынках. Так, в романе М.Уэльбека «Покорность» убедительно показано, как в считанные дни во Франции могут прийти к власти исламисты в результате выборов и политического торга: за либералами остается экономика, социалистам гарантируются социальные блага, зато культура, образование и СМИ становятся подконтрольны исламистам. И социум переходит в новое состояние – при пассивной поддержке обывателей и даже при сохранении большей части элиты. Собственно, аналогичным образом в свое время и Гитлер пришел к власти. Нетерпимое меньшинство может взять под контроль демократию не только с помощью популизма, «бьющего по площадям».

В наше время разработаны компьютерные модели выборов, в которых достаточно некоторому меньшинству превысить определенный уровень, чтобы оказаться способным навязать свою позицию большинству. Похоже, что именно такой подход, с использованием Big Data, реализуется в программах типа Ocean, использованной на решающей стадии избирательной кампании Д.Трампа. Ключевую роль в таких случаях играет работа не столько со своей группой поддержки, сколько с частью электорального «болота», которая может проголосовать за продвигаемого кандидата или партию (аналогично некошерным, которые могут есть кошерное).

В подобных процессах можно отметить роль «дополнительных генераторов». Таковыми могут выступать специальные события (specialevents), способствующие переключению или отвлечению внимания общественного сознания от текущей повестки: поджог парламента, взрывы домов, политическое убийство, военные действия и т.п. В толпе легко вызвать панику. А современное массовое общество потребления к этому даже склонно (об этом чуть ниже).

Развитие общества – в экономике, политике, искусстве, науке, морали, религии – определяется не большинством, а меньшинством. Дело не в делиберации, консенсусах, обсуждениях, комитетах, голосованиях. Для перехода достаточно активного меньшинства, которое должно отвечать нескольким условиям. Во-первых, его численность должна приближаться к 10% социума и, во-вторых, оно должно обладать волей – не только желать достижения целей или также обладать для этого ресурсами. Главное – упрощение проблем и решений в сочетании с самоотдачей таким решениям. Чаще всего это маргиналы, обездоленные молодые люди, лишённые перспективы в традиционном социуме. Именно такая среда порождала викингов, конкистадоров, и прочих людей «свободного состояния» и «длинной воли», оказывавшихся в истории создателями новых империй, которых Л.Н.Гумилев называл «пассионариями» [4].

Русская революция даёт тому критическую массу примеров. Начиная с террористов народной воли, продолжения в партии «нового типа» (по словам М.Горького – «чудо-партии» по ту сторону добра и зла), сталинском «ордене меченосцев». И на всех этапах – буквально по П.Я.Чаадаеву – противники оказывались несостоятельными. Достаточно вспомнить состояние династии, поведение кадетов, конфликты в правительстве социалистов, конфликт Л.Корнилова и А.Ф.Керенского в критический момент. Но, повторяю, сама фактология известна достаточно хорошо. Как и труднообъяснимые с традиционных позиций «больших теорий» обстоятельства: маргинальность большевиков даже среди партий социалистической ориентации зи-

мой-весной 1917 года. Отчаянные попытки манипуляции и перехватывания лозунгов. Неудача июньских выступлений. И осенний «ренессанс» – не замеченный публикой октябрьский переворот, проглоченный обществом разгон долгожданного Учредительного собрания. Утверждение советской власти и победа в Гражданской войне. Недавно дошло до того, что эти труднообъяснимые успехи большевиков А.М. Столяров объяснил обращением Л.Д.Троцкого за помощью к инфернальным силам.

Между тем, большевикам и их лидерам (среди которых ведущую роль играли маргиналы, представители этнических меньшинств, недоучившиеся студенты и семинаристы), при всем их циничном политическом лавировании, нельзя отказать в «длинной воле», личной преданности делу отрицания не только царского режима, но и проектов политических противников и временных союзников. Недаром укрепившийся режим первым делом начал избавляться от этих людей.

Но и постсоветская история убедительно подтверждает нетривиальную роль обесиленной политической воли российского общества, его неспособности противостоять бескомпромиссной нетерпимости. Выдвижение Б.Н.Ельцина, результаты плохо продуманных реформ, призывание Ленсоветом А.А.Собчака, утверждение пост-ельцинского политического режима, Чечня... П.Я.Чаадаев оказался прав – Россия преподала и преподает хороший урок роли политической воли в победе меньшинства, роли нетерпимости и настойчивости.

Не менее яркие примеры дает и современный мировой опыт: кризис политики толерантности, «возвращение ислама» и т.п. Общество массового потребления утрачивает образ будущего. Более того – оно боится будущего в страхе потерять настоящее и погружается в аларм и хорроризацию. Тем самым утрачивая иммунитет по отношению к преисполненным воли нетолерантным. И такое было уже в мировой истории – и не один раз.

Становится все более очевидным, что мультикультурализм, неизбежный и полезный в условиях глобализации, и политика толерантности имеют разную природу. Прежде всего, это относится к толерантности, которая воспринимается нетолерантными как проявление слабости. В свое время христианство победило благодаря религиозной нетерпимости и агрессивному прозелитизму, тогда как римское язычество проявляло терпимость к верованиям покоренных народов. Современный ислам, фактически, повторяет этот путь.

Развитие данного круга идей, как представляется, способно пролить новый свет на концепцию «пассионарности» Л.Н.Гумилева, избавив ее от налета паранаучности и наполнив реальным операциональным содержанием. Давно уже замечено, что взрывы «пас-

сионарности» связаны не только с загадочным «космическим излучением», гипотезу о котором высказывал Л.Н.Гумилев [2], или с зонами сейсмической активности, но с другими, более близкими общественным наукам явлениями – например, ростом в демографической структуре социума доли молодежи мужского гендера. Так было в эпоху походов Чингиз-хана, в эпоху Крестовых походов, в эпоху Конкисты... Похожая ситуация была и в России начала XX столетия. Теперь такая ситуация складывается в арабских странах. Молодежь, в силу своей избыточности, не имеющая возможность полноценной социализации, ищет и находит способы самореализации и самоутверждения...

Но в любом случае следует извлечь главный урок и внимательно присмотреться к новым «знающим – как надо», новым носителям нетерпимости, новым самозванцам, желающим и готовым делать других людей счастливыми помимо и вопреки их воле. И всерьез, ответственно ответить на вопрос о допустимости толерантности к нетолерантным. XX век оставил нам урок морали – подсудны не цели, а используемые для их достижения средства. Все хотят добра, только представления о нем различны. Поэтому подсудны именно и прежде всего – средства. Но это уже другая тема.

Толерантность, ее пропаганда и просвещение важны, как и терпимость к экстравагантности, необычности, но в сочетании с жесткими мерами к тем, чья экстравагантность сказывается негативно на других, выражаясь в оскорблениях, унижении, ущербе имуществу, прямом насилии.

Всякая мораль предполагает взаимность и общность, сопричастность этой общности. Если такой общности, общей identity нет, то появляются манипуляторы нормами, «безбилетники», пользующиеся «положенными льготами», а то и злонамеренно разыгрывающие доверившихся «сограждан».

Мораль не столько личностна (как некая система мотивов нравственного поведения), сколько результат действия внеличностных ситуаций и культурных факторов. Любой этос – определенная техника поведения в стандартных ситуациях социальной жизни. Собственно, любая культура (семейная, дворовая, гендерная, корпоративная, профессиональная, национальная) суть множество стандартных ситуаций, сценариев их развития. И каждый носитель такой культуры ждет от других определенного игrania ролей, позиционирования «имиджей» – в соответствии с данным статусом. Некультурный человек – это человек, не адекватный ожидаемому исполнению ролей [1]. В этом плане культура – фабрика социального взаимодействия, работающая на технологию эффективного решения задач, но

и на поддержание доверия, предсказуемости членов общества. Если бы не рутинные моральные правила, мир был бы опасной, враждебной средой, и каждая встреча с себе подобным несла бы угрозу. Моральные правила – даже не писанные – распознаваемы, понятны, предсказуемы. И задача социализации в любой ее форме – донести такие правила до личности. Так же как и последствия их несоблюдения. Так что поле для этического консультирования достаточно широко, а перспективы работы открываются и открываются.

Список литературы

1. *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-пресс, Куликово поле, 2000.
2. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. М.: Айрис-Пресс, 2016.
3. *Олсон М.* Возвышение и упадок народов: Экономический рост, стагфляция и социальный склероз. М.: Новое издательство, 2013. – 324 с.
4. *Столяров А.М.* Обратная перспектива. М.: ЛитСовет, 2015.
5. *Тaleb Н.Н.* Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. М.: 2016. – 768 с.
6. *Тaleb Н.Н.* Чёрный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: «Колибри», 2009. – 528 с.
7. *Тульчинский Г.Л.* Чему еще научит российская революция: фактор П.Я. Чаадаева и политическая воля. // Вопросы философии. 2018 № 12. С.131-140.
8. *Чаадаев П.Я.* Полное собрание сочинений и избранные письма. Том 1. М.: Наука, 1991.

Е. В. Беляева

УДК 172

**Этика прав человека и этика заботы
как теоретические основы консультирования
в биомедицине**

Аннотация. Этическое консультирование в ситуациях применения биомедицинских технологий опирается на две теоретические стратегии. Этика прав человека считает объектом этического консультирования рациональную автономную личность, а его целью – консенсус сторон, достигаемый путем уточнения понятий, разъяснения нормативных вопросов и определения ряда морально приемлемых вариантов решения проблемы. Этика заботы обращена к конкретной целостной личности в полноте ее переживания ситуации. Целью этического консультирования становится налаживание жизни конкретного человека с учётом его личных переживаний, опорой на нравственные качества консультанта и его вовлеченность в личные отношения с пациентом.

Ключевые слова: биомедицинская этика, этическое консультирование права человека, этика заботы.

Одной из главных сфер в общественной жизни, где необходимо этическое консультирование, является медицина. Особую важность оно приобрело в связи с развитием биомедицины – систематического применения результатов медико-биологических исследований и биотехнологий к медицинским задачам. Эта потребность привела к развитию биомедицинской этики, которая получила широкое институциональное распространение, а также достаточно глубокую нормативную проработку, сформулировав свои принципы и уделяя внимание различным окказиональным ситуациям. Между тем, теоретическая разработка этой предметной области продолжается. Сталкиваясь с новейшими технологиями, с одной стороны, и с различными социальными средами – с другой, биомедицинская этика модифицирует свои принципы и способы функционирования в обществе. Кроме того, не перестают переосмысливаться ее теоретические этические основания, которые, показав свою жизнеспособность и применимость, отнюдь не представляются самоочевидными. Страны, давно развивающие биомедицинские технологии, накопили большой опыт решения связанных с ними этических проблем. Для нас же актуальным представляется прояснение специфики этического консультирования в области биомедицины в Беларуси и России. Эта специфика

связана и с теоретическими основаниями этики, лежащей в основе таких консультаций, и с особенностями организации системы здравоохранения, и с менталитетом граждан.

Этическое консультирование в биомедицине – это институт, с помощью которого комитеты по биоэтике или индивидуальные консультанты помогают пациентам, их родственникам, врачам и другим участвующим сторонам преодолеть аксиологическую неопределенность или конфликт в связи с нравственными проблемами в здравоохранении. Предполагается, что консультант достаточно информирован, имеет опыт и обладает этической квалификацией, позволяющей ему дать независимый анализ ситуации и аргументировать возможные нравственные решения проблемы. В первую очередь в роли консультанта выступает врач, поэтому именно его биоэтическая подготовка является ключевой в развитии этического консультирования. Не только в США и Западной Европе, но и в странах постсоветского пространства преподавание основ биомедицинской этики стало обязательным элементом медицинского образования [2, 3]. Однако основное внимание при этом уделяется этике *медицинской* консультации: нравственной установке врача по отношению к пациенту, уважению его автономии и соблюдению прав, получению информированного согласия. И почти не говорится о потребности пациента в *этической* консультации по поводу ситуации, в которой он находится, поскольку многие современные технологии затрагивают нравственные убеждения людей, изменяют их отношения с окружающими и требуют нормативно-ценностного регулирования.

Соответственно сами врачи нуждаются в этическом консультировании по поводу различных аспектов своей деятельности, протекающей в широком общественном контексте, и в связи с многообразными случаями в своей практике. Врач не должен оставаться наедине со сложной жизненной ситуацией пациента, этическое консультирование должно осуществляться этическим комитетом, оказывающим и конкретно-практическую, и концептуальную поддержку практикующему врачу. Именно в составе комитета деятельность специалиста по прикладной этике могла бы принести наибольшую пользу. Между тем, ситуация складывается так: если Национальные комитеты по биоэтике созданы и в Беларуси, и в России, функционируют несколько региональных комитетов под патронажем губернаторов областей, то локальные комитеты в конкретных клиниках практически отсутствуют. По свидетельству Б.Г. Юдина, «не получили заметного распространения в России и комитеты по биоэтике, действующие на уровне отдельных медицинских учреждений» [7]. В результате самая насущная потребность в реальном этическом консультировании

удовлетворяется по преимуществу в общении врача и пациента. Главным субъектом, осуществляющим этическое консультирование, оказывается врач, который интуитивно склоняется к одной из теорий морали, лежащих в основе биомедицинской этики. Одной из них является «этика прав человека», а другой – «этика заботы».

Этика прав человека, исходит из того, что все люди равны от природы и обладают неотчуждаемыми правами, к числу которых принадлежат право на жизнь, достоинство, свобода убеждений, стремление к счастью и неприкосновенность личной жизни. Этика права призвана обосновать нравственное поведение автономного рационального субъекта Нового времени. Израильский профессор Р. Кохен-Альмагор пишет: «четыре философа имели в виду рациональных и автономных людей, способных решить свою судьбу, которые прокладывают себе путь к собственному счастью» [9, 436], – и относит к ним не только И. Канта, Дж. Ст. Милля и Дж. Ролза, но и Аристотеля. В целом биомедицинская этика, изначально развивавшаяся в западных странах, находится под концептуальным влиянием концепции прав человека.

В современной биомедицинской этике транслируется ряд принципов, которые уже приобрели статус самоочевидных:

- не навреди (*nonmaleficence*),
- делай благо (*beneficence*),
- справедливость (*justice*)
- автономия (*autonomy*) [15, 47].

Несмотря на то, что три из них имеют весьма почтенное историческое происхождение из врачебной этики, трактовка и обоснование этих принципов в биомедицинской этике осуществляется в контексте теории прав человека. Принцип автономии пациента, дополняемый принципом информированного согласия, оказывается доминирующим над прочими; понимание блага и вреда определяется пациентом. Принцип справедливости также функционирует, как уравнивание и распределение медицинской помощи между самостоятельными равноправными индивидами; а интересы личности не могут приноситься в жертву холистским интересам сообществ. Именно такая стратегия лежит в основе деятельности этических комитетов в США и Западной Европе, на ее основе определяется предмет и цель этической консультации. «Общество США является плюралистическим, состоящим из личностей, имеющих различные расовые, этнические, религиозные и нерелигиозные корни, имеющих различные ценности. Это разнообразие отражается в клинических условиях и еще более осложняется наличием различных профессиональных, институциональных и системных ценностей. Отдельные лица и со-

общества в нашем обществе имеют право придерживаться разных концепций “хорошей жизни” и жить согласно своим ценностям. Это право не исчезает только потому, что человек становится медицинским работником или пациентом. Соответствующий подход к консультациям по этике должен быть чувствительным к ситуации в области охраны здоровья и соответствовать общественной ценности автономии» [8, 60]. При этом целью этической консультации признается консенсус сторон, достигаемый путем уточнения понятий, разъяснения нормативных вопросов и определения ряда морально приемлемых вариантов решения проблемы [8, 61].

Наряду с традиционными четырьмя принципами биоэтики, в практике этических консультаций был сформирован еще один список принципов, применяемых, в частности, Европейской ассоциацией консультантов. К ним относятся:

- уважение (принятие культурных различий),
- честность (уважение права клиента поддерживать свои физические и эмоциональные границы),
- власть (ответственность за установление отношений с консультантом возлагается на пациента),
- автономия (свобода выражения потребностей и убеждений клиента),
- приватность (консультативные отношения защищены от несанкционированного или ненадлежащего наблюдения, включая вмешательство или вторжение других лиц),
- конфиденциальность (любая информация о консультации и пациенте защищена от ненадлежащего раскрытия другим лицам),
- ответственность консультанта за соблюдение этих принципов,
- компетентность консультанта в вопросах этики [10].

Все перечисленные принципы также сформулированы в контексте концепции прав человека, а главной целью их применения является охрана автономии личности от общественного и частного нелегитимного вторжения в принятие им решения.

Эффективность такой стратегии этических консультаций в биомедицине определяется ее технологичностью и подтверждается клиническим опытом. Несмотря на постоянно обсуждаемые трудности и дилеммы, она остается главным инструментом разрешения нравственных сомнений участников процесса.

Этика заботы, которую изначально предложила Кэрол Гиллиган в своей феминистской книге «Иным голосом» [11], была взята на

вооружение специалистами, работающими в области прикладной этики, так как в ней содержатся альтернативные теоретические основания решения проблем биомедицинской этики. Авторы сборника «Медицина и этика заботы» свидетельствуют о том, что господствующие в современной медицине подходы, рассмотрение пациента как клиента, потребителя медицинских услуг, неспособны удовлетворить важнейшие нравственные потребности пациента [12].

Такие авторы как П. Нортведт [14] и Дж. Тронто [16] давно прикладывают усилия по теоретическому обоснованию применимости этики заботы в биомедицине и показывают, что многие тезисы этики заботы не являются исключительно феминистским изобретением. В философском плане они получают обоснование в идеях Э. Левинаса и П. Рикёра [13]. Фигура Другого как партнера по нравственному отношению мыслится не в качестве абстрактного человека, наделенного соответствующими правами, и равного всякому другому. В этих концепциях отношение Я–Другой трактуется как персонализированное и уникальное, нетождественное отношению с другим Другим. Этика заботы – это этическая теория, согласно которой моральные действия основаны на межличностных отношениях и заботе, на доброжелательности как добродетели. О.В. Артёмьева пишет: «на самом общем уровне заботу можно описать как инициативное, деятельно-заинтересованное отношение к другому, направленное на содействие его благу» [1, 199]. «Забота направлена на удовлетворение потребностей конкретного другого в свете содействия достижению им совершенства. При этом заботящийся не стремится определить, в чём состоит совершенство другого, не определяет и принципов, по которым тот должен жить, не предписывает ему конкретных действий, а всего лишь пытается быть чутким к идеалу совершенства другого и способствует его достижению» [1, 205]. Таким образом, этика заботы ничуть не хуже этики прав человека охраняет интересы пациента, его личное достоинство, свободу нравственных убеждений, но делает это другим способом. В отличие от этики прав человека как этики сходства людей, ее можно трактовать как этику различий. Этика заботы не предполагает ни патерналистского навязывания нравственных представлений, ни «растворения» в пациенте вплоть до полного забвения собственной личности. В контексте этики Левинаса ответственность Я за жизнь Другого создает то отношение, которое только и делает их моральными субъектами, каждый из которых обретает себя благодаря другому.

В ситуациях применения биомедицинских технологий Другой нуждается не в сохранении своей мнимой и ненужной «автономии», а в конкретной заботе, внимании, которое позволит ему чувствовать

соединение с другими людьми, а не одиночество и отчуждение от социальной жизни, к которому так часто приводит болезнь. Личность здесь поддерживается совокупностью человеческих отношений, а не автономией по отношению к ним.

В таком случае целью этической консультации будет налаживание жизни конкретного человека. «Этика заботы» предполагает, что стратегией медицины, несмотря на все технологические инновации, остаётся излечение человека в его целостности души и тела, а не только починка органов. «Обсуждение проводится не с точки зрения прав и обязанностей и использования гипотетических примеров, а с точки зрения сострадания, уважения и понимания и связано с реальным жизненным опытом» [12]. Этическую консультацию на основе этики заботы отличает не апелляция к универсальным схемам, а контекстуальность, вариативность, партикулярность и личностная определенность, целостное проживание ситуации, учёт личных переживаний, страданий и надежд человека. Вот почему многие авторы, пишущие об этическом консультировании, концентрируются не только на его абстрактных принципах, процедурах и институциях, но и на компетенциях консультантов, среди которых первое место занимают не знания, а навыки, формулируемые чаще всего в терминах «этики заботы». Примерами межличностных навыков являются умение хорошо слушать и выражать интерес, уважение, поддержку и сочувствие вовлеченным сторонам, способность представлять мнения участников для других [8, 61]. Для консультантов важны такие добродетели, как терпимость, терпение, сострадание, честность, смелость, осторожность, смирение и порядочность [8, 63–64].

Сторонники этики заботы оптимистически оценивают взаимосвязь этой стратегии консультирования с реализацией общественной справедливости, репрезентированной этикой прав человека благодаря принципу рефлексивного равновесия [15, 60], обоснованного не только Дж. Ролзом, но и П. Рикёром. «В своей реляционной антропологии Рикёр сохраняет диалектическое напряжение между частной и общественной сферами и предполагает непрерывное “движение вперед и назад” между ними. В этом движении человек никогда не одинок, но всегда пребывает вместе с другими, в том числе внутри институтов» [13, 487]. Заботливость по отношению к тому, кто нуждается в помощи, реализуется в публичной сфере как справедливость, которая направлена на расширение заботы о каждом члене общества.

Сравнивая две стратегии теоретического обоснования принципов биомедицинской этики, имеет смысл рассмотреть их в отечественной ситуации здравоохранения. При опоре на «этику прав че-

ловека» наблюдается определенное отчуждение консультанта от проблем пациента, вернее, изначальное «неприближение» к нему. Данная этика сосредоточена на охране самостоятельности пациента, независимо от того, нуждается он в ней или нет. Она рассматривает пациента как клиента, а медицину – как услугу, распространяя на отношения врача и пациента подходы этики менеджмента. В результате «юридическая защита медицинского учреждения, его врачей и сотрудников может незаметно превратиться в главную цель КББ [комитетов по биоэтике]» [5, 39]. В ситуации болезни и привлечения биотехнологий, смысл и последствия которых часто находятся за границами понимания пациента, консультация, основанная на этике прав человека, направлена не целиком на благо больного, но защищает сопряженные с этим интересы врача, других пациентов, медицинского учреждения и общества в целом. Не удивительно, что человек, весьма уязвимый в ситуации болезни, далеко не всегда удовлетворен процессом и результатом такой консультации, ощущая отчуждение от других людей.

Реализация «этики прав человека» в биомедицине может вызывать дискомфорт и непонимание в странах с отличной от Западной Европы культурной традицией. В Беларуси, как и в России, фундаментом нравственных представлений остается христианская этика, базовыми ценностями которой являются сострадание и милосердие. «Отношение врача к больному не может быть просто “научным”, это отношение всегда включает в себя сострадание, жалость, уважение к человеку, готовность облегчить его страдания, готовность продлить его жизнь», – утверждает И.В. Силуянова [6, с. 29].

Русская православная церковь сформировала вполне определенное отношение к проблемам биомедицинской этики, которое опирается на нравственное богословие, а не на концепцию прав человека [4]. Соответственно религиозная этическая консультация дает пациенту руководство по разрешению его нравственных сомнений в рамках определенного мировоззрения. Для участников такой консультации «ценностная неопределенность» или «конфликт интересов» отсутствуют. Целью консультации становится доведение до пациента канонического представления о допустимости той или иной биотехнологии и увещание его для принятия христианской позиции. Список допустимых с точки зрения православной церкви биотехнологий весьма ограничен, а в выборе между технологией, направленной на улучшение жизни тела, и спасением души христианин закономерно должен интересоваться последним, а не продлением жизни и комфортом брэнной оболочки.

Право пациента на самоопределение включает его право на реализацию своей религиозной идентичности, на следование своим убеждениям, ориентацию на ценности своего мировоззрения. Между тем, государство, охраняя жизненные интересы граждан, независимо от их вероисповедания, должно устанавливать общие правовые нормативы для различных институций, защищающие право на жизнь и другие права человека. Коллизии, которые возникают в области биомедицины, не поддаются теоретическому решению. Именно они в наибольшей степени должны были бы решаться посредством деятельности этических комитетов. Различие мировоззрений не должно быть конфликтом врача и пациента, пациента и клиники, клиники и церкви. Естественно такой подход по природе своей ближе к этике прав человека, предполагающей, что конфликты в обществе – это конфликты законных интересов, а не конфликты добра и зла.

Различие нравственных представлений в обществе приводит и к конфликту стратегий этического консультирования в биомедицине. Однако, если западная этика заботы идёт навстречу идеалам общественной справедливости, содержащимся в этике прав человека, то и религиозная позиция в вопросах биомедицинской этики не может обходиться без согласования с универсальными правилами взаимодействия в обществе. Таким образом, этика прав человека и этика заботы представляются взаимодополняющими стратегиями этического консультирования в биомедицине.

Список литературы

1. Артёмьева О.В. Этика заботы: феминистская альтернатива классической философии // Этическая мысль. 2000. С. 195-215.
2. Биомедицинская этика: учеб. пособие / под ред. Т. В. Мишаткиной, С.Д. Денисова, Я.С. Яскевич. Минск : ТетраСистемс, 2003. – 320 с.
3. Биомедицинская этика и коммуникации в здравоохранении : учебно-метод. пособие / под ред. А.Т. Щастного. Витебск: ВГМУ, 2018. – 310 с.
4. Проблемы биоэтики [Электронный ресурс] // Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. URL: <<https://mospat.ru/ru/documents/social-concepts/xii/>> (дата обращения: 13.05.2019).
5. Руководство № 1 по созданию комитетов по биоэтике. Париж: UNESCO, 2005. – 81 с.
6. Силуянова И.В. Современная медицина и православие. М.: Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1998.–105с.

7. Юдин Б.Г. Этические комитеты в России: проблемы их организации, статуса и функционирования // Всеросс. конф. «Наука о жизни и образование. Фундаментальные проблемы интеграции. Памяти профессора М. В. Гусева» [Электронный ресурс] // Московский государственный университет. URL: <<https://www.msu.ru/bioetika/conf1.html>> (дата обращения: 08.05. 2019).
8. Aulisio M. P., Arnold R. M., Youngner S. J. Health care ethics consultation: Nature, goals, and competencies // *Annals of internal medicine*. August 2000. С. 59–69.
9. Cohen-Almagor R. On the philosophical foundations of medical ethics: Aristotle, Kant, JS Mill and Rawls // *Ethics, Medicine and Public Health*. October–December 2017. Vol. 3, Issue 4. P. 436–444.
10. Counselling Values & Ethical Practice // European Association for Counselling. URL: <<http://eac.eu.com/standards-ethics/counselling-values/>>. (дата обращения: 08.05.2019).
11. Gilligan C. *In a Different Voice*. Psychological Theory and Women's Development. Massachusetts: Harvard University Press, 1982. 184p.
12. *Medicine and the Ethics of Care* / ed. by D. F. Cates and P. Lauritzen. – Georgetown : Georgetown University Press, 2001. 323 p.
13. Nistelrooij I. van, Schaafsma P., Tronto J.C. Ricoeur and the ethics of care // *Medicine, Health Care and Philosophy*. 2014. Vol. 17. N. 4. P. 485–491.
14. Nortvedt P. Levinas, justice and health care // *Medicine Health Care and Philosophy*. February 2003. № 6. P. 25–34.
15. Summers J. Principles of Healthcare Ethics // *Health Care Ethics: critical issues for the 21st century* / ed. by E. E. Morrison, B. Furlong. 3rd ed. Burlington, 2014. P. 47-63.
16. Tronto J.C. An ethic of care // *Feminist theory: a philosophical anthology* ed. by Ann E. Cudd and Robin O. Andreasen. Oxford, UK. Malden, Massachusetts : Blackwell Publishing, 2005. P. 251-263.

УДК 177

Этическое консультирование современной науки как необходимость времени

Аннотация. Проводится анализ ускоренного влияния экономических и социальных изменений на нормы этического поведения современных ученых. Рассматриваются примеры эволюции прикладной этики в условиях «социальной турбулентности» в новом быстро меняющемся мире. Показана необходимость существенных изменений в разработке и реализации новых этических норм, кодексов и правил деятельности современного ученого для достижения высокой эффективности своего труда в изменившихся условиях. Отмечается новая роль и потребности научного сообщества в новых членах своей общей команды – этических консультантах. Ставятся вопросы об особенностях их обучения и подготовки.

Ключевые слова: прикладная этика, этика науки, этические кодексы, типы этического консультирования, социальная турбулентность, четвертая промышленная революция, новые нормы труда ученых, развитие мира, значение этических консультантов.

Введение

Общепринятой характеристикой современного мира является его способность к принятию и освоению большого числа изменений в технологиях, экономике, образовании и образе жизни увеличившегося количества людей. Именно они радикально изменили окружающий нас мир за последние 500 лет. Первоначальный медленный характер происходящих в течение нескольких поколений перемен в последние десятилетия сменился на ускоряющийся во времени темп изменений, затрагивающий все большее число видов человеческой деятельности и практики. Так, по сравнению с другими видами, к ним всё в большей мере стала относиться и научная деятельность. Наука в современном понимании возникла совсем недавно, всего лишь в XVI-XVII веках, но развитие её носило отчетливо ускоряющийся характер. Начиная с XVII века, по данным [14], объём научной деятельности (рост открытий, научной информации, числа научных работников) удваивается примерно каждые 10-15 лет. За этот исторически короткий период наука превратилась в один из эффективных механизмов развития, последовательно став: вначале – основой современного университетского знания (университет им. В.Гумбольдта, 1809); потом – видом профессиональной деятельности (середина

XIX века), а затем одной из важнейших основ научно-технической революции (конец XX века) и творцом новой – Четвертой промышленной революции (с 2011 года) [22], формирующейся в течение последних нескольких лет на наших глазах и в ускоренном темпе, меняющем различные правила и цели научной деятельности от особой роли науки в создании полезных инноваций [15] до появления новой, третьей миссии «служения обществу» современных университетов [7].

Эти быстрые, на протяжении всего одного-двух поколений ученых, изменения существенно повлияли на разные стороны научной деятельности, на поведение той или иной группы ученых, в конечном счете на правила принятия ими стратегических или повседневных решений. Современные ученые объективно поставлены в условия выбора таких правил своего поведения, которые позволяли бы достигать максимально возможных научных результатов в конкретных данных условиях, учитывая при этом не только традиционную логику научной деятельности, но и постоянно обновляющиеся запросы общества на те или иные исследования. Более сложным становится само определение науки. Наука сейчас – это не только поиск и нахождение законов мира, но использование их и применение в изменении окружающего мира. Возникающие при этом этические проблемы ученого в значительной степени обуславливаются в том числе и самим развитием науки, резким увеличением востребованного временем числа ученых, требующего ограничения и исправления их сомнительного и непрофессионального поведения.

***Этический консультант –
новый член команды ученого***

Преодоление прежних и новых этических конфликтов, анализ возникающих дилемм морального поведения ученого во многих случаях требует не только своевременных коррекций этических профессиональных кодексов ученых или отдельных групп ученых (например, современных генетиков, биологов, химиков и т.д.), но и создание особых профессиональных групп посредников – этических консультантов, способных преодолеть ограничения саморегулирование самих научных сообществ, ориентированных прежде всего на достижение своих целей, достижение новых знаний и признания этих результатов другими учеными.

Цель этического консультанта иная: с помощью своего знания законов этики, современных видов научной деятельности и возможных сценариев помочь научному сообществу увидеть «себя в будущем»; найти адекватные времени варианты этических документов; сформулировать для всех участников возникшего этического кон-

фликта возможные и уже ставшие реальными угрозы «выхода ученых» из пространства своей эффективной деятельности, найти общезначимое решение для них. В ускоряющемся мире обновление самим научным сообществом этических правил современных ученых фактически невыполнимо. Это становится возможным лишь профессионально более широкой деятельностью «общей команды» ученых, этических консультантов и других задействованных в научном процессе специалистов. Очевидно, что основным заказчиком на необходимый уровень этического консультирования становится само научное сообщество, более чем кто-либо заинтересованное в успехе научной деятельности, в разных видах их воплощения в жизнь, разрешении возникающих проблем, сохранении и повышении высокого статуса ученого в обществе. При этом роль этического консультанта для ученых становится во многом определяющей. Его экспертное знание существенно расширяет представителям науки теоретическое понимание возникающих этических проблем, а практическое владение консультантом навыками их решений, доказанное в результате прежней деятельности, увеличивает доверие к его предложениям и освобождает от груза «возможных обвинений» в личной заинтересованности предлагаемого решения. Сама практика этического консультанта должна способствовать увеличению степени доверия к нему, его действия должны быть понятны всем участникам группы совместных действий по преодолению имеющихся этических проблем. Этому может способствовать наличие различных подходов этического консультирования: разъяснение сути возникших или возможных проблем; создание необходимых условий для их решения и, наконец, нахождение оптимального решения. Очевидно, что успешность этих подходов может быть достигнута лишь при соблюдении консультантом этических правил своего поведения.

Консультант должен хорошо знать все современные требования научной этики, возможные нарушения и в своей работе учитывать их. Цель его действий – способствовать выполнению этих требований и сохранению высокого уровня звания ученого. В этой роли он становится верным слугой современной науки и товарищем по общему делу любого современного ученого, профессиональным советником научного сообщества по преодолению возникающих внутренних и внешних этических проблем. Современные нормы, регулирующие взаимоотношения между учеными, весьма требовательны к членам научного сообщества и ставят их в условия довольно высокой моральной ответственности. В целом, на наш взгляд, они приводят к тому, что выполнение ученым взятых на себя обязательств пе-

ред своими коллегами становится очень непростым делом, более сложным и трудным, чем у обычного человека.

Новые нормы труда современного ученого

Так, например, этический кодекс современного ученого, недавно принятого Обществом Макса Планка, ФРГ, включает [10]:

- обязательство не препятствовать научной работе конкурентов путем задержки отзывов или передачи третьему лицу научных результатов, полученных при условии конфиденциальности;
- активное содействие научному росту молодых ученых;
- открытость для критики сомнений, выражаемых другими учеными и коллегами по работе;
- внимательная, объективная и непредубежденная оценка работы коллег; непредвзятое отношение.

Важной особенностью этого документа является наличие в Кодексе детально продуманного «Перечня возможных санкций или последствий нарушения научной этики», которые содержат вполне конкретные меры наказания ученого, нарушающего этот кодекс. Системный подход к созданию данного документа ограничивает пространство возможных злоупотреблений людьми науки и является важным правовым механизмом предотвращения науки в способ производства «мусорных статей» и возникновения реальных угроз прекращения финансирования тех или иных направлений научной деятельности. С расширением значимости научной деятельности для различных отраслей экономики этот подход «этические нормы – меры наказания» становится не только необходимым, но и очень полезным. Это требует постоянного обновления всех документов, регулирующих нормы деятельности ученых в конкретных изменившихся условиях. Разработка, принятие и сопровождение этих документов, с нашей точки зрения, может быть подготовлено путем совместной работы всех участников современной научной деятельности, ученых, специалистов по этике в современном мире, представителей университетов, бизнеса и власти. Очевидно, что роль этических консультантов в этом постоянно меняющемся пространстве обеспечения научных сообществ современными этическими и регулируемыми документами становится всё более необходимой. Отметим при этом всё более возрастающее число этических документов во всех направлениях научной деятельности: в современных университетах третьего поколения, в этических правилах подготовки и печати научных статей [23, 24, 25], в противодействии плагиату [11], в повышении престижа труда ученого и т.д.

В определенной степени все эти строгие меры становятся в настоящее время неотъемлемой частью практической этики науки, обеспечивающей необходимое высокое качество научной деятельности в современных условиях. Повседневная этическая практика, как показал в середине XX века Роберт Мертон, более противоречива, чем представления об идеальной этике ученого. Для описания реального поведения учёных дополнительно к нормам научного этиоса Р. Мертон в середине XX века использовал девять пар взаимно противоположных нормативных принципов, которым он должен следовать. Идея «социологической амбивалентности» состоит в том, что в своей повседневной профессиональной деятельности учёные постоянно находятся в напряжении выбора между полярными императивами предписываемого поведения. Так, учёный по Р. Мертону должен [13]:

как можно быстрее передавать свои научные результаты коллегам, но не должен торопиться с публикациями;

быть восприимчивым к новым идеям, но не должен поддаваться интеллектуальной «моде»;

стремиться добывать такое знание, которое получит высокую оценку коллег, но работать он должен, не обращая внимания на оценки других;

защищать новые идеи, но не должен поддерживать опрометчивые заключения;

прилагать максимальные усилия, чтобы знать относящиеся к его области работы, но при этом помнить, что эрудиция иногда тормозит творчество;

быть крайне тщательным в формулировках и деталях, но не должен углубляться в педантизм, ибо это идет в ущерб содержанию;

всегда помнить, что знание универсально, но не должен забывать, что всякое научное открытие делает честь нации, представителем которой оно совершено;

воспитывать новое поколение учёных, но не должен отдавать обучению слишком много внимания и времени;

учиться у Мастера и подражать ему, но не должен походить на него.

Очевидно, что определение конкретных норм поведения ученого в меняющихся условиях требует определения наиболее приемлемых для научного сообщества мер не только этического, но и правового регулятивного типа. Этого требует не только обострение в мире конкурентной борьбы за производство наукоемких инновационных продуктов, но и возрастание этических и профессиональных требований к членам научных сообществ. Происходящие в мире измене-

ния оказывают влияние и на социальный капитал научных сообществ, использование научных степеней для профессионально неподготовленных к современной научной деятельности представителей власти, бизнеса и т.д. Имеющая плохую моральную репутацию профессия ученых становится не престижной для новых поколений талантливых студентов, что естественным образом приводит к качественному ослаблению научного сообщества и требует во многих случаях радикального изменения поведения его членов. Необходимы также изменения программ подготовки будущих ученых с обязательным включением – наравне с повышением профессионального – обучения современным этическим технологиям и практикам, в том числе и обучение особой профессиональной группы этических консультантов, деятельность которых может быть направлена на разрешение возникающих при быстрых переменах различных этических проблем в том числе и повышению ключевого современного фактора развития доверия.

***Этика современной науки
как основа высокого престижа ученого***

Многочисленные исследования показывают [2], что процветание западных стран обусловлено высоким «радиусом» доверия в этих странах. Это приводит к формированию высокого уровня так называемого общественного капитала, к мобилизации всех видов ресурсов для достижения значимых уровней экономического и социального развития. Другие страны, в которых «радиус» доверия ниже, отстают в своем развитии. В значительной степени это касается и современной России, в которой лишь в последние годы происходит осознание важности различных частей общественного капитала для своего ускоренного развития. Доля скептиков и людей, не доверяющих науке, в российском обществе высока. По доле населения, одобряющего научно-технический прогресс, Россия находится на предпоследнем месте перед Австралией и Мексикой среди стран, по которым имеются сопоставимые данные [16]. Если принять во внимание, что население является не только потребителем результатов, но и активным проводником научно-технического развития за счет формирования общественного запроса на новые знания и решения, то уменьшение числа сторонников науки и техники в перспективе может стать значимым фактором увеличения существующего технологического отставания России в современном мире. Заявленные в 2018 году национальные проекты ускоренного развития науки и образования [20], в принципе, ставят задачи повышения престижа ученых в России, формирования для них современной среды эффективной деятельности. Это означает, что у представителей современной

этики науки появляется новый шанс воспринять новые подходы к созданию адекватных новым вызовам времени этических норм, правил и кодексов поведения современных ученых времени нарастающих изменений. Эта задача требует участия различных профессиональных групп от специалистов по научной этике до разнообразных консультантов по этике.

Переходный период к обновлению и модернизации научной деятельности в России обозначен. Он определен как время прежде всего значительного повышения уровня российской науки, что может быть достигнуто использованием различных механизмов повышения эффективности и признания российской науки: увеличением финансирования актуальных направлений исследований; путем организационных мероприятий, повышающих значение труда каждого ученого; «возвращением» научного сообщества к общепринятым в мире правилам и нормам научной деятельности. Важное место в этих процессах обновления и модернизации научной деятельности должна занять работа по повышению качества научной деятельности в университетах. Многие из них совсем недавно были специализированными институтами и по этой причине не могли иметь коллективы ученых, соответствующих современным требованиям, и в которых доминировали этические правила педагогов высшей школы, а не эффективных ученых, деятельность которых нацелена на получение максимального признания мирового научного сообщества. В них как никогда стоит задача подготовки новых поколений ученых, знающих и принимающих требования профессионального поведения современных успешных ученых, без которых они не в состоянии выдержать всё обостряющуюся конкуренцию как среди своих коллег в университете, так и среди коллег в других университетах своей страны и мира. Ниже мы рассмотрим опыт формирования молодых ученых, их этического поведения и этического консультирования в университетах Красноярска, прежде всего в Красноярском государственном педагогическом университете им. В.П. Астафьева.

Задачи подготовки этического консультанта

Представленное выше разнообразие и усложнение задач этического консультирования в сфере науки ставит задачу подготовки кадров, не только владеющих информацией о принципах и нормах научной этики, но и обладающих соответствующими навыками этического анализа, этической оценки экспертизы, этической аргументации, руководства по принятию этически приемлемых решений. Этическое консультирование в нашей стране активно развивается в педагогике и образовании, поскольку здесь все большее место отводится гуманитарным технологиям, которые формируют новый обра-

зовательный дискурс: построение обучения на позициях разнообразия мнений, толерантности, признания прав и достоинств, опыта и жизненных позиций, языковой культуры и других факторов жизненного уклада, деятельности и отношений. Развивающееся этическое консультирование раскрывает сущность гуманитарных технологий как инструментов мягкого взаимного воздействия институтов, корпораций и отдельных лиц друг на друга, при котором категорически запрещаются грубые средства (прямое насилие, компрометации, дискредитации, шельмование, бойкот и изоляция и др.). Важно и то, что этическое консультирование отражает междисциплинарный характер гуманитарных технологий, на его примере видно, как расширяется типология консультирования за счет освоения «смежных» гуманитарных пространств, синтеза различных видов рефлексивного руководства по улучшению тех или иных процессов (в биоэтике, менеджменте, психологии), что вводит в терминологию прикладной этики не четко определяемые, но активно используемые ныне термины: этический консалтинг, этический эдвайзинг, а также коучинг и менторинг.

Учебных пособий, посвященных этическому консультированию в отечественной литературе не так много [8], а в англоязычной литературе, рассматривая этот предмет, чаще всего используют два термина: консалтинг (consulting) и эдвайзинг (advising)¹. И тот и другой тип консультирования осуществляется специалистами, обладающими глубокими знаниями в соответствующих областях, это авторитетные профессионалы с многолетним опытом работы, которая в чем-то совпадает, но есть и различия (см.табл.)

Различия Consulting (консалтинг) и Advising (эдвайзинг)

Consulting	Advising
«Консультировать» – заимствовано из латинского <i>consultare</i> , что означает «обдумывать, советовать или консультироваться».	Слово «advise» (советую) – заимствовано из англо-французского, что в переводе означает «мнение».
Консультанты этого типа обычно работают на краткосрочной основе, решают конкретную проблему или основное ограничение, которое влияет на компанию.	Консультанты этого типа обычно работают с клиентами на долгосрочной основе, вовлечены в долгосрочный успех компании.

¹ The Differences Between Consulting & Advising by Tim Zimmer; Reviewed by Jayne Thompson, LLB, LLM; Updated March 05, 2019.

Продолжение таблицы

Consulting	Advising
Консультанты этого типа в определенной степени – «внешние наблюдатели»	Консультанты этого типа берут на себя лидерские роли, наставничество
Консультанты этого типа работают с уже имеющейся проблемой, «реактивно»	Консультанты этого типа работают на предотвращение, предупреждение еще не существующих, но потенциально опасных ситуаций
Consulting – услуга, в соответствии с «прейскурантом»	Advising предполагает разные виды вознаграждения, сложно поддается «калькуляции»

В этом сравнении проясняется суть этического консалтинга как услуги, которую квалифицировано могут оказывать выпускники магистратуры по направлению «Прикладная этика», либо профессионалы, освоившие дополнительные образовательные программы, «стажировки», практики. Очевидно, что в различных ситуациях может быть полезней, эффективней один или другой тип консультирования. Дифференциация на консалтинг/эдвайзинг дополняется в психологии еще другими типами консультирования, это коучинг и менторинг [18, 19]. Вникая в эту типологию, можно обнаружить, что помимо консалтинга и эдвайзинга в прикладной этике «отпочковываются» еще и этический коучинг и этический менторинг. Выделение этих типов, на наш взгляд, вполне уместно, если речь идет о научно-педагогическом, образовательном «сопровождении», где моральные дилеммы и этические вопросы возникают достаточно часто. Так, этический коучинг – персональный и конфиденциальный процесс обучения, где этическая составляющая связана с профессиональным развитием, позволяющим впоследствии брать на себя новые обязанности, повышение уровня ответственности в работе. Особенность этого типа консультирования – психологическая совместимость Учителя и Ученика, индивидуальный подход. Этический эдвайзинг в этом смысле более продуктивен, поскольку охватывает большую аудиторию, здесь важны социальная и профессиональная мобильность Учителя, его опыт и авторитет. Коучинг и эдвайзинг – типы консультирования, ориентированные на «здесь и сейчас», в то время как менторинг – на будущее. Этот тип консультирования, который можно легко обнаружить в этическом обучении, нацелен на получение компетенций управления и выбора (!), на личное развитие будущей карьеры, выработку жизненных стратегий. Менторинг можно классифицировать как практико-ориентированную этико-образовательную деятель-

ность, эффективность которой зависит не только от знаний Учителя, но и от готовности делиться ими.

Типы современного консультирования людей науки

Для этики науки такое разнообразие типов консультирования необходимо по причине бурного роста субъектов научно-исследовательской деятельности и «разнопорядковости» возникающих проблем (дилемм), этических нарушений в этой новой среде: от обычного плагиата, платного или «дружеского» цитирования до несправедливой дискриминации и коррупционных схем. Спектр этических технологий расширяется по принципу дополнительности, традиционные механизмы этической регуляции дополняются новыми. К примеру, в борьбе за добросовестность научных публикаций «конкурируют» и проходят апробацию на эффективность: эксперты «с человеческим лицом», официальные экспертные комиссии; бездушные механизированные – «Антиплагиат» [12]; альтернативные общественные организации – Диссернет; по-прежнему держит этическую планку «незримый колледж». Этическое регулирование в сфере науки, образно говоря, переходит от «управления в ручном режиме» к институциональному, «средовому» регулированию больших групп разнообразных заинтересованных сторон (стейкхолдеров), где этические технологии становятся обыденной практикой. Очевидно, что в этих условиях для тех, кто втянут в деятельность по этическому консультированию, нужны и разные уровни подготовки: от широкого круга пользователей «базового» уровня до немногочисленных экспертов самой высокой квалификации.

Различие квалификационного уровня этических консультантов (программист / пользователь; мастер / ремесленник) в этическом консультировании определяется качеством получаемого «на выходе» результата, то есть от степени сложности выполняемой экспертной работы. Экспертиза – это всегда исследование и разрешение этической проблемы на основе научно разработанных (верифицируемых) методик с представлением мотивированного заключения [17]. Консультант в силу своего практического опыта владеет запасом типовых паттернов, связанных с решением часто повторяющихся ситуаций, но насколько эти типовые решения эффективны в уникальных ситуациях? Качественная экспертиза осуществима «мастером», и отличается от работы «ремесленника» или дилетанта.

Дифференциацию профессионалов разного уровня образно представляет автор книги «Бизнес: пособие для гениев», используемые здесь метафоры полезны потому, что этическое консультирование в сфере науки многопланово и многопорядково. Решение про-

блемы (в нашем случае, этической) сравнивается с подбором ключа, позволяющего открыть заветную дверь. «Мастер мысленно (!) перебирает ключи, в голове находит единственно возможный для данной проблемы, мгновенно материализует ключ, одним движением открывает дверь и идет дальше, как бы забыв о найденном решении. Ремесленник пытается перебирать ключи, но у него не хватает ума вовремя остановиться и сделать ключ самому. Правда, делает ключи он еще неумело и долго. Но уже знает, что ключи-решения можно делать, и осваивает это искусство». Консультанты-ремесленники занимаются тем, что «высыпают перед ошарашенным клиентом тысячи ключей, изготовленных кем-то за всю историю бизнеса, и искренне думают, что эти ключи представляют ценность. Замороженный клиент за свои деньги пополняет свою коллекцию ненужных решений, в результате чего решения начинает принимать еще дольше и еще меньше становится уверенным в них»². «Мастер» – условная характеристика, так, к примеру, хороший вариант «мастерского» решения этических проблем может давать «коллективный разум» этических комиссий. Но суть этого типа консультаций – неповторимость, уникальность, даже если сама проблема значится типовой.

Какой консультант (мастер или ремесленник) востребован в сфере науки? Когда речь идет о предотвращении «массовых» типичных нарушений, то становится востребованным не то чтобы ремесленник, но «продвинутый юзер», действующий на «этическом автопилоте», или «сам себе консультант». Сегодня знание этики на элементарном уровне исследовательской работы в университетах (магистратура, аспирантура) определяет заказ на формирование этической грамотности: навыков этического анализа, этической аргументации, этической оценки профессиональных дилемм. Хороший пример – учебники по этике бизнеса Р.Т. де Джорджа [9], где прописаны четкие шаги принятия решений на основе: а) утилитаристского анализа; б) анализа по принципу долженствования; в) принципов прав и справедливости и г) общего морального анализа. Обучение этим алгоритмам не сделает из обучающегося этического «профи»-консультанта, но это вклад в этическое консультирование как одну из гуманитарных (мягких) технологий, с помощью которых продвигаются новые формы социальной активности, «прорастающие» в стратегии современных организаций, в корпоративные и государственные стратегические проекты. Это делает востребованным такой тип консультирования как этический менторинг, который подобно эдвайзингу

² Мороз Ю. Бизнес: пособие для гениев. Волгоград: ИПК «Царицын», 1997. С.36.

ориентирован на долгосрочную перспективу, формирует мировоззрение, работает на совершенствование человека; консалтинг такой задачи не ставит. И если об опыте подготовки консультантов мастером мы знаем из публикаций наших коллег (прежде всего этот опыт излагают авторы «Ведомостей прикладной этики»), то опытом подготовки «юзеров» в этической экспертизе можем поделиться мы.

**Опыт этических практикумов
в университетах Красноярска**

Подтверждая реалистичность названных типов этического консультирования, сошлемся на многолетний опыт нашей работы в рамках семинара-практикума «Этика науки: принятие управленческих решений» высокой степени этичности было самостоятельным модулем в аспирантском курсе «История и философия науки» в инженерном вузе [4, 5]. В преподавании использовался метод ситуационного анализа, а в качестве методики «распаковки кейсов» – комплексные работы Д.Фритцше. Формат разноплановой этико-образовательной работы было непросто определить, поскольку целью курса, который длился больше месяца, было не просто решение обучающих кейсов, а освоение алгоритма этического анализа, который можно применять в дальнейшем самостоятельно, без сопровождающего преподавателя. Сложность определения появляющихся форматов обучения объясняется тем, что прикладная этика разворачивается от инерционного сценария к инновационному. Как отмечает В.И. Бакштановский, «этическое сообщество начинает привыкать к факту существования разных версий предмета прикладной этики, в том числе и версий, не представленных в учебных программах и учебниках» [1]. Теперь, опираясь на представленную типологию консультирования, можно точно сказать, что это не консалтинг и не коучинг. Тогда, возможно, эдвайзинг, менторинг? Эдвайзер – это преподаватель, выполняющий функции академического наставника. Он сочетает черты советника, руководителя, просветителя и ментора, при этом ни один из терминов по отдельности не исчерпывает его роли в полной мере.

Этико-образовательный потенциал нашего семинара-практикума раскрылся в работе с аспирантами и магистрантами педагогического университета [3]. В ходе освоения дисциплин «Методология и методы научного исследования», «Современные проблемы науки и образования» магистранты (будущие педагоги) осознавали важность рефлексивного и ответственного отношения к стандартам научно-исследовательской работы в нескольких аспектах: а) утилитарном: для написания диссертации; публикационная активность, необходимость апробации материалов исследования. Это вопросы, которые

волнуют ответственных магистрантов, расширяя поле этического консультирования; б) профессионально-педагогическом, воспитательном: руководство научной работой школьников стало одним из требований к учительской профессии, этот вид работы активно стимулируется, в том числе материально. Поэтому развитие этического консультирования идет независимо от наших узкопрофессиональных амбиций. Это вызов различных социальных и профессиональных сред. Явный интерес обучающихся к навыкам этического консультирования проявляет запрос на повышение этической грамотности молодых ученых, которые в будущем становятся исследователями-преподавателями.

Дополнить типологию этического консультирования позволяет еще один формат наших практикумов по этике науки, который востребован сегодня на «внеаудиторных» образовательных площадках. Открытый университет в рамках проекта «Тим-Бирюса», где эксперты и исследователи делятся самыми актуальными знаниями, помогают участникам понять свои сильные и слабые стороны и эффективно работать над собой. Один из важных блоков этой образовательной программы – ценностный³. Обучающие семинары такого рода специфичны своей аудиторией не только количественно (30-60 чел.), но и качественно. Молодые амбициозные люди, знания прикладной этики нужны им не для сдачи экзамена, а для повышения своей конкурентоспособности в построении карьеры и жизненной стратегии. Очевидно, что здесь интерактивный формат преподавания этических знаний должен быть утилитаристски обоснован. Даже в названии семинара звучит «Почему востребована и где полезна прикладная этика?»⁴. Для таких занятий выделяют мало времени, а требование к результату – высокое. Для «концентрированного эффекта» занятий с использованием кейсов по этике науки мы стали привлекать аспирантов кафедры, хорошо освоивших методики принятия этических управленческих решений. На практикумы такого рода действительно появился спрос, и работа по обучению навыкам элементарной этической экспертизы стала проводиться как командная: преподаватель и ассистенты. Уже несколько лет успешно проходит мастер-класс «Этика науки в пользовательском формате» в рамках проекта Сибирского федерального университета «Школа-мастерская. Как заниматься наукой в университете». Руководители-заказчики

³ Приглашаем студентов, молодых ученых и преподавателей КГПУ им. В.П. Астафьева стать участниками ТИМ «Бирюса-2015» <http://www.kspu.ru/page-16610.html>

⁴ <http://www.kspu.ru/page-18728.html>

таких практикумов – те, как правило, кто будучи аспирантом, обнаружил дефицит знаний и навыков этического консультирования и открыл для себя потенциал прикладной этики. В ходе последней Школы-мастерской (ноябрь 2018 г.)⁵ молодые ученые решали кейсы из «банка» апробированных наработок [6]: «Почему в России так много плагиата», «Локальный этический комитет», «Крионика», «Евгеника», «Испытание детской вакцины», «Стэнфордский тюремный эксперимент» и др.⁶ (ссылка на интернет-источник). Возвращаясь к типологии этического консультирования, можно предположить, что освоенный нами формат «многоуровневого» преподавания основ прикладной этики – не просто менторинг и эдвайзинг, но и супервизия, как практика работы в психологическом консультировании и социальной работе. Супервизия (от англ. Supervision) как образовательная деятельность не сводится к функциям надзора, контроля, наблюдения, присматривания. Для нас важен наставнический потенциал этической супервизии, поскольку это повышает эффективность образования в сфере прикладной этики, переводит скромные амбиции этического консультирования (В.И. Бакштановский) в *высокую* миссию гуманизации, гуманитаризации общества. Миссия обучения навыкам этического консультирования – повышение этической и профессионально-этической грамотности широкого круга молодых людей, занятых в самых разных сферах, и науки – в особенности. Важно всеобщее понимание того, что этичным быть выгодно, а неэтичное поведение имеет катастрофические последствия.

Список литературы

1. *Бакштановский В.И.* Прикладная этика как проектно-ориентированное знание (теория и опыт нового освоения Ойкумены прикладной этики) / Этическая мысль. Том 15. № 2 / 2015. С. 108–122.
2. *Белянин А.В., Зинченко В.П.* Доверие в экономике и общественной жизни. – М: Фонд «Либеральная миссия», 2010. – 164 с.
3. *Викторук Е.Н.* История и философия науки для аспирантов педагогического университета. Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2016. Т. 5. № 2. С. 77-81.
4. *Викторук Е.Н.* Этика науки: практико-прикладной модус. Высшее образование в России. 2013. № 8-9. С. 149-155.

⁵ <http://www.kspu.ru/page-28672.html>

⁶ Программа «Школа-мастерская. Карьера молодого ученого» http://news.sfu-kras.ru/files/programma_shkola-masterskaya.pdf

5. *Викторук Е.Н.* Этический семинар-практикум – опыт работы в проектно-ориентированной парадигме прикладной этики. *Ведомости прикладной этики.* 2014. № 45. С. 213-226.

6. *Викторук Е.Н., Ардюкова О.С., Довыденко Л.В.* Философия образования и науки. Кейс-метод в этическом образовании. Учебное пособие. КГПУ им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2014.

7. *Виссема Йохан Г.* Университет третьего поколения: Управление университетом в переходный период [пер. с англ.]. М: Изд-во "Олимп-Бизнес", 2016.

8. *Громова Л. А.* Этика управления: Учебно-методическое пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007.

9. *Де Джордж Р.Т.* Деловая этика / пер.с англ. М.: ИГ «Прогресс», 2003. С.94,117,132, 159.

10. Декларация этических ценностей и принципов высшего образования в Европе. [Электронный ресурс]. URL: <http://pandia.ru/text/80/287/48642.php/>

11. *Левин В.И.* Плагиат, его сущность и борьба с ним. Философия образования и науки. 2018. №1. С. 143-149.

12. *Мартишина Н.И.* Место системы "Антиплагиат" в саморегуляции научной деятельности. Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 6. С. 50-57.

13. *Мирская Е.З.* Эмос науки: идеальные регулятивы и повседневные реалии. Сб.: Эмос науки / Отв. ред.: Л.П. Киященко, Е.З. Мирская, М.: «Academia». 2008. С. 128-129.

14. Наука. Алексеев И. С. Моршин – Никиш. М.: Советская энциклопедия. 1974. - (Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров. 1969-1978, т.17).

15. Образование для инновационных обществ в XXI веке. Саммит «Группы восьми» (Санкт-Петербург, 16 июля 2006 года). Бюллетень Министерства образования и науки Российской Федерации. Высшее и среднее профессиональное образование. 2006. № 9. С. 3–12.

16. Опрос ВШЭ: доверие науке и технологиям в России понемногу растет. [Электронный ресурс]. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/ne-doverie-k-nauke-i-tehnologiyam-v-rossii-po-prezhnemu-vysoko>.

17. *Перов В.Ю.* Антиномии успеха академического этоса. *Ведомости прикладной этики.* 2016, №48. – С. 105-116.

18. *Соколова Е. И.* Анализ терминологического ряда «коуч», «ментор», «тьютор», «фасилитатор», «эдвайзер» в контексте непрерывного образования // *Непрерывное образование: XXI век.* Выпуск 4, 2013.

19. *Сундукова Т.О., Ваныкина Г.В.* Коучинг, менторинг и эдвайзинг: традиции и инновации. *Современная педагогика.* 2016. №11 (48). С. 34-39.

20. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>

21. *Фритцше Д.* Этика бизнеса. Глобальная и управленческая перспектива. Пер. с англ. М.: Олимп-бизнес, 2002.

22. *Шваб Клаус.* Четвертая промышленная революция. «Эксмо», 2016. (Top Business Awards).

23. Ethical Guidelines to Publication of Chemical Research, American Chemical Society (ACS), 2012.

24. *Shewan, L. & Coats, A.*, Ethics in the authorship and publishing of scientific articles, International Journal of Cardiology, Vol. 144, 2010, pp. 1-2.

25. Springer Policy on Publishing Integrity. Guidelines for Journal Editors, Springer, 2010.

**Золотое правило:
иудейская традиция и формула Иисуса Христа ***

Аннотация. Статья продолжает историко-аналитический очерк Золотого правила нравственности. В ней показано различие в понимании Золотого правила Иисусом Христом и современными ему учителями ветхозаветной мудрости, сохранившими верность традиции. Для них это было способом осмысления основного нормативного содержания Торы, Иисус же видел в нем основоположение, выступающее в качестве критерия моральности.

Ключевые слова: Золотое правило нравственности, Гилель, Иисус Христос, Нагорная проповедь, Равнинная проповедь.

В иудейской традиции Золотое правило в его собственной формулировке появляется во втором веке до новой эры. Хотя и существуют отдельные мнения, что оно могло быть заимствовано из Месопотамии или возникло в результате языческих влияний, тем не менее, более достоверно и логично думать, что оно вызревает в рамках самого иудаизма. В Ветхом завете нет буквальная формулы Золотого правила, но в нем есть принцип (закон) любви, продолжением и конкретизацией которого оно является: «Люби ближнего твоего, как самого себя» (Лев.19:18). В двух примыкающих к ней и считающихся в иудейской традиции апокрифами нравоучительных текстах, в «Книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова» и «Книге Товита», уже есть утверждения, акцентирующие самый существенный момент Золотого правила: в них человеку предписывается, чтобы он в отношениях к другим руководствовался тем, что он находит желательным (наилучшим) для себя. «Суди о ближнем по себе и о всяком

* Предшествующие статьи историко-аналитического очерка «Золотое правило нравственности» см.: Гусейнов А.А. Золотое правило нравственности по Конфуцию // Освоение ойкумены прикладной этики: эскалация амбиций или критика утопичности. Ведомости прикладной этики. Вып. 52 / Под ред. В.И. Бакштановского. Тюмень: НИИ ПЭ, 2018. С. 111-118; Гусейнов А.А. Золотое правило в античной культуре // Прикладная этика в ситуации экспертизы идеологии и практики трансформирования университета. Ведомости прикладной этики. Вып. 53 / Под ред. В.И. Бакштановского. Тюмень: НИИ ПЭ, 2019. С. 66-72.

действию рассуждай» (Сирах. 31:17); «Что ненавистно тебе самому, того не делай никому» (Тов. 4:15). Это очень близко к требованию, чтобы индивид возвысил себя до морально ответственного субъекта своих отношений с другими.

Непосредственно Золотое правило в одной из своих адекватных форм возникает в раввинистической литературе в процессе толкования и письменной фиксации устной Торы. Наиболее точно и многозначительно оно сформулировано одним из самых известных учителей Торы Гилелем, который вместе со своим оппонентом Шамаем, представлявшем другую традицию, входил в Великое Собрание (собрание еврейских мудрецов – толкователей и хранителей Устной Торы). Вот как об этом сообщается в книге «Еврейские герои»: «Много историй рассказывают в народе о Гилеле и Шамае. Но одна полюбилась народу больше всех. Это история о том, как однажды пришел к Шамаю человек и попросил его объяснить смысл Торы, пока он стоит на одной ноге. Шамай рассердился и прогнал его прочь. Тогда он пошел к Гилелю и задал ему ту же задачу. Он ожидал, что и Гилель прогонит его. Но Гилель ничуть не удивился и не рассердился. – Я научу тебя Торе куда быстрее, – ответил он. – Не делай ближнему, чего не пожелаешь себе. В этом вся Тора. А теперь иди и учись. И его ученики запомнили истину «не делай ближнему, чего не пожелаешь себе» и передавали ее из поколения в поколение. Не забыли они и вторую часть из этой истины: "А теперь иди и учись"» [1]. Гилель (в отличие от Шамае) не отверг как вздорную претензию юноши подойти к требованиям Торы осмысленно – так, чтобы они одновременно могли выступать как его собственные установки.

Иудейская традиция Золотого правила исторически и теоретически интересна и ценна именно тем, что она с самого начала связывает это правило с учением Моисея, стремится осмыслить его место в контексте этого учения и для его понимания. Золотое правило рассматривается, во-первых, как выражение этической направленности Торы, фиксирующее то обстоятельство, что законы Моисея держатся не только на внешнем принуждении, но и на естественном стремлении индивидов к своему благу. Золотое правило не выводит за рамки Законов и Пророков, не заменяет их, оно говорит о том, что содержащиеся в них запреты запрещают то, что ненавистно, нежелательно самому действующему индивиду, должны быть ненавистны, нежелательны ему, поскольку он стремится к своему благу. Оно в приведенных выше иудейских источниках обрамлено вполне рядовыми предписаниями: не мстить сынам народа своего, не пресыщаться, не пить вина до опьянения и т.п., как если бы оно было однопорядковым с ними. Во всяком случае, оно не выделяется в качестве основопола-

гающего самостоятельного нравственного принципа: речь ни в коем случае не идет о том, чтобы рассматривать Золотое правило в качестве критерия ветхозаветных норм, оно скорее выражает субъективную обоснованность самих этих норм, которые выступают в этом случае как критерий правильности желаний. Во-вторых, особая акцентированная нагрузка, которую несет Золотое правило, заключается в том, что оно подчеркивает тот аспект Моисеева учения, который предполагает распространение его норм в части межлических отношений также и на не иудеев, оказавшихся в иудейской среде. Как сказано в Торе, «когда поселится пришелец в земле вашей, не притесняйте его: пришелец, поселившийся у вас, да будет для вас то же, что туземец ваш; любите его, как себя; ибо и вы были пришельцами в земле Египетской» (Левит 19, 33-34).

Позиция Гилеля имеет разную трактовку в самой иудейской традиции и в более широком контексте истории Золотого правила, в которой иудейская традиция рассматривается с точки зрения того, какое продолжение и новое понимание она получила в учении Иисуса Христа.

В иудейской традиции акцентируется тот момент, что правило сформулировано в ответ на просьбу не иудея, желающего принять иудаизм, и оно обозначает лишь первый шаг, исходную диспозицию для того, чтобы приступить к изучению Торы. Не безынтересно заметить, что в известном трактате «Пиркей Авот», посвященном суждениям законоучителей и мыслителей Талмуда, в разделе, где излагаются наиболее важные поучения мужей Великого Собрания, в том числе Гилеля, приводятся другие высказывания последнего, но не Золотое правило. В комментарии к современному изданию Торы, составленном д-ром Й. Герцем, главным раввином Британской империи, заповедь любви из книги «Левит» («Ваикра» в иудейской традиции), которой Гилель придал форму запрета, названа «Золотым правилом иудаизма» [5]. Подчеркнув, что основополагающее моральное правило пришло из иудаизма, комментатор считает, что оно связано с иудаизмом не только по происхождению, исторически, но и по существу. Основатель христианства, по его мнению, искажил правило: он оторвал его от традиции и от среды, в которой оно только и может адекватно обнаружить себя; придал ему позитивную форму, благодаря чему оно потеряло однозначность негативного действия; в новой перевернутой форме, когда за исходный пункт собственного действия индивида берутся не его собственные желания, а то, как он хотел бы, чтобы к нему относились другие, правило игнорирует обязанность человека заботиться о себе, своей семье, друзьях, других близких людях.

Утверждение Гилеля, согласно которой вся Тора заключена в Золотом правиле, и именно под этим углом зрения должен подходить к ней юноша, желающий стать иудеем, исключает такое понимание, будто данное правило делает изучение Торы излишним. Гилель, будучи еврейским мудрецом, выдающимся законоучителем, не мог так думать. Тем не менее, его позиция, рассмотренная сама по себе, допускает как минимум два различных толкования. Одно из них: чтобы изучать Тору и следовать ей, так как все в ней заключенное является полезным для человека, не может не быть желательным ему, ибо это соответствует его благу. Второе толкование может означать такой подход к Торе, когда она понимается как то, что не должно быть нежелательно ему, когда она рассматривается сквозь призму его стремления к благу. В первом случае речь идет о том, чтобы воспринимать предписания Торы как персонально значимые. Во втором – чтобы персонализировать сам взгляд на Тору, подход к ее предписаниям. Именно это направление персонализации нравственного поведения получило развитие в христианском учении о Золотом правиле.

Свою, по общему признанию, развернутую и наиболее совершенную формулировку Золотое правило получает в моральном учении Иисуса Христа. В Евангелиях оно произносится дважды, и оба раза в схожих контекстах, а именно – в рамках развернутых и цельных моральных проповедей и – в почти дословном совпадении. В Евангелии от Матфея: «Итак, во всем, как вы хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Мф.7:12). В Евангелии от Луки: «И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними» (Лк.6:31). Оставим в стороне анализ незначительных различий в словесном оформлении и контекстуальном расположении Золотого правила в этих двух случаях [6], хотя они, разумеется, имеют свою исследовательскую ценность: для нас важно подчеркнуть, что речь идет об одном и том же правиле и в рамках одного и того же учения, принадлежащего одному и тому же человеку, хотя и пересказанному двумя разными людьми. Для понимания того, что значило Золотое правило для Христа и какое место оно занимало в его учении, существенное значение имеют следующие моменты.

Во-первых, оно располагается в целостной проповеди таким образом, что его можно и следует понять как ее квинтэссенцию и итог, точку сбора всех наставлений и всей нравственной картины в перспективе земной и посмертной жизни человека. Оно является центром морали, ее основным принципом, ибо Иисус пришел исполнять закон и пророки, а они состоят именно в этом правиле: предложение, заключающее Золотое правило, в Евангелии от Матфея заканчива-

ется словами «ибо в этом закон и пророки». А проповедь Иисуса в изложении Луки – предостережением, что мало говорить «Господи, Господи», надо исполнять то, что говорит Господь, его волю. А Золотое правило и есть правило о том, как делать это на самом деле, не обманывая себя.

Во-вторых, Золотое правило является центром морали как практического сознания, ее первым принципом по той причине, что оно предписывает не то или иное конкретное предметное действие, а задает общую форму, внутреннюю архитектуру всех действий, в силу чего они только и могут быть моральными. Его можно считать правилом правил. С этой точки зрения исключительно важным является, если можно так выразиться, содержательная (материальная) универсальность Золотого правила, заключенная в начальных словах формулировки из Евангелия от Матвея: «Итак, во всем, как хотите...». Именно, во всем. Если воспользоваться известным делением этики на формальную и материальную, можно сказать, что Золотое правило – формально, но это – содержательная формальность. Она заключается в том, что именно действующий индивид, и только он, несет всю тяжесть и ответственность за совершаемые им действия. Что бы он ни делал, какими бы по своему материальному содержанию эти действия ни были, за отношение к себе, которое он испытывает в качестве их отраженного эха. Сам смысл правила, его специфика и оправдание в качестве особого – состоят в том, что оно обязывает действующего индивида брать на себя ответственность за все, что он делает, и предлагает для этого адекватный механизм, заключающийся в том, чтобы примерять каждое действие на самого себя.

В-третьих, Золотое правило задает принципиально асимметричный характер отношения: я и другие. Оно преодолевает идею расплаты и связанную с ней идею взаимности, на чем держались более древние, предшествующие ему нормативные институты, начиная с закона кровной мести и кончая установкой, что к друзьям надо относиться дружелюбно, а к врагам – враждебно, за добро платить добром, а за зло – злом. В евангельских текстах Золотое правило прямо связывается с требованием прощать врагов и любить ненавидящих, ибо, говорится в них, какая заслуга, если любить любящих, делать добро тем, кто тебе делает добро, давать займы тому, от кого надеешься получить обратно, ибо все это делают и грешники. Христово Золотое правило говорит о другом – о любви и добре по зову сердца, без ожидания ответа. Ему, как и морали в целом, не нужно дополнительного основания и обоснования, их метафизика – это метафизика сердца. Источником моральной энергии является

сам действующий индивид. Золотое правило, как и всякое правило человеческого общежития, задаёт определенную ось отношений – я и другие. Только оно в отличие от всех иных, которые в той или иной мере учитывают интересы обеих сторон и приводят их к приемлемому балансу, нацеливает не на то, чтобы учитывать интересы других, а на то, чтобы к другому относиться так, как к самому себе, действовать так, как если бы это был не другой, а ты сам.

В-четвертых, Золотое правило касается человеческого поведения, земных поступков в их многообразии, но исходит и ориентируется на божественный образец. В Евангелии от Матфея оно произносится сразу после призыва прощать врагов и ориентироваться на Отца Небесного, который дает блага просящим у него. В Евангелии от Луки оно следует непосредственно за призывами прощать врагов, благословлять проклинающих, молиться за обижающих, давать всякому просящему и не требовать назад от взявшего, и может быть понято как их краткое обобщение. Золотое правило замкнуто на высокий образец божественного совершенства. Оно трудно, но не невозможно для человека, решившего идти по пути добра. Последнее исключительно важно для понимания Золотого правила: когда оно предписывает человеку действовать так, как он желает, то речь идет не просто об эгоистически ориентированных эмпирических желаниях, а о желаниях, которые соответствуют должному, ведут к благу, ведут по пути Бога. Те, кто идет путем Золотого правила, идут путем Бога и это придает им силу. Но не только. Бог еще обещает им награду на небесах. Иисус обращается к нищим, страждущим, плачущим, называя их блаженными и говоря, что именно им, тем, кто является несчастным по земным критериям, принадлежит царство небесное. В обещании небесных наград можно усмотреть, конечно, и мотив расплаты, искажающий чистоту моральных помыслов. Но учитывая, что речь идет о награде от Бога и в другом мире, то основной смысл этих обещаний, компенсирующих земные невзгоды, заключается в том, чтобы оградить морального субъекта от эгоистических соблазнов.

В-пятых, связь с идеей Бога снимает проблему обоснования морали и Золотого правила как его резюмирующего нормативного выражения, говоря точнее, постулирует («обосновывает») их изначальный и принципиально автономный характер. Вопросы о том, откуда мораль и зачем быть моральным, почему Золотое правило, опадают сами собой, остается лишь один: как быть моральным и следовать Золотому правилу. Для верующего христианина все такие вопросы снимаются и все сомнения разрешаются простым утверждением, что это сказал Христос.

В-шестых, позитивная формула Золотого правила в том виде, как она дана в учении Иисуса, не является иной по сравнению с его негативной формулой, еще меньше альтернативой ему. Она имеет расширительный характер и содержит в себе также негативную формулу Золотого правила в качестве одного из моментов. Это не вызывает сомнений, если учесть, что оно является кульминацией Равнинной проповеди у Луки и итогом Нагорной проповеди у Матфея, в которых, и в той, и в другой, особенно акцентировано и обильно у Матфея, присутствуют требования следовать фундаментальным запретам, таким, как не судить, не убивать и другим. Следование запрету, когда человек не совершает поступок, к которому его толкают живые страсти и который он мог бы совершить, но не делает этого в силу морального мотива и, следуя логике Золотого правила, он также совершает поступок, который в этом случае можно обозначить как негативный поступок. Ничто не препятствует тому, чтобы в понятие поступка, которое в формуле Золотого правила подразумевается под словом «поступайте», включить также негативный поступок как следование моральному запрету. Заметим, что говоря о Золотом правиле как специфически христианском каноне поведения в ранней христианской литературе в качестве аутентичной вполне естественно употреблялась его негативная формулировка. Так, говоря об обязательных требованиях к язычникам, принимающим христианство, апостолы, наряду с отказом от идолопоклонства, кровавых жертв и блуда, требуют лишь «не делать другим того, чего себе не хотите» (Ап. 15:29).

Закрепление Золотого правила в западной культуре в качестве основного принципа должного поведения, своего рода синонима самой морали, было связано с тем, что решающее воздействие на нее в течение многих столетий оказала христианская религия. Это не значит, конечно, что Золотое правило непременно отождествлялось с религиозной верой и в той мере, в какой это делалось, такое отождествление всегда оказывало благоприятствующее воздействие на нравственную атмосферу общества. Несомненно, однако, что религиозная мотивация придавала мышлению в духе Золотого правила значение смысложизненного проекта. Уже в одном из первых (относимых к 1-2 векам) предназначенных для катехизации текстов пути жизни, который противопоставляется пути смерти, характеризуется следующим образом: «во-первых, ты должен любить Бога, создавшего тебя, во-вторых, ближнего твоего, как самого себя, и всего того, чего не хочешь, чтобы было с тобою, и ты не делай другому» [2]. Рассмотрение Золотого правила в соотнесенности с законом любви, в качестве его прямой нормативной конкретизации характерно для

его понимания в рамках религиозно-христианского взгляда на мир и составляет, пожалуй, самое ценное в нем.

Список литературы

1. Еврейские герои. История Гилеля // [Электронный ресурс]. URL:< <http://chassidus.ru/library/heroes/hillel.htm>>
2. Дидахе.1:2 // [Электронный ресурс]. URL:<https://azbyka.ru/otechnik/pravila/didahe_rus/>
3. Луц У. Нагорная проповедь (Мф 5–7). М., 2014.
4. Пиркей Авот. Собрание комментариев. Том первый, 1 и 2 главы. Изд-во: «Кеилат Москва».
5. Тора. Пятикнижие и гафтарот. Ивритский текст с русским переводом и классическим комментарием «Сончино». Комментарий д-ра Й. Герца. Москва. Мосты культуры. Иерусалим, 1999.
6. Уолтз, Джеффри. Золотое правило. Пер. с англ. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2017.
7. *Dihle, Albrecht*. Die Goldene Regel. Eine Einführung in die Geschichte der antiken und frühchristlichen Vulgäarethik. Göttingen, 1962.
8. The Golden Rule. The Ethics of Reciprocity in World Religions. Edited by Jacob Neusner and Bruce Chilton. Continuum, 200

А. Ю. Согомонов

УДК 174 + 159.955

Устойчивость как прикладная метаэтика^{*}

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы цивилизационного транзита на основе теорий устойчивости и устойчивого развития. Пересмотру подлежат не только идеи и концепции, но ценности и жизненные практики людей. Эти перемены настолько масштабны и настолько глубоко затрагивают основы нашего мира, что неизбежно касаются антропологических и нравственно-культурных оснований современного общества. Этика устойчивого развития не является некоей новой доктриной или инновационной моральной парадигмой. Она всецело обращена к практическим проблемам человечества, пытаясь по мере возможности придавать им этическое звучание. Но главное – этика устойчивого развития выступает своего рода «собираателем» частных прикладных этик в большой метаэтический кластер.

Ключевые слова: устойчивость, устойчивое развитие, прикладная метаэтика.

Вместо того чтобы изучать практические вопросы, моральные философы ограничивают себя тем, что исследуют природу самой морали.

Питер Зингер (1986)

То, что «устойчивость» (sustainability) в современном политическом лексиконе и публичном дискурсе не означает простую или дол-

^{*} Седьмая статья цикла «Устойчивый университет». Предшествующие статьи цикла см.: Согомонов А.Ю. «Устойчивый университет» (генезис концепции) / Ведомости прикладной этики. Вып. 48. Тюмень: НИИ ПЭ, 2016. С. 142-161; Согомонов А.Ю. «Устойчивый университет» (миссия, смыслы, программы, кейсы) / Ведомости прикладной этики. Вып. 49. Тюмень: НИИ ПЭ, 2016. С. 151-170; Согомонов А.Ю. «Устойчивый университет» (образы будущего, актуальные проблемы и тренды) / Ведомости прикладной этики. Вып. 50. Тюмень: НИИ ПЭ, 2017. С. 117-133; Согомонов А.Ю. «Устойчивый университет» (инновации, постуниверситет, этика) / Ведомости прикладной этики. Вып. 51. Тюмень: НИИ ПЭ, 2018. С. 112-126; Согомонов А.Ю. «Устойчивый университет» (академическая наука, высшее образование и прикладная этика) / Ведомости прикладной этики. Вып. 52. Тюмень: НИИ ПЭ, 2018. С. 119-133; Согомонов А.Ю. «Устойчивый университет» (транзит университетского образования и судьба «профессората») / Ведомости прикладной этики. Вып. 53. Тюмень: НИИ ПЭ, 2019. С. 73-91.

госрочную стабильность, усвоили, похоже, все здравомыслящие люди, за исключением заскорузлого чиновничества и совсем отставших от современной жизни обывателей. Спрашивается, какие в таком случае корректные и адекватные инновационному смыслу значения вкладываются в понятия «устойчивость» и «устойчивое развитие»?

Эпитет «устойчивый» сегодня прилагывается ко всему, что, как может показаться на первый взгляд, обладает свойствами нестабильности, непредсказуемости, непрозрачности, непривычности и обратимости. Иными словами, ко всему, что кажется хрупким и легко разрушаемым, исторически преходящим и не вечным, но при этом чрезвычайно значимым для судеб человечества. Устойчивый мир, устойчивая национальная и глобальная экономика, устойчивое здравоохранение и образование, устойчивый спорт и образование, устойчивое развитие локальных сообществ, в конце концов. Все это, разумеется, – родственные и фундаментально важные для жизни людей социальные феномены, в отношении которых во всем мире *этический подход довлеет над чистой прагматикой*. Нашим современникам свойственно вполне естественное желание – обладать понятной для них социальной природой сообществ, ожидаемым моральным поведением со стороны членов ближнего и дальнего окружения, а также внятной перспективой, чтобы не ожидать постоянно каких-то непредвиденных перемен, нескончаемой череды внезапных трансформаций.

Не ведет ли такая логика к интеллектуальному самообману или, хуже того, к неосознанному заблуждению, проистекающему из нашего коллективного желания «умными» словами управлять сложной реальностью и малопредсказуемым будущим? Ведь мы, по сути, мало что меняем в своем социальном бытии вслед за галопирующими технологическими переменами. При этом страстно хотим большей предсказуемости, в том числе и в предвидении негативных последствий.

Первыми, как обычно, забили тревогу экологи. Для многих из них «устойчивость» и «устойчивое развитие» суть псевдонаучный шум, академический словесный хлам, затуманивающий подлинное значение наступившей эры экологической деградации и *утраты истинных природных смыслов* человеческого существования [15, 16, 17]. Благодаря им механизм нового этико-прикладного мышления (биоэтика) был все-таки запущен по всему миру. Но нет полного согласия ни в академической, ни в экспертной средах относительно четких границ этого интеллектуального движения. Кто-то из исследователей насчитал в литературе более 70 самых широко употребляемых определений устойчивости. И почти в каждом из них просматривает-

ся аутентичный этический стержень [подробнее об исторической и семантической эволюции «устойчивости»: 4, 20].

«Устойчивое развитие» стало поистине общепризнанной концепцией глобального порядка, отражающей глубинный и напряженный поиск *новой концепции сбалансированности природы-общества-человека-морали*. И в рамках этого поиска прикладная этика лишь набирает обороты, не снижая своего этико-психологического давления на наше массовое сознание.

С легкой руки Джеффри Сакса в научной литературе закрепилось понятие «антропоцена», обозначающего современную геологическую эпоху, в которой решающим фактором природных и климатических изменений становится человек и его жизнедеятельность [анализ понятия: 1, 18]. В этом смысле, именно он сегодня является чуть ли не самой главной «природной катастрофой». Список глобальных последствий его непродуманной политики настолько хорошо всем известен, что вряд ли имеет смысл это повторять. Сегодняшняя насущная потребность очевидна: всему миру необходим принципиальный пересмотр философии и этики человеческого активизма как базового компонента экосистемы земли, прежде всего, за счет осуществления двойного отказа: (1) от идеологии экономического роста в пользу сбалансированного развития, (2) от разрушающих экосистему хозяйственных практик в пользу сберегающих ее.

Население планеты уже превысило психологически важную отметку в 7 миллиардов, из которых большинство проживает весьма скученно в более чем 2-х миллионах городов мира, из которых несколько сотен потребляют большую часть всех натуральных продуктов и ресурсов. Ведь неслучайно именно наше время нередко именуется в социальной науке первым в истории тотально «урбанистическим столетием». А вот соответствовать его требованиям и не бояться его вызовов по плечу лишь тем новаторам, которые становятся таковыми благодаря своему лидерскому духу, строгой приверженности нормам и ценностям биоэтики и общественной философии сбережения природно-антропологического разнообразия.

Так что же в связи с этим делать людям на местах? И можно ли вообще рассчитывать на успех общего дела, если в процесс внутренней трансформации включаются отнюдь не все национальные общества (не говоря уж о локальных городах и местных сообществах), а только те лидеры, кто осознал, прочувствовал или даже пережил опыт глобальных угроз и катастроф, а потому психологически готовы к «метанойе» («перемене ума» – др.-греч. термин, означающий состояние умственного покаяния и готовности к радикальному пересмотру своих ценностей)? Исследования показывают, что людям

одной только готовности к переменам мало, нужны новые идеи и образцы успешных практик.

На рубеже тысячелетий события развивались стремительно. Доклад международной Комиссии под руководством Гро Харлем Брундланд «Наше общее будущее» (1987) определяет смыслы «устойчивого развития» и провозглашает его как глобальный приоритет. Декларация международного саммита в Рио-де-Жанейро (1992) относит «устойчивое развитие» к числу базовых «прав человека». Китотский протокол (1997) вводит ответственность стран и транснационального бизнеса за устойчивость планеты. А затем саммиты ООН в Йоханнесбурге (2002) и вновь в Рио-де-Жанейро (2012) подтвердили значительное увеличение глобального дисбаланса и неравенства – в приросте населения, потреблении, уничтожении невозобновляемых природных ресурсов и т.д. Мир в целом ужесточил требование следовать принципам и ценностям устойчивого развития, несмотря на возрастающее этому сопротивление.

Основатель международной организации «Worldwatch», Лестер Браун, в книге «Создавая устойчивое общество» (1981) пишет уже не только об отказе от хозяйственных практик индустриальной эпохи (когда крупный бизнес извлекал сверхприбыли вопреки принципу природосбережения), но и о необходимых институциональных и этико-культурных переменах. Речь идет не только о защите природы, но и о создании «зеленых индустрий», введении устойчивого высшего образования для подрастающих поколений и, наконец, о кардинальном пересмотре норм городского планирования и управления: от хаоса – к устойчивому проектированию [3].

К концу века мы наблюдаем новый виток публичных дискуссий, на сей раз не между противниками и сторонниками, а двумя ветвями адептов концепции устойчивого развития. Одни из них по-прежнему считали необходимым придерживаться стратегии роста, но с многочисленными уступками в сторону «прав» окружающей среды и большей чувствительностью к проблемам природы. Акцент переносился с задачи роста благосостояния на преодоление зависимости бедности от природной деградации. Другие адепты предлагали более кардинальный сценарий: полностью отказаться от стратегической установки на экономический рост – вполне достаточен «нулевой» или даже отрицательный рост [5].

Если первые адепты концепции устойчивого развития философски и этически оставались приверженцами доктрины «свободного рынка» (freemarket), то вторые настаивали на ее *этико-прикладном обновлении* в пользу «честного рынка» (fairmarket). Соответственно, если первые апеллировали к национальным правительствам, то вто-

рые – к низовому уровню, местному самоуправлению. Можно сказать, что с этого момента спор приобрел планетарную окраску, сосредоточившись не столько на прагматических, сколько морально-духовных аргументах: между всевозможными сценариями устойчивого развития и глобальным развитием во имя устойчивости [подробнее: 13]. В 2000-ом году Швейцария стала первой страной мира, включившей понятие «устойчивое развитие» в текст своей Конституции.

В 2000-е годы «устойчивость» из периферийного сюжета превратилась чуть ли не в самую главную тему глобального этического дискурса. Несмотря на то, что начало нового тысячелетия еще не стало веком устойчивого развития, очевидно, что мир уверенно движется именно в этом направлении [11]. Способствуют этому многочисленные техногенные катастрофы, алармистские климатические прогнозы, серьезные подвиги в массовом моральном сознании людей. И, что не менее важно, сама тема устойчивости из фрагментарной (преимущественно озвученной экологическими экономистами и защитниками окружающей среды) превратилась в добротную академическую дисциплину (*sustainability science*) [9].

Моральная философия устойчивого общества осмысливает отныне не только хозяйственные и природосберегающие сюжеты, но и социальные, культурные и духовные аспекты этой большой темы. Именно в 2000-е гг. «устойчивость» из сложного объекта анализа превратилась в фундаментальный способ научного и политического мышления, инструмент познания мира. Все его сюжеты рассматриваются сегодня сквозь призму устойчивого развития. Но самое главное – «устойчивость» становится креативной идеей для исследователей, экспертов и действующих политиков. В том числе и в самый инновационный и откровенный за последнее столетие предмет прикладной этики. Точнее сказать, если переформулировать этот тезис в обратной логике: *сама теория устойчивости стала сегодня своего рода прикладной метаэтикой*. Настолько (а) масштабен ее объектный охват и (б) глубинна актуальная цивилизационная трансформация в ее направлении.

Измерение «устойчивости человеческих практик» становится приоритетным предметом научного изобретательства ученых. Можно с уверенностью говорить о том, что сегодняшний мир вполне измерим с точки зрения устойчивости его эволюции на макро- и микроуровнях. Речь идет не только о замерах геоклиматологов, но и многих других социокультурных индикаторах устойчивости. В соответствии с этим мы можем говорить об общем прогрессе, уровне «здоровья» промышленности, о степени «озеленения» индустриальных

процессов, возобновляемости энергоресурсов, характере переработки отходов, органичности потребительских товаров, чистоте продуктов общего пользования (воздух, вода), а также – справедливом перераспределении услуг и их доступности для всех людей, реальном участии граждан в процессах принятия решений, их информированности о рынке. Никогда ранее мы не обладали такими знаниями о взаимоотношениях мира и человека и равным образом никогда и не хотели столь активно внедрять их в наши жизненные практики как ныне в эпоху big-data.

В классическом восприятии «устойчивость» в человеческой эволюции шаблонно привязывается к экологическому развороту лидеров современной цивилизации. Однако концепция устойчивого развития, хоть и выкристаллизовалась из «зеленой экономики», но отнюдь не ограничена лишь экологическими измерениями. Параллельно она предполагает технологический, социальный и нравственно-культурный векторы цивилизационных перемен. Приблизительно с 2010-го года все инновационные идеи, имеющие отношение к «устойчивому развитию», с языковой подачи экспертов «Фонда дикой природы», стали во всей своей совокупности именоваться «повторным открытием города» (*reinvention of the city*). Ибо в основании всех процессов отныне лежит глубокая *ценностная революция*. Она хоть и происходит, прежде всего, из недр западной традиции моральной философии, но по своей направленности становится экуменической и обращена уже ко всему миру. Эту ценностную реинкарнацию переживают сегодня многие города Европы, Азии, обеих Америк и даже Африки.

Базовый постулат устойчивого развития – осуществимость глобального ценностного выбора. Но этот выбор, по сути своей, означает примирение целе-рационального и ценностно-ориентированного социального действия. Мировое сообщество своим коллективным разумом осознает тупики, ошибки и опасности старого пути общественного и хозяйственного развития и отвергает их. Но, сохраняя приверженность к практическому освоению (наука, технология, здравый смысл), оно не считает постыдным опираться только на традиционную аппликацию норм и принципов прикладной этики к природе и человеку действующему. Конечно, речь также не идет о наивном воспроизводстве ценностного традиционализма в условиях XXI века, а в каком-то смысле можно говорить о наступлении новой эпохи *примирения разума и веры на платформе прикладной метаэтики*.

Курс на устойчивое развитие это всегда транзит народов из разных нравственно-исторических контекстов, но всех их объединяет

понимание того, что подобный переход должен осуществляться одновременно индивидуально и коллективно, национально и планетарно. Его нельзя совершить ни в одиночку, ни «по приказу сверху». Поэтому стартовой позицией для всех является погружение в ценности остальных участников транзита. Экологические, социальные и духовные ценности Запада и Востока не тождественны друг другу, а порой и существенно разнятся, однако искомый переход к устойчивому развитию совершать приходится им совместно, взаимно проникаясь смыслами Другого [ср.: 2].

Следует ли из этого, что сегодня человечеству нужен глобальный ценностный синтез или важнее поиск общих наднациональных этико-прикладных оснований? Ответ со всей очевидностью проистекает из логики сторонников устойчивого развития: различие и многообразие суть два приоритета экосистемы, а посему только поиск общих оснований может обрести статус единственно возможной на будущее культурной политики. К примеру, ценность «заботы» (эмпатия), так или иначе, делает разные культуры едиными в своем отношении к природному миру и обществу. Неолиберальная экономика, в оценках индийского экофилософа Ванданы Шива, создает ложные надежды и недооценивает «товарный статус» всего природного, по существу ее придется реформировать. Обновленное хозяйство должно быть построено на ценности заботы о природе и здоровье человека. Но этой холистической и, отчасти, локально ориентированной модели противостоят массовая агрикультура индустриального образца, международные продуктовые рынки, пищевая и биохимическая промышленности. Устойчивое развитие всей агросистемы предполагает, по ее мнению, кардинальную переоценку роли низовых производителей в устойчивости местной экономики и природоохранной деятельности, что в свою очередь потребует от горожан-потребителей гарантий справедливого возмещения и честного вовлечения экопроизводителя в локальный демократический процесс [19]. Этот кейс довольно показателен с позиции прикладной этики – он интерпретирует «устойчивость» как полисубъектный этико-коммуникативный процесс.

Однако каким образом можно достичь ценностного баланса не только между разными этническими и нравственными культурами, но и между участниками, которые исторически радикально отделены друг от друга, как, к примеру, современные западные нации и аборигены Африки и Океании. Тезис о естественном натурализме их мировоззрения давно подвергается сомнению, хотя у них по-прежнему есть многое, чему нам следовало бы поучиться, но задача и состоит

в том, как инкорпорировать их полную противоречивую картину мира в холистический этико-прикладной продукт.

Единства достичь непросто и с такими древними цивилизациями, как китайская и индийская, с их извечно благоговейным отношением к природе, но актуальные задачи индустриализации и модернизации этих стран-гигантов делают их участие в устойчивом развитии весьма двусмысленным [подробнее: 2]. А главное, общность интересов и ценностей необходимо достичь между двумя типами глобальных игроков: теми, кто оперирует свободным рациональным выбором и научным знанием, и теми, кто опирается на веру и традиционный опыт. И в этом, пожалуй, самый большой вызов прикладной метаэтики, ибо разнообразие культур должно восприниматься ею не как барьер, а как фундаментальный ресурс движения вперед.

Впрочем, в эпоху антропоцена – это не сложно додумать – экоустойчивость покоится, прежде всего, на социальной устойчивости. Именно от того, каким образом сконструировано местное сообщество, можно судить о перспективах его транзита. Еще пару десятилетий назад тема социальной устойчивости считалась периферийной, но сегодня ее теоретический и практический статусы принципиально изменились. Об этом свидетельствует резкий рост неправительственных организаций, вовлеченных в этот процесс, а также заметно возросший интерес со стороны правительственных структур и бизнеса. Социальная устойчивость в публичном дискурсе сегодня занимает достойное её значению место, наряду с экологической и экономической устойчивостью. И концептуально восходит к теории социального капитала. Впрочем, и здесь нет согласия среди исследователей и экспертов. Чаще всего, когда речь заходит о социальной устойчивости, то имеются в виду общественные институты и публичные политики, вовлекающие разные группы людей и культурные практики – на равных и справедливых основаниях – в общее и сбалансированное пространство коллективных действий, ценностей, интересов. Иными словами, общественная ориентация на социальную устойчивость также предполагает, первым долгом, апелляцию к прикладной метаэтике, честность в жизненных шансах и распределении общих и открытых ресурсов, а также адекватное обеспечение социальными услугами, равенство, политическую прозрачность и активное участие людей в гражданской жизни [8]. Но все эти благие пожелания, к сожалению, пока сильно контрастируют актуальным реалиям нашего мира.

В последнее время мы стали говорить о другом (не менее важном, чем экономика, экология и социальный строй) измерении устойчивого развития – духовно-нравственном. Содержатся ли в концеп-

ции «устойчивое развитие» аутентичные моральные смыслы? Очевидно, да. Но на что мы, в таком случае, этически опираемся? Отчасти – на «золотое правило» морали, полагая, что и к окружающей среде надлежит относиться так, как мы хотели бы, чтобы она относилась к нам. Эта формула справедлива, кстати, и в отношении будущих поколений. Отчасти, мы можем исходить из принципов универсализма, то есть кантовской философии ориентированного на моральный долг человека. А значит, что эту концепцию мы обязаны принять как своего рода категорический императив в трансформации всей нашей хозяйственной и общественной деятельности. В конце концов, мы вправе апеллировать и к утилитаризму, отстаивая его главный посыл: морально оправдано только такое действие, которое способствует благополучию большинства людей, а любой по форме и ценностям эгоизм не может быть морально одобрен и принят.

Как полагает Х. Маркус, все эти традиционные способы этического обоснования перехода человечества к устойчивому развитию имеют свои сильные и слабые стороны. С его точки зрения, было бы сегодня корректнее говорить о зарождении новой моральной парадигмы – особой этики устойчивого развития, то есть по сути того, что я именую «прикладная метаэтика устойчивости». Всякое решение в пользу устойчивости есть, в первую очередь, этически обоснованное индивидуальное или коллективное действие [14]. В поддержку этико-прикладного подхода к устойчивости эксперты все чаще обращаются к классическим и традиционным религиям. Во-первых, они обнаруживают буквально во всех религиозных системах про-активное отношение к установкам и принципам устойчивости. Во-вторых, считают, что экологические ценности вообще обязаны своим генезисом именно религиозному сознанию. И, наконец, в третьих, они активнее привлекают современную теологию, разрабатывая концепцию синтеза рациональности и веры – «эко-теологию» [7].

При всей своей привлекательности концепция устойчивого развития еще плохо систематизирована как новое мировоззрение и научная дисциплина. Большинство экспертов и исследователей, отталкиваясь от семантики понятия, видят в нем сбалансированное и продолжительное проявление времени (устойчивость как длительность). Однако не длительность и не время вообще в этой концепции выступают конечной целью, а сохранение человеком себя, цивилизации и планеты. Эта теоретическая сложность во многом объясняет, почему существует так много попыток дать максимально корректное определение «устойчивости».

У происхождения общего понимания, как принято считать в научной литературе, есть своя более или менее твердая дата. Это – 1984 год. Совпадение с мрачным литературным предвидением Дж. Оруэлла («1984») абсолютно случайно. Именно в этом году ООН учредила Всемирную комиссию по окружающей среде и развитию (World Commission on Environment and Development, WCED). Комиссия состояла из независимых экспертов, представляющих развитые и развивающиеся страны. Ее главной целью было распознавание долгосрочной перспективы для мирового сообщества развития окружающей среды, идентификация соответствующих проблем и вызовов. Члены комиссии впервые попытались свести к единому знаменателю разные подходы к устойчивому развитию. И тогда же выяснилось, что задача эта очень непростая. Дело в том, что сторонниками концепции устойчивого развития разные политики и эксперты становятся по совершенно разным причинам и обстоятельствам. Отсюда и отличия в главных акцентах: одни подчеркивали интересы будущих поколений, другие – актуальную справедливость и равенство, третьи – ответственность человечества перед внешней экосистемой.

«Неожиданные» вопросы позволили комиссии сформулировать тезаурус устойчивого развития. К примеру, какое «наследство» оставляет человек и человечество в результате своей деятельности? В конечном итоге комиссия все же в рабочем порядке определила устойчивость как такое *цивилизационное развитие, которое способно удовлетворить актуальные нужды и потребности мирового сообщества, не создавая рисков для будущих поколений в плане удовлетворения их грядущих нужд и потребностей* [подробнее: 4]. Это определение должно было охватывать весь комплекс проблем мировой демографии, продуктовой безопасности, сбережения экосистемы, сохранения природного многообразия, энергетику, промышленное и городское развитие.

Этико-политический ответ, данный комиссией на все эти вызовы, в известной мере предопределил как становление самой теории устойчивого развития, так и ранний опыт практического трансформирования. В сфере экономики – реформы хозяйственных практик в сторону минимизации «экоследов», рисков и конфликтов, вызванных дисгармоничным экономическим ростом. В сфере публичной политики – реконструкция существующей системы в пользу эффективного гражданского соучастия, в том числе в процессах принятия общественно значимых решений. В сфере продуктовой безопасности – переориентация аграриев на природосберегающие технологии; а в сельском хозяйстве – переход с глобально-индустриального на локальный уровень. В сфере управления – кардинальная реформа ад-

министративной культуры с целью создания более гибкого, «отзывчивого», ответственного, способного видеть и исправлять собственные ошибки менеджерского класса.

Однако, как оказалось довольно скоро, сравнительно легко принимать «правильные», согласованные решения, но крайне сложно их практически реализовывать, особенно когда благим намерениям противостоят национальные, суверенные и корпоративные интересы, косные и инерционные бюрократии, недальновидные популисты. В результате одно «потерянное» пятилетие следовало за другим, пока, наконец, уже буквально в наши дни эксперты не забили тревогу о грядущей в самом скором времени *точки невозврата*, когда одуматься, повернуться и встать на путь устойчивого развития уже будет не возможно. Этот экспертный вывод радикальным образом отразился на прикладной этике. Речь уже идет не о *простых моральных обязательствах* людей, а больше об этической *солидарности и саморегуляции*.

Несмотря на то, что человечество на рубеже столетий совершило немало «прорывных» действий в экономическом планировании, охране окружающей среды, организации транспорта, энергетики, сельского хозяйства, равно как и в городских технологиях, тем не менее, сегодняшние вызовы не утрачивают ни внутреннего накала, ни масштабности задач. Дж. Карадонна, суммируя жаркие дебаты в литературе, отчетливо формулирует мегавыводы, которые стоят сегодня перед людьми, устремленными здесь-и-сейчас на создание новой устойчивой цивилизации, которая в свою очередь уже не будет восприниматься нами ни как абстрактная экотопия (*neverland*), ни как отнесенная в отдаленное будущее политическая задача (*postfuture*), то есть как головоломка для более благоприятных времен и других поколений [4: гл. 7].

Прежде всего, перед человечеством стоит вопрос, как создать единый и разделяемый всеми метаобраз будущего и, соответственно, каким образом следовать ему как путеводному идеалу? Пока задача конструирования такой практически реализуемой утопии представляется самой сложной в этико-коммуникативном смысле. Ведь даже среди сторонников концепции устойчивого развития нет единства во взглядах и подходах, что тогда говорить о рядовых гражданах? Единственно правильным решением пока остается грамотное этико-прикладное просвещение людей, расширение круга сторонников, на своем собственном опыте ощутивших преимущества новых практик устойчивой жизни. Пускай, пока у всего человечества нет общего «образа», но мы отчетливо видим, как растет число адептов экологически правильного питания, зеленых городов и энергосбере-

гающих производств, как ширится движение в защиту дикой природы, как по всему миру усиливается децентрализация центральной власти с передачей все больших и больших полномочий на места. Глобальные перемены налицо. И происходят они не столько в силу принятия политических или дисциплинарных решений, сколько вследствие *измененного морального сознания*. А «устойчивый университет» в этой просветительской матрице играет наиважнейшую роль.

Впрочем, весьма вероятно, что в ближайшем будущем конкуренция между странами и городами будет только нарастать и, возможно, достигнет такого накала, когда единое видение станет политической «помехой» для крупных игроков. Но сегодняшняя иллюзорность единого метаобраза будущего отнюдь не мешает тому, что искомым ценностным мир устойчивого развития будет заметно прирастать сторонниками. А там, где свершается масштабный ценностный «переворот» (метанойя), рано или поздно происходят серьезные изменения во всех остальных сферах жизнедеятельности человека. В приближении же третьего десятилетия XXI века мы с удовлетворением отмечаем, что устойчивость и устойчивое развитие трансформировались в главный мировой нарратив.

В работах «зеленых экономистов» стержневым понятием становится «контр-рост» (degrowth) [см., напр.: 6]. Они не отвергают саму идею наращивания экономической мощи, но ставят этот процесс в прямую зависимость от смысложизненных ценностей человека. Не поддерживают они ни идеологию потребительства, ни варварского отношения к природе. Новой макроэкономике только предстоит вызреть, и поэтому очевидно, что идейные оппоненты еще долгое время будут противостоять друг другу на публичных подмостках и в массовом сознании жителей планеты. Поэтому на повестку дня сегодня следует вынести вопрос о том, как их все же привести к общему знаменателю? Несмотря на множество попыток, прогресс в сторону компромисса пока едва приметен.

Человек впервые в своей истории сталкивается с планетарным ресурсным дефицитом. Отныне от него требуется особая смекалка, стойкость и гибкость в выстраивании своих ресурсопотребляющих стратегий. «Упругой» именуется такая экосистема, которая способна адаптироваться к переменам. К ее характеристикам нередко относят стремление к разнообразию, принцип модульности, целеориентированную инновационность, высокий социальный капитал, чувствительность к обратной связи. Ни одному из этих признаков, к сожалению, наши социальные системы пока не отвечают.

Однако каким образом в новую эпоху могут быть гармонизированы интересы развитых и развивающихся стран, интересы богатых

и бедных? Вопрос этот, по сути, представляет абсолютную философскую головоломку, если придерживаться логики (нео)классической экономики и социологии. Уже сейчас эксперты различают два вида политик – экоэлитизм и экопопулизм. Не отдавая предпочтение какой-то одной из позиций, справедливости ради замечу, что денежное благополучие упрощает индивидуальный или групповой переход к практикам устойчивого развития. Но уже само это признание показывает, насколько сегодняшний миропорядок способствует лишь еще большему углублению дистанции между социальными полюсами как в глобальном мире, так и внутри любых национальных государств. Известные же технологии «зеленой жизни» ориентированы на всех людей, а их плоды суть общие блага. Приватизация этих благ невозможна в теории, но вполне реальна на практике, что создает серьезную проблему этической справедливости транзита. А пока большинство «зеленых» продуктов (скажем, органические и фермерские) все еще являются предметами роскоши узкого круга присвоения.

Экологисты нередко различают две идеологические фракции внутри лагеря сторонников устойчивого развития. Умеренные пропагандируют идею смены парадигмы в отношениях «природа-человек» и стабилизацию экосистемы. Радикалы, вдобавок к этому, настаивают еще и на том, что человечество обязано компенсировать нанесенный в прошлом ущерб окружающей среде и по мере возможности восстановить все потери. И те, и другие исходят из уникальности «природного капитала» и необходимости поменять привычную экосистемность: сегодня уже недостаточно простой природоохранной идеологии (*экопротекция*), окружающая среда после долгих веков «притеснения» и разбалансировки нуждается в особом менеджменте со стороны человека (*экосервис*). Оказание же «услуг природе» – это совершенно новая этико-прикладная повестка дня для государств (*экоэмпатия*).

Чем дальше мы продвигаемся вглубь XXI века, тем отчетливее понимаем, что климатические перемены (естественные и техногенные) становятся для нашей цивилизации гигантской проблемой. Они не только меняют наши привычные практики повседневной жизни, но и создают реальную угрозу физического уничтожения части освоенной человеком планеты. Глобальное потепление, выбросы углекислого газа, озоновые дыры, таяние ледника, повышение кислотности океана и др. Все эти широко обсуждаемые сюжеты, которые пока воспринимаются как «большие проблемы», но не как «фатальные угрозы», способные положить конец цивилизации человека. Увы, алармизм экологов пока не находит должного отклика в глобальной политике.

Если и предположить, что большая климатическая угроза магическим образом будет как-то устранена, остаются не менее серьезные проблемы, вызванные хаотичным «расползанием» человека по поверхности планеты. Ориентированная на рост и потребление цивилизация уже существенным образом нарушила сбалансированность биосферы, и никакие частные запреты на разные виды хозяйственной деятельности не вернут уже ее в прежнее состояние. А продолжающееся сверх-сверхпотребление лишь усугубляет общую ситуацию.

Реагируя на публичный дискурс, многие нынешние производители товаров, практик, услуг нарочито выпячивают свою псевдо-зеленую «заинтересованность» концепцией устойчивого развития (greenwashing). В лицемерных, а то и заведомо лживых, описаниях товаров, рекламной коммуникации все чаще проскальзывают «зеленые» нотки. Это можно понять, поскольку зеленый цвет (натуральность, органичность и т.п.) сегодня очевидно увеличивает добавленную стоимость рыночных товаров и услуг. Эксперты, попытавшиеся разобраться в ситуации, обнаружили, что в более чем 90% случаев мы имеем дело с откровенной фальшивкой, чистым рекламным фейком. В результате скандал следует за скандалом, а сама деятельность псевдоозеленителей («продавцы зеленью», как их нередко именуют журналисты) крайне негативно сказывается на символическом авторитете и публичной значимости концепции устойчивого развития. Более того, показывает, что эгоистические бизнес-интересы часто ставятся выше мирового ценностного транзита в сторону подлинного устойчивого развития. И это огромная проблема для прикладной метаэтики.

Сторонники концепции устойчивого развития парадоксальным образом стремятся к увеличению числа последователей и к тому, чтобы превратить этот процесс в массовое гражданское движение, излишне не политизируя его. Основная опасность в данном случае исходит от возможности партийного «присвоения» этого движения. Достаточно того, что в ООН устойчивое развитие – это одна из центральных тем круглогодичной повестки дня. Удивительно, но нигде в мире стихийно так и не возникла партия «устойчивого развития» (есть «зеленые», но нет «устойчивых»). По большому счету все партии сегодня, так или иначе, эксплуатируют риторику этой концепции, но не заявляют на нее свои права, как если бы существовал такой негласный договор. Политический нейтралитет и равная открытость – внутренняя установка сторонников концепции.

Наконец, никакие проекты не могут рассчитывать на успех без адекватного финансирования. А транзит к устойчивому развитию

очевидно потребует беспрецедентно внушительных инвестиций и при этом очень «длинных денег», ибо глупо ожидать быстрого возврата средств, а многие вложения и вовсе могут оказаться безвозвратными. Это, разумеется, останавливает частных инвесторов, а в условиях высокой турбулентности и колоссальных долгов не смогут на это пойти и многие национальные правительства. Значит, деньги должны приходиться из новых источников, по необычным схемам и обновленным правовым правилам. Но такая перемена условий «игры» тоже нуждается в особом этико-прикладном обосновании.

Может сложиться ложное впечатление, что все эти многочисленные преграды совершенно непреодолимы, и мы вряд ли когда-либо перейдем в новую историческую эру устойчивого развития. Такую опасность исключать нельзя. Как полагали философы эпохи Просвещения, надежда остается «надеждой» лишь потому, что может остаться нереализованной мечтой. Однако это не дает нам повода апатично принимать реальность такой, какая она есть. На удивление сторонники концепции остаются оптимистами, причем даже тогда, когда поиски решений не дают уверенно позитивных результатов. *Идеология устойчивого развития гармонично сочетает в себе научное знание, веру, моральную убежденность и гражданскую решимость.* Возможно, именно поэтому число приверженцев устойчивой прикладной метаэтики в мире неуклонно растет.

После быстрого и отчасти хаотичного роста общественного интереса к устойчивому развитию на рубеже веков, в текущем десятилетии, благодаря усилиям многих исследователей, начался мучительный процесс институционализации «устойчивости» как научной, в том числе и этико-прикладной, дисциплины (sustainability science). Мнения экспертов разделились: одни полагали, что «устойчивое развитие» вполне может стать самостоятельной отраслью знания, другие – настаивали на ее междисциплинарном характере.

Отвечая на вопрос, как должна строиться сегодня теория устойчивого развития, А. Грюнвальд предположил, что ее главным признаком должна быть абсолютная *убедительность*. В условиях бесконечных понятийных и смысловых разночтений люди все еще, по сути, находятся в знаниевой «темноте», а потому политики сохраняют за собой чересчур большой маневр для всяческих манипуляций [10]. Но как в принципе возможна убедительность, если процесс транзита к устойчивому развитию только начался, а контексты конкретных кейсов столь различны, что пока не позволяют извлечь из них обобщающих уроков. Единственный способ – построение иде-

альных моделей в режиме абстрактного руководства для практического проектирования. В этих моделях должны содержаться критерии и индексы перемен, заимствованные из точных и социальных наук, в отношении которых уже существует консенсус, и которые помогают нам сформулировать конечные цели и дорожные карты, а также постоянно мониторить прогресс. Иными словами, «наука об устойчивости» осмысливает существующий опыт (позитивный и негативный) и одновременно формулирует прикладные схемы на усмотрение политиков и проектировщиков, заинтересованных в выстраивании своего аутентичного опыта устойчивости.

Очевидно чем «наука об устойчивости» принципиально отличается от классических научных дисциплин. С одной стороны, она по преимуществу – наука об отношениях (между человеком и природой, производительной деятельностью людей и биосферой, и не в последнюю очередь о справедливых отношениях людей друг с другом), а не о сути самих явлений. С другой стороны, она в большей степени выступает в качестве научной «призмы зрения» на происходящие в мире процессы, помогает людям самим выстраивать адекватные программы необходимых перемен. Для этого пригодны разные призмы: технологов, инженеров, представителей естественных и точных наук, философов и этиков, социологов и урбанистов. Но одновременно она еще и наука дискурсивная, поддерживающая публичные дискуссии на высоком уровне, адекватном вызовам времени. Только так она производит новое знание в равноправном диалоге ученых, экспертов и всех заинтересованных граждан.

Иными словами, теория устойчивого развития – это интеллектуальный «импульс сбоку». Практику творят люди, вовлеченные в процесс перемен. Сами переменны иницируются преимущественно «снизу» и обязательно поддерживаются «сверху». А мыслительно стимулируются и экспертно сопровождаются теорией устойчивого развития «сбоку». Такой своеобразный про-активный треугольник общественного прогресса сформировался, пожалуй, впервые в мировой истории. Но этот *воображаемый треугольник дает отчетливое представление о субъектах этико-прикладной деятельности и рефлексии.*

У неискушенного читателя при знакомстве со специальной литературой может сложиться не вполне корректное впечатление, что эксперты в области устойчивого развития, скорее, «специализируются» на постановках сложных и волнующих всех нас вопросах, на формулировании алармистской «повестки дня» во временном режиме «если ничего не менять, то завтра уже будет поздно!», чем предлагают понятные и технологически реализуемые схемы практических

действий. Это впечатление небезосновательно. Конкретные шаги всегда дело конкретных сообществ (профессиональных и гражданских, территориальных и городских, предпринимательских и корпоративных). Задача «науки об устойчивости» не допустить популизма простых и плохо продуманных решений, где взвешенные долгосрочные стратегии будут принесены в жертву популистской тактике [12]. Но выбор действия всегда останется за людьми, практикующими устойчивое развитие и вступающими друг с другом в заинтересованный *этико-прикладной полилог*.

Список литературы

1. *Angus I.* Facing the Anthropocene. Fossil Capitalism and the Crisis of the Earth System. New York: Monthly Review Press, 2016.
2. *Appleton J.* (Ed.) Values in Sustainable Development. London – New York: Routledge, 2013.
3. *Browne L. R.* Building a Sustainable Society. New York: Norton, 1981.
4. *Caradonna J.L.* Sustainability. A History. Oxford: Oxford University Press, 2014.
5. *Carley M., Christie I.* Managing Sustainable Development. London: Verso, 2000.
6. *D'Alisa G., Demaria F., Kallis G.* (Eds.) Degrowth. A Vocabulary for a New Era. New York – London: Routledge, 2015.
7. *Dalton A. M., Simmons H. C.* Ecotheology and the Practice of Hope. Albany: Suny Press & State University of New York Press, 2010.
8. *Dillard J., Dujon V., King M. C.* (Eds.) Understanding the Social Dimension of Sustainability. New York – London: Routledge, 2009.
9. *Esteban M., Akiyama T., Chen Ch., Ikeda I., Mino T.* (Eds.) Sustainability Science. Dordrecht: Springer International, 2016.
10. *Grunwald A.* What Kind of Theory Do We Need for Sustainable Development? // Enders J. C., Remig M. (Eds.) Theories of Sustainable Development. London – New York: Routledge, 2014. P. 16-29.
11. *Ikerd J.E.* Sustainable Capitalism. A Matter of Common Sense. Bloomfield: Kumarian Press, 2005.
12. *Luks F.* Theories of «Sustainability» and the Sustainability of Theories // Enders J. C., Remig M. (Eds.) Theories of Sustainable Development. London – New York: Routledge, 2014. P. 81-88.
13. *Macekura S. J.* Of Limits and Growth. The Rise of Global Sustainable Development. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

14. *Marques J.* Moral Underpinnings of Sustainability // Dhiman S., Marques J. (Eds.) *Spirituality and Sustainability. New Horizons and Exemplary Approaches.* Dordrecht: Springer International, 2016. P. 33-48.

15. *McKibben B.* *The End of Nature.* New York: Random House, 1989.

16. *McKibben B.* *Enough. Staying Human in an Engineered Age.* New York: Times Books, 2003.

17. *McKibben B.* *Deep Economy. Economics as if the World Mattered.* Oxford: One World, 2007.

18. *Perdy J.* *After Nature. A Politics for the Anthropocene.* Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2015.

19. *Shiva V.* *Caring for What We Care About* // Appleton J. (Ed.) *Values in Sustainable Development.* London – New York: Routledge, 2013. P. 7-17.

20. *Springett D., Redclift M.* *Sustainable Development: History and Evolution of the Concept* // Redclift M., Springett D. (Eds.) *Routledge International Handbook of Sustainable Development.* London – New York: Routledge, 2015. P. 3-38.

УДК 17

**Трансформируемый университет – актер или агент
в социальном поле экономики знаний?**

Аннотация. Представлена попытка конкретизации образа университета, трансформируемого под задачи экономики знаний, в социальном поле коммуникации с другими социальными субъектами. Показано, что опыт включенного наблюдения публичных коммуникаций университета является продуктивным для уточнения контекста, в котором он действует, элементов его идентичности и возможных факторов внутренней устойчивости как «актора».

Ключевые слова: университет, трансформирование, социальное поле коммуникаций, актер, агент.

Предварительные замечания

Интенсивность социальных изменений в современном обществе создает тотальную вовлеченность в трансформационные процессы всех его субъектов. Очевидны в такой ситуации преимущества установки на строительство «ветряных мельниц», улавливающих ветер перемен, перед попытками «возведения стен» (Н.Талеб) в намерении обрести стабильность. Однако не всегда очевидны эффекты влияния ценностных ориентиров изменений на институциональную целостность социальных субъектов.

Трансформации экономических, производственных институций, направленные на получение максимального бизнес-эффекта, в меньшей степени оказывают партикуляристское воздействие на их целостность, чем трансформации социальных институтов, предназначение которых традиционно в культуре непосредственно не связано с получением экономической прибыли. Переориентация таких институтов в первую очередь на экономическую целесообразность создает риск «перекодирования» их телеологического обоснования. К числу последних принадлежит и Университет.

Повседневный контекст деятельности университетов уже не одно десятилетие образуют процессы массовизации, коммерциализации, маркетинга, капитализации, глобализации и т.п. Одновременность, взаимопроникновение этих процессов создают ситуацию, при которой сосредоточенность университетов на вопросах «что делать?», «как делать?» ослабляет внимание к вопросу «для чего и во имя чего это делать?». Вопрос такого рода, как представляется, фо-

кусирует внимание на телеологическом обосновании – внутренней причинности, благодаря которой происходит развитие заложенного в институциональной форме потенциала. Область поиска ответа на такой вопрос для университета сегодня, как представляется, обнаруживается при совмещении, как минимум, двух условных осей координат: «ветры перемен» и «границы автономии». Еще одна условная ось – «стратегии трансформирования университета» – образует своего рода независимую переменную, определение «универсума признаков» которой требует специального исследования.

В статье представлена попытка конкретизации образа университета, трансформируемого под задачи экономики знаний,¹ в социальном поле коммуникации с другими социальными субъектами. Опыт включенного наблюдения публичных коммуникаций университета на уровне поискового исследования может быть продуктивным для уточнения: контекста, в котором он действует; координат его движения в направлении либо к модели «учебного центра», либо – создания ресурсов, чтобы стать лидером нового знания.

В описаниях стратегий трансформирования, представленных в публичном дискурсе, отмечается, что процессы реструктурирования отечественных университетов могут содействовать, в том числе, их эволюционированию от позиции «агента» т.е., действующего по поручению, к позиции «актора» (действующего субъекта) [15]. Позиция «агента» здесь скорее предусматривает сосредоточенность прежде всего на вопросе «что делать?», позиция «актора» – внимание к вопросам, во-первых, «во имя чего делать?», а во-вторых – «что делать?».

Устойчивость университета² в условиях его трансформирования предполагает, как представляется, наличие «точек опоры» не столько вне, сколько внутри университета относительно условных координат «ветер перемен» и «границы автономии». Анализ ситуации конкретного университета в социальном поле коммуникации с другими субъектами позволит конкретизировать некоторые аспекты внутренней устойчивости университета как «актора».

¹ Как известно, термином «экономика, основанная на знаниях», введенным в исследовательский дискурс более полувека назад, изначально обозначался определенный сектор экономики; сегодня же им маркируется доминирующий тип экономики, в котором знанию отводится роль основного источника экономического роста во всех секторах.

² Концепция «Устойчивый университет» подробно развернута А.Ю. Согомоновым в цикле статей в журнале «Ведомости прикладной этики» – выпусках 48-54.

**«Ветры перемен», «границы автономии»
трансформируемого университета**

Пожалуй, одним из ответов на вопрос «что делать?» в сфере высшей школы можно считать формирование общего поля международного высшего образования, в котором разрабатываются единые принципы, ценности стратегии высшего образования для стран, имеющих различную историю, культуру и традиции.

Как известно, трансформирование сферы высшего образования в странах БРИК (аббревиатура, принятая до 2011 г.) предусматривает определенную диверсификацию университетов при «построении национальных систем высшего образования мирового уровня» [2]. Ориентиром служит обозначаемая как самая влиятельная в мире [4] система высшего образования США³. В качестве, можно сказать, телеологического обоснования таких трансформаций высшего образования здесь провозглашается идея его эффективности, прежде всего, для «экономического роста» [4, 40]. В соответствии с такой идеей перестраиваются системы высшего образования на национальном уровне – в том числе в современной России.

Так, в документе «Проект повышения мировой конкурентоспособности ведущих российских университетов» основными задачами университетов обозначены: «создание долгосрочных конкурентных преимуществ университетов...; развитие инфраструктуры для привлечения лучших ученых, преподавателей, управленцев и студентов...; производство интеллектуальных продуктов мирового уровня; формирование выдающейся академической репутации за счет ведения прорывных исследований и привлечения ведущих мировых ученых ...; рост экспорта образовательных услуг» [10].

В Проекте «Опорные университеты России» целью их формирования и развития обозначено «социально-экономическое развитие субъектов Российской Федерации» [11]. А фактором, определяющим достижение заявленной цели, является обретение университетами признаков «центра притяжения талантов и генерации лидеров изменений; регионального научно-инновационного центра; центра формирования региональной элиты; источника позитивных изменений городской и региональной среды» [11].⁴

³ В условиях глобализации влияние образования может рассматриваться и в качестве «мягкой силы» (soft power), проявляемой через механизмы, обусловленные потенциалом образования как носителя подлинных ценностей; как ресурса, которыми обладает страна; как способного выступать в качестве средства достижения определенных политических целей (см, напр.: [17]).

⁴ Следует отметить, что и 50, и 100 лет назад потребности и интересы

Можно заметить, что в задачах трансформирования университетов («повышение конкурентоспособности»; освоение «правил игры на глобальном рынке»; «цифровая трансформация вузов»; «индивидуализация образовательных программ»; «коммерциализация научных разработок»; «стратегии интернационализации» и т.д.) не акцентируется внимание на развитии внутренних ресурсов университетов.

Очевидно, открытость университета миру сегодня является условием его жизнеспособности, в том числе благодаря тому, что позволяет улавливать «ветер перемен». Однако в пределе такая установка может привести к утрате «буферных зон», функционально защищающих внутреннюю автономию университета. Образ университета без «буферных зон» дает характеристика «образовательного учреждения», представленная, например, в документах Национальной Суперкомпьютерной Технологической Платформы [9]. Созданная в 2010 году в соответствии с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года» [6] Платформа нацелена на «развитие и эффективное использование суперкомпьютерных и грид-технологий в интересах науки, образования, отраслей экономики, социальной сферы и государственных нужд» [8].

Если соотнести содержащиеся в «Проекте реализации технологической Платформы» описания действий и выгод каждого ее участника («государства», «потребителя», «научного учреждения», «образовательного учреждения»), которые он может получить от участия в Платформе, то можно заметить, что «образовательному учреждению» отводится преимущественно обслуживающая функция (своего рода роль «учебного центра»). В документе отмечено, что все участники платформы работают с «образовательным учреждением» для «выращивания необходимых для своих планов специалистов». А в списке действий «образовательного учреждения» для достижения цели – повышения конкурентоспособности на рынке образовательных услуг – первыми обозначены: «работа с потребителями, выясняя их потребности»; «подстраивание под эти потребности своих учебных программ» [12]. Как можно заметить, позиция «образовательного учреждения» (к коим относится и университет) при таком определении скорее агентная.

Иногда позиция университета в регионе определяется как рядоположенная банку, консалтинговой компании, иным экономическим

регионов были одними из основных среди факторов создания университетов в регионах (например, создание Сибирского Императорского университета – г. Томск, 1878 г.; Восточного института – г. Владивосток, 1899 г.).

субъектам⁵. Казалось бы, автономия при такого рода идентификации сохраняется, но достаточно ли внимания вопросу телеологии университета – «во имя чего, для чего университет?». Представляется, что положение университета в регионе не вполне может стоять в одном ряду с банками или бизнес-компаниями, прежде всего в силу стратегического значения знания для города, региона [13]. «Уход» крупного банка из региона способен оказать дестабилизирующее влияние на его экономику. Но, как показывают исследования, оптимизация в регионе университетов ведет к разрушению субъектности развития региона в целом [5].

Некоторые штрихи образа трансформируемого университета в социальном поле обнаруживаются в его публичных коммуникациях. К последним можно отнести дискуссионные площадки с участием университета. Например, в случае Тюменского индустриального университета одна из таких публичных площадок – Тюменский нефтегазовый форум. Наблюдение за дискуссиями на панельных площадках Форума 2017, 2018 гг. (партнером которых выступал Тюменский индустриальный университет) дало некоторые штрихи к образу трансформируемого университета – с точки зрения его позиции либо «агента», либо «актера» в коммуникациях.

Так, участники панельной дискуссии 2017 года «Кадры решают все. Новые подходы к обучению персонала ТЭК»⁶, представлявшие экономические, экспертные, властные субъекты, выделили важные, с их точки зрения, аспекты современной подготовки специалистов для ТЭК. Например, Игорь Шпуров, генеральный директор ФБУ «Государственная комиссия по запасам полезных ископаемых», акцентируя внимание на проблеме развития экспертного сообщества в сфере полезных ископаемых, подчеркнул ведущую роль университета в обучении, развитии, структурировании экспертного сообщества. Привлечение докторов наук, доцентов, работающих в вузах и занимающихся научными исследованиями, на производство; создание образовательных программ для экспертного сообщества, разработка вариативных образовательных программ, способствующих «вращива-

⁵ Так, с точки зрения одного из координаторов трансформационных процессов отечественных университетов, «регион рассматривает вуз, как инструмент развития, наряду с технопарками, банками, компаниями, консалтинговыми группами. Таких вузов немного и конкуренция между ними, начиная с периода их рождения, очень активная. Тюмень конкурирует с Ростовом, Новосибирском, Екатеринбургом...» [14].

⁶ Тюменский нефтегазовый форум. 2017 г. // [Электронный ресурс]. URL: <<http://oilgasforum.ru/tnf-2017/video>>

нию» настоящих инженеров – один из основных, по мнению спикера, путей формирования и развития института компетентных лиц.

Евгений Задорожный, генеральный директор «РН-Уватнефтегаз», акцентировал внимание, во-первых, на задаче видения перспектив – завтрашнего дня компаний – как необходимом условии их успешного развития. Решить такую задачу, с его точки зрения, могут люди, обладающие возможностями широкого применения IT-программ в различных сферах жизни. Во-вторых – на проблеме накопления на предприятиях проблем, которые сегодня они не могут решить своими усилиями – либо в силу специфичности проблем, либо из-за невозможности отвлечься от основных процессов. И в том, и в другом случае, успешное решение проблем и задач, с его точки зрения, предполагает партнерское сотрудничество с университетом как для обучения персонала, например, в формате проблемно-ориентированного, так и в создании и адаптации технических достижений для содействия в решении проблем предприятия.

Таким образом, спикерами государственных и бизнес-субъектов – участников Форума – были обозначены проблемы, обусловленные вызовами новых ситуаций. Экспертная деятельность университета, новые образовательные программы, ожидаемые от него стейкхолдерами, рассматривались как шанс их успешного развития в усложняющемся мире. Речь шла не только о гибких навыках будущих инженеров, но и о специализированных инженерных знаниях, инновациях, позволяющих как решать возникающие практические проблемы, так и восполнять отставание в понимании перемен при помощи знания.

Панельная дискуссия на Тюменском нефтегазовом форуме 2018 года⁷ была посвящена теме «Кадровая стратегия в условиях цифровизации отрасли». Среди спикеров четыре представляли университеты: опорный (Тюменский индустриальный университет, спикер Вероника Ефремова); национальный (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, спикер Сергей Салкуцан); корпоративный (корпоративный университет ПАО «СИБУР», спикер Наталья Ямщикова); автономный университет (Назарбаев Университет, Казахстан, спикер Марьям Абельдинова).

Тематически выстроенная вокруг темы цифровизации дискуссия вышла и на вопрос скорее метафизического плана. В выступлениях спикеров – наряду с вопросами развития цифровой инфраструктуры и формирования «цифровых компетенций» – была актуа-

⁷ Тюменский нефтегазовый форум. 2018 г. // [Электронный ресурс]. URL: < <https://oilgasforum.ru/programma/> >

лизирована тема образа современного инженера. Так, спикер со стороны производственной сферы (Игорь Онешко, ген. директор ООО «РН-Уватнефтегаз»), отметив преимущества цифровизации (сбор и обработка информации, освобождение от рутинных и т.д.), акцентировал внимание на необходимости подготовки инженера-эксперта в своей отрасли, способного быстро принимать ответственное решение.

Спикеры от университетов в своих выступлениях выделяли разные аспекты проблемы образования современного инженера. В том числе, как «образовывать» инженера – с учетом современных тенденций технологического развития; способного к принятию ответственности на этапе конструирования и эксплуатации изделия и т.д. Вопросы: чему и как учить будущих инженеров, чтобы они могли понимать происходящие процессы в практической деятельности, изменять и развивать ее; как наиболее плодотворно развивать разные типы мышления у будущих инженеров; формировать навыки работы в междисциплинарных командах. Отдельно был поднят вопрос о необходимости профилирования последствий капитализации знаний и т.п.

Актуализация в дискуссии вопроса идентичности современного инженера показала, что участниками дискуссионной площадки «цифра» воспринимается в качестве важного, незаменимого, но *средства* работы со знанием, а основную заботу и сегодня составляет вопрос метафизического характера – связанный с идентичностью современного инженера. Вопрос, который, как представляется, относится к сфере компетенции, прежде всего, университета. Требования, предъявляемые к инженеру работодателями, имеют значение, однако только университет со своей многовековой историей существования и развития, способен аккумулировать качественно разные опыты «для восполнения отставания в понимании перемен при помощи знания», чтобы улавливать конкретную живую действительность. Возможно, в этом заключается один из шансов университета формировать признаки лидера новых знаний.

Таким образом, включенное наблюдение публичных коммуникаций университета (на примере Тюменского индустриального университета) позволяет сделать некоторые предварительные выводы. В том числе: «агентная» позиция университета конструируется в документах, описывающих стратегии консолидации различных видов капитала для решения задач социально-экономического развития на государственном уровне. Нередко она отображается и в документах самого университета, например, таких как «Миссия». А в случае непосредственного взаимодействия университета с субъектами в соци-

альном поле экономики знаний коммуникации осуществляются им, скорее, как «актором». И такое взаимодействие, в том числе на дискуссионных площадках, позволяет конкретизировать «точки опоры» для развития субъектной позиции университета.

Исследователи прогнозируют, что индустриальная система еще пару десятилетий будет обеспечивать базовую нагрузку внутри университета [7]. Представляется, что взаимодействие университета с трансформирующими свою деятельность индустриальными партнерами дает ему возможность уточнять не только социальный контекст своей деятельности «здесь и сейчас», но и возможные «точки опоры» в формировании позиции лидера нового знания через два десятилетия и далее.

Об универсуме признаков переменной «стратегии трансформирования университета»

Прошедшие три десятилетия отечественные университеты были сосредоточены сначала на выживании, затем на наращивании экономического ресурса и, наконец, на проживании процессов трансформирования извне. Они действовали и продолжают действовать не столько ориентируясь на базовые принципы данного социального института, воплощенные в гумбольдтовской модели, сколько поддерживая воспроизводство научно-образовательной деятельности исходя из наличной ситуации. Практика деятельности многих отечественных университетов дает немало примеров ее несоответствия гумбольдтовской модели университета. Однако наличие несоответствия, как представляется, не является достаточным основанием для отмены атрибутивности современного университета ценностям этой модели. (Хотя в качестве альтернативного ориентира университетам предлагается идея совершенства (of excellence) как соответствующая духу времени, однако Б. Ридингс еще в конце XX века в своем исследовании показал ее бессодержательность.)

В целом перемены в российском обществе последней четверти века, а также глобализационные трансформации в мире усиливают партикуляристское воздействие на производство и воспроизводство знания в университетах. Решение проблем, связанных с такого рода воздействием, как показывает современная отечественная ситуация трансформирования университетов, сегодня осуществляется преимущественно с помощью усиления администрирования [16], тотальной перестройки всей системы отечественного высшего образования. Иные пути трансформирования университета – например, через интеграцию взаимосвязей, установление определенных правил, формирование культуры и приверженности определенным ценностям, прежде всего, уважения и доверия [1] – вероятно, не рассмат-

риваются как эффективные. Возможно, в силу того, что они требуют большего времени, поскольку, во-первых, предусматривают поиск стимулов, которые должно употребить, чтобы люди начали работать. При этом, такие стимулы не всегда существуют в готовых формах, например, в таких, которые предлагает западная культура. Во-вторых, поскольку при отмене прежних порядков не всегда возможно отменить социальные институты, укорененные в сознании как ценности (В.Г.Чеснокова), возникает задача согласования на уровне ценностей новых вводимых правил, норм с нормами, атрибутивными базовым процессам в университетах.

Риск ослабления способности университетов поддерживать автономную систему поведения в воспроизводстве науки и образования обусловлен ослаблением функционально направленных на сохранение автономии механизмов адаптации университета к социальной среде [3]. Воспроизводство науки, знания как автономной системы поведения при ослаблении механизмов адаптации, испытывая прямое партикуляристское воздействие, порождает ситуацию избирательного применения норм воспроизводства знания. И как можно заметить, постепенно знание – универсальная ценность в условиях идеационной культуры (П.Сорокин) – в начале XXI в. все чаще рассматривается как ценность преимущественно в связи с возможностью его капитализации, иными словами оно приобретает черты ценности партикулярной. Для университета же знание как универсальная ценность является одной из основных «точек опоры» его акторной позиции.

Список литературы

1. *Адизес И.К.* Управляя изменениями. Как эффективно управлять изменениями в обществе, бизнесе и личной жизни / Ицхак Калдерон Адизес; пер. с англ. В.Кузина. М.: Манн, Иванов и Фербер. 2014.
2. *Альтбах Ф.* Перспективы стран БРИК: новые образовательные сверхдержавы? // Будущее высшего образования и академическая профессия: страны БРИК и США / Под ред. Ф.Альтбаха, Г.Андрущак, Я.Кузьмина, М.Юдкевич, Л.Райсберг. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013.
3. *Батыгин Г.С.* Партикуляристское давление в воспроизводстве научного знания // Ценности гражданского общества. Ведомости. Вып. 23 / Под ред. В.И.Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень, 2003. С. 164-179.

4. Будущее высшего образования и академическая профессия: страны БРИК и США / Под ред. Ф.Альтбаха, Г. Андруцака, Я. Кузьминова, М. Юдкевич, Л. Райсберг. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. – 247 с.

5. *Зборовский Г.Е., Амбарова П.А., Шуклина Е.А.* Существует ли система высшего образования в России? // Социологические исследования. 2017. № 11. С.75-86. – DOI: 10.7868/S0132162517110095

6. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/> (дата обращения 12.05.2019).

7. *Лушка П.* Будущее образования // [Электронный ресурс]. URL: <https://online.skolkovo.ru/ru/skolkovo/courses/course-v1:SKOLKOVO+SK02+2018_3/> (дата обращения 25.05.2019).

8. Меморандум о создании Национальной Суперкомпьютерной Технологической Платформы // [Электронный ресурс]. URL: <<http://www.hpc-platform.ru/tiki-index.php?page=basic-docs>> (дата обращения 25.05.2019).

9. Национальная суперкомпьютерная технологическая платформа // [Электронный ресурс]. URL: <<http://www.hpc-platform.ru/tiki-index.php?page=History&>> (дата обращения 20.05.2019).

10. Проект 5-100. Проект повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <<https://www.5top100.ru/about/more-about/>> (дата обращения 19.03.2019).

11. Проект «Опорные университеты России» // [Электронный ресурс]. URL: <<http://flagshipuniversity.ntf.ru/project>> (дата обращения 20.03.2019).

12. Проект реализации технологической платформы «Национальная Суперкомпьютерная Технологическая Платформа» (с.43) // [Электронный ресурс]. URL: <<http://www.hpc-platform.ru/tiki-index.php?page=basic-docs>> (дата обращения 20.05.2019).

13. *Согомонов А.Ю.* «Устойчивый университет» (генезис концепции) Возвращение этики успеха? Ведомости прикладной этики. Вып. 48 / Под ред. В.И.Бакштановского, О.А.Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2016. С. 142-161.

14. Тюменский индустриальный университет. Официальный сайт // [Электронный ресурс]. URL: <<https://www.tyuiu.ru/opera-transformatsiya-v-spore-s-ekspertami-skolkovo/>> (дата обращения 29.05.2019).

15. Щербенок А. Университет как объект управления // [Электронный ресурс]. URL: <<http://ftp-www.bsu.edu.ru/Skolkovo/>> (дата обращения 15.05.2019).

16. *Thompson J.D.* Organizations in Action: Social Science Bases of Administrative Theory. New York: McGraw-Hill, 1967.

17. *Wojciuk, A., Michaiek, M., Stormowska, M.* Education as a source and tool of soft power in international relations / A. Wojciuk, M. Michaiek // *European Political Science*. – 2015. – Vol. 14 (3). – P. 1–20. – DOI: 10.1057/eps.2015.25.

Л.Н.Руднева

УДК 378

«Я редко не добиваюсь того, что ставлю в качестве цели»

Аннотация. Профессор Лариса Николаевна Руднева рассказывает о своем профессиональном пути в университете. Делится опытом создания и дисциплинарного развития выпускающей кафедры в условиях трансформирования университета конца 90-х гг. XX в. – первого десятилетия XXI в. Обсуждает специфику организации, осуществления и координации образовательной деятельности в соответствии с новым для университета форматом – образовательной программой с проектным методом обучения.

Ключевые слова: университет, выпускающая кафедра, служение в профессии, образовательная программа с проектным методом обучения.

Лариса Николаевна Руднева родилась в Тюмени.

1976 г. – по окончании Тюменского индустриального института начинает трудовую деятельность ассистентом кафедры «Экономика, организация и планирование нефтяной и газовой промышленности».

Прошла путь от ассистента до профессора.

1987 г. – защищает кандидатскую диссертацию в Московском государственном институте нефти и газа им. И.М. Губкина.

2006 г. – защищает докторскую диссертацию в Уральском государственном экономическом университете.

1993-2015 гг. – заведующая кафедрой «Экономика, организация производства и внешнеэкономической деятельности» (с 2012 года: кафедра «Экономики и организации производства»).

С 2017 г. по настоящее время – руководитель образовательной программы «Экономика и организация производства на предприятиях нефтегазовой отрасли».

В какой семье Вы воспитывались? Повлияла ли семья на выбор Вами профессии?

Мой папа долгое время работал главным энергетиком в «Запсибнефтьстрое», а мама – экономист, сначала работала в Облздравуправлении, потом в Облсельхозуправлении. Нас в семье три сестры, и мы всегда были отличницами. Для мамы наша учеба на отлично являлась безусловной: ей необходимо было нами гордиться. Пожалуй, в этом она – максималистка.

Родители не допускали мысли, что мы не будем иметь высшего образования.

По окончании школы, когда пришло время определяться с продолжением учебы, мама сказала, что могу выбирать любой вуз, но в Тюмени. Я могла выбирать между: пединститут, мединститут, сельскохозяйственный и индустриальный. Пединститут не рассматривала – у нас его выбирали либо явные гуманитарии, либо те, у кого с математикой отношения не складывались. Мединститут был исключен – при виде крови мне становилось плохо. Сельскохозяйственный тоже – я выросла не в аграрной семье. Оставался индустриальный.

Выбрав институт, начала рассматривать для себя разные специальности. На выбор экономической никак не повлиял тот факт, что мама была экономистом. Дело в том, что старшая сестра в то время училась на пятом курсе в индустриальном институте. Она сказала: «Зачем тебе идти на специальности, где много чертить? Иди на экономику». И я пошла на экономику.

В группе я была единственная отличница, но усердием не отличалась. Мой жизненный принцип в делах можно передать такими словами: «Отступать некуда – Москва за нами». Он как-то сам собой возник. Например, назначен последний день сдачи курсовой работы (кто не сдаст – пятерки не получит), я сидела ночь накануне и сдавала курсовой проект на отлично. (У меня вообще других оценок не было.) И в дальнейшем, уже работая на кафедре, не давала повода кому бы то ни было усомниться в том, что у меня всё сделано вовремя. Так, Валентина Григорьевна Нанивская (в то время заведующая кафедрой, на которой я начинала работать) как-то сказала, что если к окончанию аспирантуры не представлю на обсуждение кафедры диссертацию, напишут, что аспирантура закончена без предоставления диссертации к защите. В то время я даже и не знала, что такую запись сделать негде, но решила, что такого счастья никто не получит. В итоге была единственной аспиранткой, которая до окончания аспирантуры обсудила диссертацию на кафедре.

Окончив институт, Вы начали работать на кафедре «Экономика, организация и планирование нефтяной и газовой промышленности». Что или кто повлиял на такой выбор?

Во-первых, когда мне предложили работать на кафедре, посчитала это очень престижным: меня выделили из всех. Я вообще приравнивала наших доцентов и профессоров почти к небожителям. В институте, в пору моей учебы, профессоров было не так много, и мы знали не только профессора нашей кафедры Ивана Дмитриевича Карягина, но профессоров на других факультетах, например, на геологическом.

Во-вторых, в 1975 году – когда у нас проходило распределение (трудоустройство выпускника на обязательный определенный срок) –

шло интенсивное развитие нефтяной промышленности. У меня был диплом с отличием. По распределению шла первая, могла выбирать место своей работы из большого числа предлагаемых по нашей специальности. А когда вариантов выбора много, то он мучителен. Предложение работать на кафедре свело ситуацию выбора к альтернативе: оставаться в институте или нет. Я с радостью согласилась работать на кафедре.

Какие люди оказали влияние на профессиональное становление? Как Вы входили в профессию? Возможно, какие-то особые обстоятельства, ситуации, или Ваши собственные решения, задали ключевые повороты Вашей профессиональной траектории?

На мое профессиональное становление большое влияние оказал профессор Иван Дмитриевич Карягин. Своей интеллигентностью, культурой, своей внутренней свободой он влиял на всех людей, которые его окружали. Что бы ни говорил, с кем бы ни стоял рядом, он всегда очень выгодно отличался. Мне казалось, что профессор должен быть именно таким, как Иван Дмитриевич Карягин: не только внешнее благородство – осанка, но и манера говорить, никогда не повышая голоса, проявляя уважение ко всем. Он обладал внутренним спокойствием. Удивительный был человек. Наверное, он сумел так на нас повлиять, что мы стали способными сами себя организовывать как в преподавании, так и в своей исследовательской деятельности.

Как я входила в профессию? Вспоминаю свой первый рабочий день (кстати, привожу его в качестве примера «как не должно быть» студентам в дисциплине «Управление персоналом»). Он начался второго января (тогда не было, как сейчас, восьми выходных дней после Нового года). Почему именно после Нового года? В институте я училась пять с половиной лет – нам добровольно-принудительно добавили специализацию «Математическое обеспечение, АСУ и ЭВМ». В то время, когда наши сокурсники на других факультетах защищали дипломы, у нас была десятая сессия, дипломы мы защищали в декабре. Я уже знала, что буду работать с доцентами П. Пуртовым и З. Басыровым. Так случилось, что тот и другой попросили меня выйти сразу после защиты диплома, а положенный после окончания института отпуск присоединить к летнему отпуску. Второго января, принарядившись, я пришла к 9 утра на работу. Кафедра была закрыта, где брать ключ я не знала, гуляла по коридору до 11 часов. Пришла секретарь кафедры – Зульфия (она ездила в главный корпус института, поэтому пришла позже), открыла кафедру. Я зашла, разделась, прошла, куда сесть – не знаю. Пришла Надежда Ивановна Олейник на занятия (я ее знала по студенческому отряду в Фаного-

рии), сказала мне: «Привет». Я ей в ответ: «Привет». Она собрала какие-то бумаги и ушла на занятия. Пришла с пары, сложила бумаги в пакет, сказала мне: «Пока» и ушла. В этот день больше никого на кафедре не было. Так прошел и второй мой рабочий день. Затем начала выяснять, что мне делать; узнала, что буду вести практические занятия с 8 января.

Первые встречи со студентами были очень волнительными. Группа, в которой начала работать как преподаватель (на специальности «Машины и оборудование промыслов») была большая, в нее входили ребята, уже отслужившие в армии, они были на два-три года старше меня. И вроде бы все было нормально, но возникла одна ситуация. Когда я училась на экономическом факультете, мы вели себя на занятиях относительно прилично, шумели, но чтобы встать и выйти из аудитории во время пары, такого у нас не было, а мои первые студенты могли спокойно встать, и уйти. Я попыталась изменить ситуацию, исходя из опыта собственного поведения в студенческой группе. В ответ мне сказали что-то типа: «Что Вы делаете из нас первоклассников», стало обидно, и я затихла. Показалось, что и студенты поняли, что обидели меня. И я поняла, что не должна к этим взрослым, как мне тогда казалось, людям обращаться с требованиями типа: «сложите руки и не шевелитесь». Постепенно как-то все само собой настроилось, нашлась какая-то середина. С моими первыми студентами в дальнейшем сложились дружеские отношения. Позже некоторых встречала, например, Владимира Ивановича Карасева (будущего заместителя председателя правительства ХМАО по вопросам недропользования и топливно-энергетического комплекса).

Я вообще никогда не испытывала проблем в общении со студентами, как-то получалось устанавливать дружелюбные контакты.

Складывается впечатление, что Вы попали в профессию по призванию?

Пожалуй, да. Но это сегодня я так считаю. А раньше задумывалась о правильности выбора. Так, моя свекровь была хорошим доктором. К ней обращались со сложными проблемами, она помогала, потом к ней обращались уже дети ее пациентов. Я смотрела на это и думала, какая благородная профессия – врач, она позволяет сразу видеть результат. А я что делаю? Как я могу видеть результаты своей работы? Но сейчас думаю уже иначе, понимая, что образование – это всегда вложение в будущие результаты. Сегодня, бывает, еду или иду на работу, со мной приветливо здороваются уже очень взрослые люди, иногда с радостью подходят: «Здравствуйте, Лариса Николаевна!», иногда я уже не всех вспомню по именам, только по лицам. Проработав заведующей кафедрой почти четверть

века, получила немало обратной связи: когда тебе звонят, вспоминают, порой поздравляют, причем неожиданно. Например, у нас был студент, нерадивый, можно сказать. Он уже не учился, но если узнавал, что я приезжаю на сессию в г. Ноябрьск, обязательно приезжал в аэропорт, чтобы встретиться. И хотя меня встречала машина, он обязательно говорил: «Я бы предложил довезти Вас до гостиницы, но у меня машина не очень, я ее у друга попросил, чтобы с Вами повидаться». Смешно, чудно, по-доброму. Но есть наверное, и такие, кто обиделся. Мы ведь некоторых и отчисляли.

Теперь я думаю: если кому-то помогла определиться, люди нашли себя, значит, что-то полезное я сделала. Хотя сразу в нашей профессии результаты не видны.

Вы начали свою профессиональную деятельность на кафедре «Экономика, организация и планирование нефтяной и газовой промышленности», которую в ту пору возглавлял профессор Иван Дмитриевич Карягин. Как дальше складывался Ваш профессиональный путь? Какие значимые для профессиональной траектории решения Вы принимали?

Я всегда работала в вузе. И кардинально ничего в своей профессиональной жизни не меняла.

Защита диссертации для преподавателя – важный этап профессионального пути. Я понимала, что надо защищать диссертацию. Через год моей работы на кафедре Иван Дмитриевич порекомендовал подать заявление в аспирантуру. На кафедре в то время работала доцент Инна Марковна Зайцева. Считаю, что она дала мне не лучший совет. Через мою подругу, ассистента, которая вела за ней практику, Инна Марковна, передала мне примерно такие слова: «Лариса Николаевна – последней пришла на кафедру, а первой написала заявление в аспирантуру. И какой у нее есть задел для диссертации?». Я подумала, что сделала что-то такое, чего не должна была делать. Подошла к Ивану Дмитриевичу и сказала, что поспешила с аспирантурой, поскольку у меня нет «задела», и забрала заявление. Через три года, по окончании декретного отпуска я снова поступила в аспирантуру, с таким же мощным – нулевым – «заделом», какой у меня был в первый раз. Думаю, если бы не совет доцента Зайцевой, я защитилась бы на два года раньше. Я целеустремленная по характеру: и если пошла в аспирантуру, то для того, чтобы написать и защитить диссертацию. Поэтому диссертация – была бы написана и защищена. По жизни случилось так, что я редко не добиваюсь того, что ставлю в качестве цели перед собой – может быть, потому что реально оцениваю что могу, и за это берусь.

К 1986 году у меня была подготовлена кандидатская диссертация. В тот период на инженерно-экономическом факультете деканом был Валентин Григорьевич Каналин. Я пришла к нему, чтобы подписать какие-то бумаги, а он стал предлагать мне должность заместителя декана по учебной работе. На это сказала ему, что мне бы диссертацию защитить, о каком замдеканстве может идти речь: написала диссертацию, не знаю, куда с ней податься. (У нас в Тюмени диссертационного совета по моей специализации не было.) Он спросил, какие есть известные специалисты в области моих исследований. Я назвала Виктора Елисеевича Тищенко из Уфы, который занимался трудовыми ресурсами в сфере геологоразведки (а у меня в диссертационном исследовании объектом было производственное предприятие «Главтюменьгеология»). Валентин Григорьевич позвонил Папину Юрию Семеновичу, в ту пору проректору по науке в Индустриальном институте. Юрий Семенович связался с проректором по науке в Уфимском нефтяном институте, а тот, в свою очередь, с Виктором Елисеевичем Тищенко. Я поехала в Уфу со своей диссертацией. Встретилась с проректором по науке, причем удивилась, что зашла без препон, еще более удивилась, когда увидела, что к нему свободно заходят и студенты (у нас было иначе). Встретилась с профессором Тищенко, он посмотрел мою работу, взял почитать. Вскоре Тищенко переехал в Гомель. Я к нему ездила, поделилась своей неуверенностью: диссертацию ли я написала, или хороший диплом? На что он сказал: «Вы сейчас поедете от меня, останавливаетесь в Москве. В Ленинской библиотеке берете несколько диссертаций по схожей теме. Читаете и мысленно сравниваете: Ваша такая же(?), лучше(?), хуже (?). По потенциалу Вашему вижу, что Вы в состоянии себя правильно оценить. И затем смело едете в Москву подавать диссертацию». Я съездила, посмотрела несколько диссертаций (это сегодня можно на месте посмотреть любые диссертации, тогда такой возможности не было), поняла, что у меня получилась диссертация.

Я направилась с диссертацией в Институт нефти и газа имени И.М. Губкина. Пришла к заведующему кафедрой «Экономика нефтяной и газовой промышленности» Анатолию Дмитриевичу Бренцу, сказала, что написала диссертацию, хотела бы у них защититься. Сейчас вспоминаю и удивляюсь: это же надо было придти в незнакомый институт, в другом городе, и сказать: «Здравствуйте, меня зовут Лариса, я из Тюмени, написала диссертацию, не хотите посмотреть?». Глаза в ответ говорят: «Не хотим, но придется».

Анатолий Дмитриевич пригласил доцента Елену Алексеевну Смирнову, попросил посмотреть мою диссертацию. И если в рабочем

порядке что-то можно исправить, чтобы она мне об этом сказала. Если требуется значительная доработка, чтобы тоже дала знать, дабы я не жила напрасными надеждами на скорую защиту. Через неделю Елена Алексеевна сказала что нужно доделать в рабочем порядке. Виктор Елисеевич Тищенко был моим оппонентом.

Вы защитили кандидатскую диссертацию, преподавали на кафедре, были заместителем декана по учебной работе на факультете «Центр экономической подготовки». В 1993 году Вы становитесь заведующей кафедрой «Экономика, организация производства и внешнеэкономической деятельности». Такой поворот в профессиональной траектории был результатом Вашего решения?

Скорее так сложилась ситуация. Пока кафедрой «Экономика, организация и планирование нефтяной и газовой промышленности» заведовал профессор И.Д.Карягин, единство коллектива сохранялось. Но постепенно создавалась напряженная атмосфера, можно сказать, что возникла почти революционная ситуация: одни сотрудники кафедры, во главе с заведующей, чем-то активно занимались, но остальных в эти занятия не вовлекали. А мы, пришедшие на кафедру ассистентами, уже стали доцентами, у нас появилась своя точка зрения, мы начали иногда с чем-то не соглашаться и говорить об этом открыто.

Новое руководство кафедры (Иван Дмитриевич Карягин уже не был заведующим) решило ее разделить: сделать кафедру выпускающую и кафедру «сервисную», как сегодня говорят, которая бы обслуживала технические специальности, поскольку дисциплины «Экономика производства» и «Организация и планирование производства» читались на четвертом курсе всех технических специальностей.

После разделения кафедры, Рашит Ямгитдинович Кучумов, тогда декан факультета, порекомендовал меня на должность заведующей отделенной кафедрой. Но заведующим по рекомендации Валентины Григорьевны Нанивской был назначен Анатолий Николаевич Янин. Однако, проработав восемь месяцев, он ушел из института. И ректор, Николай Николаевич Карнаухов, назначил заведующей меня. Так, в 1993 году я стала заведующей кафедрой.

Создание новой кафедры обычно не вызывает вопросов, а разделение кафедры – явление достаточно редкое. Чем, с Вашей точки зрения, оно было вызвано в тот период? Поколенческими различиями преподавателей, несовместимостью концептуальных подходов в исследованиях и преподавании, сформировавшимся самостоятельным дисциплинарным направлением?

Нельзя сказать, что разделение кафедры было обусловлено поколенческими различиями преподавателей – в составе нашей, отделенной, кафедры были преподаватели и предпенсионного возраста, а на той кафедре – и молодые преподаватели. Мне даже не объяснить мотивы разделения, кафедру разделили, не спросив нас об этом. Инициаторы разделения остались как кафедра выпускающая, и почему-то они решили, что все наследие общей кафедры, прежде всего специальности, по которым она готовила выпускников, принадлежит им.

Нас, отделённых, назвали кафедрой организационно-экономической подготовки и уготовили нам чтение двух экономических дисциплин в рамках инженерной подготовки. А что такое кафедра не выпускающая? Если у преподавателя выпускающей кафедры здоровое честолюбие, то он понимает, что его дипломники – это зеркало его профессиональной компетентности, и он постоянно совершенствуется, стремится узнавать новое, и вообще, у него другой набор показателей профессионализма, есть самоудовлетворение. А у преподавателя не выпускающей кафедры такие стимулы к активному развитию отсутствуют. Оказавшись на «сервисной» кафедре, мы лишились таких стимулов для профессионального развития и, соответственно, возможностей для максимально полной профессиональной самореализации. Но мы уже знали жизнь выпускающей кафедры: можно вести дипломников, участвовать в конференциях, и у нас был потенциал, кто-то уже защитил диссертацию, кто-то её писал. Мы были ориентированы на полноту реализации в нашей профессии, поэтому стали активно думать, как нам развиваться.

Надо сказать, что я очень трудно отвоевывала «территорию» для кафедры. Так, в 1993 году открыла на специальности «Менеджмент» специализацию «Управление внешнеэкономической деятельностью» (съездила в МГИМО, проконсультировалась на факультете Международного бизнеса и делового администрирования с Ириной Никоновной Герчиковой и, с учетом ее рекомендаций, разработала учебный план).

Непросто складывалась ситуация с первыми нашими студентами: было объявлено, что на специальности «Менеджмент» открыта специализация «Управление внешнеэкономической деятельностью», однако 25 человек для этой специализации не были выделены из общего потока, они шли в потоке со студентами специальности «Менеджмент», это создавало дополнительное напряжение между кафедрами. А к следующему учебному году мы мобилизовали весь свой ресурс и, как договорились с ректором, Николаем Николаевичем Карнауховым (спасибо ему за это), – прием на специализацию

«Управление внешнеэкономической деятельностью» вели уже непосредственно на нашу кафедру.

Когда мы обеспечивали первый набор на специализацию, напечатали на машинке объявления: «Тюменский индустриальный институт делает набор на специализацию “Управление внешнеэкономической деятельностью”...», взяли клей, вышли на улицу Республики: зашли в «Газпром», на доске объявлений приклеили объявление о приеме студентов на нашу специализацию, затем в «Главтюменьгеологию», «Гипротюменьгеологию». Это была наша первая рассчитанная на широкую аудиторию форма профориентационной работы.

Мы становились как выпускающая кафедра – нам было необходимо развивать что-то свое собственное. Я открывала специальности: «Статистика», «Экономика природопользования»; «Экономика на предприятиях трубопроводного транспорта».

Открывая новые специальности и тем самым развивая и укрепляя новую в Индустриальном институте выпускающую кафедру, Вы ориентировались на потребности региона?

Прежде всего, это было новое поле деятельности для кафедры. Сформировалось профессиональное ядро, это стало видно по результатам защит дипломных проектов.

Открытием новых специальностей и специализаций мы откликнулись на запросы предприятий и организаций. Так, в университет поступило письмо Тюменьоблстата с просьбой организовать подготовку специалистов для территориальных органов государственной статистики, которое ректор, Н.Н. Карнаухов, перенаправил на нашу кафедру. Как мы ответили на этот запрос? Сначала на специальности «Экономика и управление на предприятиях» открыли специализацию «Статистика», а потом специальность «Статистика». Разрабатывая новую специальность, мы с Надеждой Феоктистовной Меновой, руководителем Управления Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, согласовывали учебные планы, сроки и содержание практики. Это была правильно организованная подготовка специалистов для статистики, так – как должно быть. И это, действительно, был отклик на запросы внешнего потребителя (то, о чем сейчас много говорят, мы уже тогда успешно делали). Я и сегодня могу гордиться тем, что от Урала до Сахалина по специальности «Статистика» в тот период ни один университет, кроме нашего, не готовил специалистов, к нам присылали учиться из других регионов.

Еще один фактор открытия новых специальностей связан с появлением филиалов. В конце 90-х – начале 2000-х гг. шла борьба

университетов за свои ниши на Севере. Первый филиал, где наша кафедра начала вести подготовку, был в Урае. Затем за нами закрепили работу в Ноябрьском филиале, позднее в Надыме, Советском. Возникла ситуация, когда две кафедры вели образовательную деятельность в филиалах по одним и тем же специальностям. Мы опять стали искать для себя новые возможности. Так была открыта на специальности «Экономика и управление на предприятиях нефтяной и газовой промышленности» специализация «Экономика недропользования».

Работа в филиалах была для преподавателей кафедры полезной. С одной стороны, мы обучали будущих специалистов и помогали формировать необходимые знания уже состоявшимся. А с другой – преподаватели могли наблюдать как трансформируется сфера практического применения знаний по их дисциплинам. Этот обмен был очень полезный. Первыми нашими студентами в 90-е годы XX в. были люди, имевшие среднее специальное образование. Они уже проработали на предприятиях, освоили новые технологии, но остро нуждались в организационно-управленческих, экономических знаниях. У них возник спрос на такие знания, а мы на него откликнулись. Одно время у нас на кафедре было семь специализаций.

Как в это время Вам удавалось заниматься собственными исследованиями?

Тема диссертации первой моей аспирантки – Ирины Васильевны Дружининой – была связана с рынком труда. Занимаясь с Ириной, я расширяла свои исследования по рынку труда. (В это время я уже была профессором и, казалось бы, меня ничто не побуждало активизировать работу над докторской диссертацией. Я проводила исследования, выявляла тенденции методично и неспешно. Но в 2014 году ректор, в ту пору Владимир Васильевич Новоселов, побудил меня – мягко сказано – завершать работу над докторской диссертацией.)

Ирина Васильевна защитилась. Следующая аспирантка – Татьяна Важенина. Размышляя над темой ее диссертации, мы вышли на проблемы устойчивого развития периферийных территориальных образований. Далее, Надежда Кулакова... Задача защититься была поставлена перед всеми преподавателями кафедры. У нашей кафедры были договоры с компанией «Газпром Добыча Надым» – так появились эмпирические данные для наших последующих исследований.

Елена Масыкина была моей дипломницей, распределилась в областную администрацию, в департамент экономики. Поскольку она занималась трудом и заработной платой, мы с ней начали рассматривать дифференциацию доходов, уровень жизни и пришли в итоге к теме качества жизни населения Тюменской области.

Все преподаватели на нашей кафедре защитили кандидатские диссертации, была атмосфера нацеленности на развитие. Конечно, каждый самостоятельно делает выбор – как ему профессионально двигаться, но те, кто остались на кафедре были ориентированы на развитие, я постоянно держала этот вопрос на повестке дня.

Также было и с доцентами ВАК. Я постоянно побуждала коллег выполнять все требования для получения ученого звания «доцент». И оказалась права. Тогда, может быть, не все вполне понимали для чего это надо, но сегодня не получить высшие грейды, если не иметь по должности ученое звание «профессор» или «доцент». Не могу сказать, что все радостно к этому относились, но для меня было важным развитие – как индивидуальное моих коллег, так и в целом кафедры. Один в поле не воин. У нас была очень хорошая атмосфера на кафедре. Преподаватели видели, что у них есть возможность влиять на ситуацию на кафедре, что её успехи принадлежат всем. Поэтому развитие кафедры становилось личным смыслом каждого ее члена: гордость – за успехи, огорчение – когда что-то не удавалось.

А когда все стремятся чего-то достичь – сделать можно очень много. Пожалуй, уважение и доверие были в основе наших коммуникаций. Хотя и не всегда удавалось сделать все абсолютно справедливо, какие-то волнения были, но все решалось по-доброму.

Можно ли сказать, что Ваша кафедра становилась и развивалась через включение её сотрудников в дисциплинарное сообщество. Они все были сориентированы на профессиональное развитие в рамках научной дисциплины – экономики, вы открывали новые специальности с этим же профилем. Как Вам удавалось сохранять дисциплинарные границы?

Это было непросто. Приведу пример. На нашей кафедре была на специальности «Менеджмент» специализация «Управление внешнеэкономической деятельностью». А специальность «Менеджмент» была на кафедре МТЭК. Кроме того, у нас, как и у них, были специализации на специальности «Экономика и управление на предприятии». На каком-то этапе руководство университета решило экономику закрепить за нашей кафедрой, а менеджмент – за кафедрой МТЭК. Появился бакалавриат по направлению «Экономика» с профилем «Экономика предприятий и организаций». Желающих учиться было много: мы набрали три группы на заочное обучение, две – на очное. А через год два новых молодых ректора – нашего университета и ТюмГАСУ (Тюменский государственный архитектурно-строительный университет) – согласились с предложением департамента образования Тюменской области о передаче подготовки по этим специ-

альностям в ТюмГУ (Тюменский государственный университет). Опыт других технических университетов (в Уфе, Ухте, Москве) показывает, что подготовка по направлениям «Экономика» и «Менеджмент» в таких университетах ведется в соответствии с их нефтяным профилем.

И то, что я тогда с таким трудом «отвоевывала» для кафедры, уже завершает свое существование. В этом, 2019 году, выпускают последних бакалавров очной формы обучения.

Есть ли у Вас свод неписаных правил, принципов, которыми Вы руководствуетесь в своей профессиональной жизни?

Над этим вопросом я специально никогда не думала.

Пожалуй, первым таким неписаным правилом я бы назвала «всегда доводить начатое до завершения».

Далее, «выполнять то, что от тебя требуется, но осознанно». Когда, например, приходили «дурные» документы (в университете одно время было 11 проректоров, и каждый создавал свои документы), я всегда звонила, спрашивала, зачем эти документы нужны.

Любое дело должно выполняться хорошо, я требую определенного качества, в делах не терплю халтуру.

Пожалуй, самый главный принцип, на который я ориентируюсь сама и который удалось передать своим аспирантам – «не стоять на месте, постоянно развиваться». Например, моя ученица Мария Гурьева, как мне представляется, следует этому принципу. Она писала под моим руководством дипломный проект, затем защитила кандидатскую диссертацию в УрФУ. Постоянно выигрывает гранты на научную деятельность, занимает призовые места на международных экономических форумах молодежи, конкурсах научно-исследовательских проектов молодых ученых. И когда я ей говорю: «Молодец», отвечает «Я в учителя». Она не стоит на месте, постоянно развивается, конечно, что-то получается, что-то не получается. Пословица про труд и рыбку сегодня, как и раньше, работает: не придет без труда грант, монография не напишется. Что означает выиграть грант? Написать красивую заявку – это одно. Но за работу по гранту надо отчитываться, например, подготовить монографию. Это значит, нужно поработать, изучить проблему, в работу вовлечь студентов так, чтобы это просматривалось по их тезисам на конференциях, по работе в проектных группах.

Я никогда не анализировала как мы профессионально развивались на кафедре. Не могу сказать, что только я как заведующая кафедрой была генератором всех идей. Когда коллектив работает как единый и каждому члену кафедры небезразличен результат – генераторами идей являются многие.

Очень многие приходили и предлагали разные идеи. Например, открытие магистерских программ. Идею первой программы подала Татьяна Леонидовна Краснова, которая за кафедру очень переживала, была ее душой.

Слова «а давайте...» на кафедре звучали нередко. Я вспоминаю последний период моего заведования..., мы трудились как пчелки. В 314-м кабинете (это одна из локаций нашей кафедры), шла бурная деятельность: кто-то на один грант подавал документы, кто-то – на другой грант, кто-то писал заявку на Программу...

Я к концу своего заведования уже могла дать обстоятельную характеристику каждому члену кафедры с учетом его потенциала, кто на что способен, на кого в чем можно положиться, и считаю, что эта характеристика была бы объективная и исчерпывающая.

У нас на кафедре всегда было ожидание чего-то большего, мы можем еще что-то, это еще не наш пик.

Вероятно, так проявляется «сверхнагрузка», признак профессий, для которых характерно самовозложение задач, выходящих за рамки требуемых должностными обязанностями. В этом же ряду стоит и такая ценность как «служение в профессии». Но совместимо ли «служение в профессии», с Вашей точки зрения, с современной ситуацией в профессии?

Смотря что понимать сегодня под «служением в профессии». Что значит «служение в профессии»? Профессии у всех разные... Может быть, это значит – выполнять работу, которая этой профессией предусмотрена, так, как она по большому счету того требует. Ведь можно прийти на работу, сделать вид, что сегодня «отслужила», а на самом деле всего лишь побывала на паре...

Служение в нашей профессии, вероятно, побуждает постоянно проверять себя: ты можешь сегодня честно ответить на вопрос, что провела занятие, научив студентов всему тому, что это занятие предполагало? Преподаватель должен постоянно развиваться, особенно сегодня – в условиях повышения требований к качественной подготовке выпускников со стороны работодателей.

Мы все наследуем какой-то опыт. Так, придя работать в вуз, я стала с большим уважением вспоминать своего преподавателя времен учебы в институте – Тамару Ильиничну Богопольскую. Она заставляла нас думать, формировала наше профессиональное мышление. Она формулировала вопросы так, что нам приходилось увязывать темы прошлой лекции с темой проводимой лекции, учитывать знания по другим дисциплинам, моделировать какие-то ситуации. Она говорила: «Вопросов, на которые я не могла бы ответить, нет. Другое дело, правильно ли я на них отвечаю». Я привожу ее слова как

аналогию ситуации выбора преподавателя: он может пойти в аудиторию и занять студентов на два часа, и чем больше у него опыта, тем легче он сможет это время занять. Можно быть дисциплинированным по времени, но ничему не научить студентов.

Или, например, магистратура – четыре часа лекций. Как выбрать материал? На этот вопрос ответа нет. Можно даже убедить себя, что все прошло хорошо. Но есть совесть... И хотя оправдать себя можно легко, однако, даже самый посредственный преподаватель понимает, в какие моменты он не учит студентов, а всего лишь пребывает в аудитории.

Служение в профессии поддерживается, наверное, профессиональной совестью. Служение в профессии и профессиональная совесть в моем понимании близкие понятия.

А если у человека есть ученая степень, должность, то они его тем более ко многому обязывают.

Считаете ли Вы себя успешным человеком? Как бы Вы охарактеризовали успешного человека в Вашем деле?

Чем измерять успех? Званием «Почетный работник...»? Не всегда... Я в состоянии проанализировать свои результаты и могу оценить, могло ли из меня получиться что-то большее, или могли быть какие-то другие успехи. Но мы находимся в определенных обстоятельствах, всегда есть границы, которые определяют возможности профессионального развития. Я очень много испытала факторов внешнего противодействия. Наверное, можно было уступить, не бороться (например, когда первый раз открывала специализацию на нашей кафедре), а вести на технических специальностях дисциплину «Экономика организаций». Но, во-первых, вероятно, я другая. А, во-вторых, был запрос от коллектива кафедры, он хотел и мог развиваться. И мы пошли отвоевывать «место под солнцем». При этом, никакие привилегии ни мне как заведующей кафедрой, ни коллективу по наследству от кафедры И.Д.Карягина не передались, когда вышел приказ о создании нашей кафедры в 1993 г. На кафедре не было ни стульев, ни печатной машинки, ни штор – вообще ничего. Потом постепенно шаг за шагом мы обживались: где-то машинку печатную нашли, приборы на столы выписали, столы заказали...

Поэтому, если говорить об успехе как достижении, то, наверное, да, кое-что было достигнуто. Была создана очень хорошая кафедра, открыты хорошие специальности, по ним подготовлено много специалистов. Это тоже профессиональный успех – когда в Тюменской области ты приняла участие в образовании тысяч людей.

Так Вы успешный человек?

Иногда определяют успешность через сравнение себя с другими людьми, но я никогда этого не делала.

В своей семье я была научена вести себя порядочно по отношению к людям. И я не смогу действовать по-другому, так, как, например, поступали в отношении меня, когда создавалась наша кафедра. Если меня что-то не устраивает, говорю об этом открыто, не участвую в договоренностях как проголосовать, чтобы что-то кому-то не дать – еще одно мое правило по жизни. Но это не значит, что мне не было горько. Бывало – и неоднократно...

Вы достижитель по духу?

Пожалуй, да. Биться буду до последнего.

Почти четверть века Вы руководили кафедрой, создавали ее как выпускающую с нуля. Кафедра стала одной из самых успешных и привлекательных в университете, в том числе и для преподавателей. Сегодня Вы – руководитель образовательной программы с проектным методом обучения. Как бы Вы кратко рассказали неспециалисту, в чем специфика Вашего дела сегодня?

Сегодня я – профессор на кафедре «Экономика и организации производства» и второй год руководитель образовательной программы «Экономика и организация производства на предприятиях нефтегазовой отрасли» с проектным методом обучения.

Наверное, кратко рассказать о своем новом деле вряд ли получится, поскольку оно новое и для меня, и для университета. Сначала несколько слов об истории... В 2016 г. в университете был объявлен конкурс образовательных программ. На конкурс можно было подать авторскую программу – либо бакалавриата, либо магистратуры, предоставив ее развернутую концепцию, в том числе обосновав, чем она будет интересна региону, с кем из индустриальных партнеров предполагается сотрудничать, какие знания получат выпускники на выходе и т.д.

К этому времени направление подготовки «Экономика» уже было передано ТюмГУ. И делать набор на него мы не могли. Но можно было сделать экономическую программу на том или ином техническом направлении. На направлении «Нефтегазовое дело», среди видов деятельности, к которым готовится выпускник, предусмотрены научно-исследовательская и организационно-управленческая деятельность. И это создало возможность реализовывать образовательные программы экономической направленности. Базовая часть Программы – одинаковая для всех программ направления «Нефтегазовое дело», а специальные дисциплины обеспечивают формирование компетенций, необходимых для осуществления организационно-

управленческой и научно-исследовательской деятельности. Программа обязательно согласуется с работодателями.

Таким образом, мною была подготовлена на конкурс образовательная программа «Экономика и организация производства на предприятиях нефтегазовой отрасли» (уровень магистратуры). И среди победителей этого конкурса – 11 человек – была и я.

Технология обучения на образовательной Программе – преимущественно, проектный метод. Все студенты разбиваются в проектные группы, у каждой группы свой проект и свой руководитель – преподаватель. По условиям Программы в течение одного учебного года студент должен выполнить не менее одного завершённого проекта и публично его защитить. По итогам проектной деятельности в осеннем семестре студент сдает индивидуальный отчет с указанием своей роли в его выполнении; по итогам весеннего семестра – второй отчет об индивидуальной работе; и вся группа сдает и защищает обязательный ежегодный проект.

Экономическая, организационно-управленческая направленность деятельности не дает материально осязаемого результата в виде усовершенствованной детали, или технологии, как это происходит в технических видах деятельности. Наши результаты, в основном, исследовательские, или носят рекомендательный характер. Поэтому для меня важным был вопрос: как сделать проектное обучение, не увеличивая трудоемкость работы студентов в связи с новым форматом обучения. Я начала думать, как нам максимально гармонично выстроить воплощение Программы. И нашла такой путь: курсовые проекты, которые студенты выполняют в каждом семестре, должны стать основой для проекта, а тему магистерской диссертации каждого студента следует формировать с учетом темы общего проекта. И тогда студенты будут понимать, что работают в одном ключе все два года. (Следует отметить, что для выбора тем проектов была проведена большая работа с нефтегазовыми компаниями.)

В проекте первого года, например, студенты делают статистический анализ и прогнозирование затрат на добычу нефти. Для этого они собирают на предприятиях данные. В процессе работы над курсовым проектом они осваивают инструментарий статистического анализа, выявляют тенденции и факторы изменения затрат. Выполняя курсовой проект по дисциплине «Экономика и управление на предприятиях нефтегазовой отрасли», выявляют направления снижения затрат, а в курсовом проекте по дисциплине «Организация инновационной деятельности предприятия» обосновывают и предлагают комплекс соответствующих мероприятий.

Так у них образуется существенный методический и аналитический задел для диссертации и уже собрана и проанализирована эмпирическая база исследования. Пока я реализую такой подход к проектному обучению, но постоянно думаю над его совершенствованием.

Сейчас на Программе обучается 46 заочников на первом курсе и 33 – на втором. Делаем первый выпуск на очном обучении.

Такой формат работы со студентами делает ее более адресной. Мы постоянно взаимодействуем с нашими студентами. Администратор Программы, Ольга Михайловна Долгих, такое количество писем написала нашим студентам, что один из них, как-то сказал: «Столько писем, сколько получил за первый год, я не получил за четыре года учебы на очном бакалавриате».

Поскольку очная форма обучения требует организации практик студентов и выполнение проектов на базе конкретных нефтегазовых компаний, то взаимодействие с ними существенно усилилось. Я поработала с предприятиями «Транснефть-Сибирь», «Газпром Геологоразведка», «СибНИИНП», «РН-Уватнефтегаз», «ЛУКОЙЛ-Инжиниринг». Сначала проанализировала – что для нефтяных компаний сегодня актуально и интересно. Это позволило выделить три направления научной деятельности. И, встречаясь с представителями работодателей (например, в «Транснефть-Сибирь» – с Валентиной Павловной Карлышевой, заместителем генерального директора по экономике), говорила им примерно так: в текущей жизни вы вряд ли имеете время, чтобы заняться исследованием актуальных проблем, интересующих вас вопросов, а мы можем это сделать. Затем показывала им разработанные направления исследований и предлагала выбрать, какие для них представляют интерес, или сформулировать свои направления, интересные им темы. Если сформулированные ими вопросы имеют достаточно узкий характер, мы включаем их в программу наших исследований как фрагменты.

У нас уже состоялись публичные защиты проектов первого года очной формы обучения. В состав Государственной экзаменационной комиссии со стороны бизнеса – это обязательное условие – мы приглашали генерального директора ООО «Сибнефтепроект», к.э.н. Александра Ивановича Плясунова, начальника отдела мониторинга проблемных организаций департамента экономики Тюменской области к.э.н. Елену Александровну Масыкину.

На Ваш взгляд, образовательные программы с проектным методом обучения – это, действительно, новый шаг в развитии университетского образования? Или больше веяние времени, которое пройдет?

Если мы провозглашаем, что готовим студента для предприятия, то было бы замечательно, если бы наши студенты очной формы обучения в дальнейшем работали на предприятиях, на которых проходят во время учебы практику. У них период адаптации будет меньше, поскольку они уже там побывали, глубже понимают ситуацию на предприятии в организационно-управленческом плане, в целом специфику его работы.

Да и сам процесс обучения на Программе интереснее, осознаннее. По крайней мере, мы сегодня четко знаем, чему должны научить студентов, что сегодня важно для нефтяных компаний. Учебный план выстроен таким образом, чтобы студенты могли проводить исследования по самым актуальным темам, уметь выявлять проблемы, находить пути их решения.

В чем специфика образования на Программе с проектным методом обучения? Думаю, что мы даем студентам фундаментальные подходы к решению проблем в нефтегазовой отрасли. Например, есть проблема снижения затрат. Мы не можем повлиять на цену, она на рынке складывается: соответственно, чтобы увеличить прибыль, надо уменьшить затраты. Студенты знают с чего начинать решение этой задачи, где искать данные, как анализировать, знают, что любая инновация не может быть внедрена без оценки ее эффективности с разных точек зрения. Они становятся специалистами, готовыми принимать решения в этой области: знающими, как готовить базу для принятия решений и умеющими сделать обоснованный выбор с учетом альтернатив.

С Вашей точки зрения, институционально образовательная Программа является альтернативой кафедре? Как эти институции пересекаются в общем университетском поле?

В документах обозначается так: «Институт сервиса и отраслевого управления», «Программа такая-то...». То есть, образовательная Программа осуществляется в институте, но вне кафедры. Абитуриенты поступают сразу на программу. Сегодня профиль «Экономика и организация производства на предприятиях нефтегазовой отрасли» (направление «Нефтегазовое дело») достаточно востребован. У нас учатся студенты из разных мест России. В буклете Программы указан мой личный телефон, кто хочет глубже узнать о ней, звонят, задают вопросы.

На Программу я приглашаю преподавателей разных кафедр. Если приглашаю преподавателей с нашей кафедры – за качество преподавания большей части преподавателей кафедры могу поручиться. Они преподают так, как они могут это сделать по большому счету. Прислушиваются к моим словам, рекомендациям, советуются.

На других кафедрах я действую через заведующих кафедрами. Случается, что бываю вынуждена отказаться от услуг того или иного преподавателя.

Введение и распространение в университете образовательных Программ с проектным методом обучения – в силу того, что они ориентированы преимущественно на работодателя – создает риски превращения университета в профессиональную школу?

Нет, подготовка по образовательным программам с проектным методом обучения не превратит университет в профессиональную школу. Магистратура – это, прежде всего, наука, а проектный метод обучения дает гораздо больше возможностей заниматься научными исследованиями, чем традиционное обучение. В таком виде магистерская программа более глубоко реализуется как университетское образование.

Другое дело, что степень рвения у студентов разная, а отсюда и результаты различные. Студенты работают над проектом в группах, соответственно распределяются между ними и задания. Если один не выполнит задание, то он подводит всех, поскольку за него это задание будут вынуждены делать другие. Этот нюанс имеет место.

Работодатель – один из основных заказчиков для образовательной Программы. Что дает университету для его собственного развития такое тесное взаимодействие с работодателями через образовательную Программу, помимо необходимости исполнять требования Учредителя – Министерства?

Например, я привлекла для работы на Программе генерального директора компании «Югсон-Сервис» доктора технических наук Анатолия Михайловича Киреева. («Югсон-Сервис» – компания, работающая для нефтяной промышленности.) Я его спросила: «Что нужно для компании можно сделать силами магистрантов, которых мы отправим к вам на практику?». Он спросил: «Нормированием можете заняться?», – я ответила: «Сможем».

Если мы будем делать только то, что можем, наверное, не особая хвала нам. Если мы начинаем заниматься какой-то проблемой, которой раньше не занимались, то можем получить новый результат. Почему нет? Потенциал научный у нас есть. И опыт работы с новыми проблемами у нас тоже есть. И этот результат мы можем ввести в нашу образовательную деятельность. Поэтому, когда нас спрашивают: «Вы можете», а мы отвечаем «Мы сможем» – тем самым задаем импульсы развитию образовательной и исследовательской деятельности университета.

В плане организационно-методического обеспечения программы мне очень помогло то, что довольно долгое время была заведующей кафедрой. Прежде всего, это контакты с работодателями, как мы сейчас говорим. Кого-то я учила, считаю, что у меня есть моральное право сказать: «Когда-то, ребята, я вам помогала. Теперь я к вам обращаюсь за помощью». Личные связи очень много значат. Конечно, можно писать письма; и предприятия, что интересно, отвечают на них. Однако личный контакт более продуктивен.

Получается, что образовательная программа имеет потенциал придать устойчивость университету?

Я специально не размышляла над тем, что дает Программа собственному университету...

Да, она увязывает запросы предприятий и возможности университета. Мы согласовываем то, что они хотят – с тем, что мы делаем. Мы подстраиваемся под их нужды: темы выпускных квалификационных работ согласовываем с предприятиями. Конечно, мы можем давать студентам классические темы выпускных квалификационных работ – из года в год повторяющиеся. А можем давать новые, актуальные для сферы их будущей профессиональной деятельности. Когда начинали писать первые дипломы по внешнеэкономической деятельности, мы учились, осваивали новое, а потом уже использовали наработанное. С методической точки зрения это неплохо, и студенты шли по этому пути. Но тогда исследовательские работы были единичными, а сегодня на Программе дипломные работы почти стопроцентно исследовательские, и объект их исследований в магистерской диссертации – действующее предприятие бизнеса.

В университете с 2017 года реализуется 11 образовательных программ с проектным методом обучения (6 магистратуры и 5 бакалавриата), руководители этих программ взаимодействуют между собой?

Преимущественно мы сотрудничаем в плане методического обеспечения программ. Не могу сказать, что общение достаточно широкое. Но это общение, на мой взгляд, может носить и многоплановый характер. Например, на направлении «Нефтегазовое дело», есть программа «Технологические решения строительства скважин на месторождениях со сложными геолого-технологическими условиями их разработки». Руководит программой Василий Павлович Овчинников. Технические решения – в целом, это всегда выбор. Выбор решений, которые принесут предприятию прибыль. Поэтому есть потенциальная возможность создавать проектные группы из студентов обеих программ. Также я вижу возможность кооперации с образовательной программой «Автоматизация технических процессов и

производств». Ею руководит Виктор Максимович Спасибов. Синергический эффект такого сотрудничества мог бы быть интересным.

В целом у образовательных программ с проектным методом обучения есть потенциал развития – соответствующего университетскому образованию. Изменяется не только университет, перемены происходят на предприятиях, вводятся профессиональные стандарты. Безусловно, мы должны следить за переменами и им соответствовать. Однако, например, есть таблица Менделеева, и хотя постоянно открывается что-то новое, она составляет базис в своей сфере. Так и наши студенты – если они будут понимать основные функции организационно-управленческой деятельности, логику исследований, уметь проводить анализ, знать критерии подбора инструментария – они смогут исследовать новые возникающие проблемы, выявлять возможные направления их решения. В профстандарте есть такая формулировка: «Уметь проводить критический анализ с позиции фундаментальных знаний» – университет, через реализацию образовательных программ с проектным методом обучения, наверное, и дает студентам фундаментальные знания для решения проблем, в том числе и будущих.

Интервью провела М.В.Богданова

Е.Н. Викторук, Д.В.Юрков

УДК 177

Философские практики как пример этического консультирования

Аннотация. Рассматривается этическое консультирование в сфере медико-психологической и социально-педагогической практики. Авторы констатируют ситуацию расширения спектра этического консультирования от этических требований к консультанту до философских практик сопровождения людей, находящихся в трудных жизненных ситуациях. Приведена типология философских практик, позволяющих отрабатывать инструментарий прикладной этики в медико-психологическом и социально-педагогическом консультировании.

Ключевые слова: этическое консультирование, философское консультирование, этическая аргументация, моральная логика, моральный субъект, осознанный выбор, критическое мышление, семейное консультирование.

Введение

Изучение «реалистичности» потенциала прикладной этики в меняющихся условиях, начатое в предыдущих номерах «Ведомостей прикладной этики», необходимо по ряду причин, среди которых «догоняющий» характер развития и применения этических технологий в российской деловой, профессиональной и социокультурной практике; распространенная практика имитации этико-прикладных процедур (от экспертизы до кодификации) и др. Тем не менее, говоря о перспективах развития прикладной этики, мы высказывали позицию сдержанного оптимизма [9] и придерживаемся её в обсуждении темы нового выпуска – о «скромной, но реалистичной амбиции» этического консультирования.

Этическое консультирование становится востребованным в самых разных сферах производственной, интеллектуальной, управленческой деятельности. Ситуации конфликтного характера с «этической составляющей», требующие специального урегулирования, порождают необходимость разработки особых процедур этического консультирования. Там, где есть задачи разграничения правомочности, дееспособности, велико значение партнерских отношений, возникают вопросы сохранения достоинства, преодоления дискриминации разного рода. Медико-психологическая и социально-педагогическая практика с этой точки зрения – необъятное профессиональ-

ное поле, где на каждом шагу возникают моральные дилеммы, этические «кейсы», поэтому вслед за биоэтикой, менеджментом эту область можно назвать лидером развития этических технологий.

***Этическое консультирование
как составляющая профессиональной этики***

Анализ источников (в том числе англоязычных) по проблеме этического консультирования в обозначенных областях раскрывает преимущественно «одностороннее» понимание этического консультирования (ethical advice) – как деятельности по профессионально-этической регуляции: медиков, психологов, социальных педагогов [11, 17]. Этические требования к деятельности консультантов составляют самостоятельный раздел прикладной этики, предполагающие целый спектр подходов и процедур: утилитаризм, этика долга, принципы этики, ситуационный подход и др.; использование формальных документов, кодексов и других должностных требований. Консультант, решая каждую конкретную проблему, «подбирает» наиболее эффективные для нее инструменты, предлагаемые юридическим, морально-правовым, теологическим, индивидуалистическим, корпоративным или другими подходами. Это активно развивающееся и интересное для исследователя профессиональное поле [12], но в нашей работе мы акцентируем другую сторону этического консультирования – философскую терапию, практику, консультирование.

Консультирование как терапия (врачевание)

Хештеги в интернет-поисковиках на пересечении смыслов «этическое консультирование» и «психология», как правило, отсылают к публикациям об этических принципах и нормах практикующих консультантов, а это лишь одна сторона реализации этико-прикладного потенциала профессий, связанных с врачеванием человеческих душ. Медицина и психология утратили монополию на личностную и социальную терапию. Сегодня СМИ, общественные, религиозные организации обсуждают и предпринимают меры преодоления социальных болезней общества [13] – от традиционного алкоголизма до новых зависимостей (интернет, социальные сети, игромания и т.д.). Такая ситуация расширяет спектр технологий этического консультирования, востребованного как отдельными группами людей, так и обществом в целом. Появляются интернет-сайты и блоги, готовые консультировать людей в ситуациях сложного выбора, содержащих моральные дилеммы. Обмен сообщениями на тему этики в рамках интернета ширится и составляет своего рода конкуренцию «реальным» институциям – бюро, агентствам, комитетам. Есть спрос на подготовку по вопросам этики в онлайн-режиме в виде занятий, направ-

ленных на повышение осведомленности в различных областях. Онлайн-консультанты готовы в любое время суток откликнуться и оказывать услуги по решению проблем с этической составляющей¹. Это свидетельствует о том, что сфера этического консультирования все больше «автономизируется», отпочковываясь от государственных структур социальной защиты, опеки и попечительства, от консультирующих организаций (юридических, медицинских), включая общественные.

На пересечении социальной и личностной терапии работают психология, педагогика, а также философия, развивающая еще одну гуманитарную практику – философское консультирование [10, 15]. Специалисты в этой области используют словосочетание «философская болезнь», которым обозначают реальное состояние человеческого существования в мире повседневности, характеризующееся острой чувствительностью к «зову бытия», сопряженного со страхом смерти, социальной изоляции, свободы и бессмысленности жизни [4]. В этой статье мы обратимся к этическому консультированию в психолого-медицинской и социально-педагогической практике в активно развивающемся формате философской практики, или философского консультирования.

Этические задачи философского консультирования

Одним их ключевых аспектов этического консультирования является определение мест практик, где изначально отсутствуют институциональные договоренности, где нет четких диагностических критериев, где «истина» устанавливается в диалоге. Речь идет в первую очередь о центрах: психолого-педагогического консультирования, кризисной помощи, семейного консультирования, а также педагогических консилиумах при образовательных организациях. Психологическая служба системы образования города Красноярска представленная психолого-педагогическими центрами сопровождения детей, подростков, психолого-медико-педагогическими комиссиями, работающими на их базе, а также Кризисная служба и Коуч-центр на базе муниципального Центра психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи (ЦППМиСП) «Эго», реализующие концепцию, находится в условиях столкновения разных этических моделей [14].

Решение сложной и противоречивой задачи этического консультирования видится в практическом использовании метода «философского консультирования», представляющего собой форму индивидуальной или групповой работы на основе серии встреч, органи-

¹ <https://www.workplaceethicsadvice.com/>

зуемых и направляемых философом-консультантом. Ведущий специалист по проблеме философского консультирования, С.В. Борисов, выделяет три подхода: морально-правовой; ориентированный на решение проблем; подход, ориентированный на развитие [4]. В первом подходе реализуется соблюдение баланса «право-обязанность». Задача второго – помощь в развитии навыков критического мышления, с помощью которых клиенты могли бы справляться с будущими личными проблемами и трудностями. И третья группа философских практик обозначена как подход, ориентированный на саморазвитие человека. У нас есть опыт социального и психологического консультирования по всем направлениям обозначенных философских практик. Этический контекст консультирования определен особенностями наших клиентов: прежде всего это дети с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и их родители. В последнее время – дети с аутичными расстройствами. Еще одна группа – подростки с асоциальным поведением и другими проблемами. То есть речь идет о специфике консультирования семей, находящихся в трудной жизненной ситуации, или фрустрированных информацией о наличии у одного из членов семьи какого-либо психического или соматического заболевания. Эти сложные жизненные ситуации дополняются широким и вариативным спектром социокультурных, этнических, религиозных различий.

Этическое консультирование в такой работе предполагает практики, ориентированные на решение проблем (Problem-Solving Approach). Имеющие сходство с психотерапией, эти практики позволяют преодолевать конкретные проблемы клиента, такие как неудовлетворенность работой, семейными отношениями, неадекватную самооценку и др. Но более значимым для нас является погружение в этическое консультирование как философскую и образовательную практику, цель которой – обучение навыкам критического мышления, ответственного выбора, самостоятельного решения этических и моральных дилемм людей, находящихся в сложных жизненных обстоятельствах.

Практики философского консультирования в городе Красноярске

Освоение практик философского консультирования ведется нами в рамках различных социальных и образовательных проектов Центра психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи «Эго». Мы пытаемся реализовывать лучшие отечественные и зарубежные наработки [1, 15] в рамках «развивающего подхода». Это деятельность сообщества Philo-Practice Agora (Р. Лахав) [6], работы А.И. Макарова [7], проекты и публикации С.В. Борисова [3], книги,

статьи, семинары О. Бренифье [5]. Такого рода материалы адаптируются нами для работы по семейному консультированию и другим направлениям.

Связанный с этим ещё один подход направлен на помощь людям в развитии навыков мышления, с помощью которых они могли бы справляться в будущем с личными проблемами и трудностями. Акцент в этом подходе, «ориентированном на мыслительные навыки» (Thinking Skills Approach), делается не на решение конкретных проблем, а на совершенствование инструментов мышления. Согласно документу «Концепция развития психологической службы в системе образования в Российской Федерации на период до 2025 года»², в формировании новой социально-культурной ситуации серьезная роль отводится развитию критического мышления и навыкам этического и морального различения как информационного контента, так и личностных действий.

Третья группа философских практик, которая может быть обозначена как «Подход, ориентированный на саморазвитие» (Development Approach), направлена на обогащение жизни смыслом и мудростью, глубиной и полнотой. Прикладная этика благодаря таким практикам отработывает свой технологический инструментарий: навыки логического мышления, такие как аргументация, логическая состоятельность, анализ понятий, выявление скрытых предпосылок и т. д. Моральная логика и аргументация проявляет здесь свою эффективность и большую успешность в сравнении с правовой, политической, теологической аргументациями, или просто с эмоциональным рассуждением о проблеме, попытками рассуждения на основе принятых в обществе норм.

Философское консультирование такого типа мы проводим в формате «Открытый холл». Это беседы с родителями детей особых образовательных потребностей, без предварительной записи и без ведения какого-либо номенклатурного учета, которые проходят на открытой площадке нашего Центра. Используемая при этом техника философского консультирования обозначается специалистами как «нарративные практики». Тема «беседы-обсуждения» не обговаривается заранее, а определяется общим запросом собравшихся. Пребывание на площадке так же не регламентируется, можно свободно присоединиться к работе группы и выйти из нее. Общим решением участников определяются темы «нарративов» с последующим их рефлексивным анализом, с учетом ключевых позиций без вынесения оценок. Отрабатывается практика наблюдения без интерпретации,

² http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_287411/

ориентация на процесс аргументации, а не на результат. По сути, это техники мышления, которые в своих трудах и лекциях раскрывал «грузинский Сократ» М.К. Мамардашвили: «мораль, совесть не могут быть записаны по содержанию, а всегда рождаются в моменте действия». Философское консультирование в данном случае показывает, что любое знание о человеке носит «незавершенный» характер, человек может меняться в зависимости от «узнавания» знания о себе [8]. По сути, этот подход в консультировании специалисты обозначают «Wisdom Approach» – «подход, базирующийся на мудрости». Помимо критического мышления здесь, задействовано обращение к фундаментальным философским идеям, часто в этом виде практики используются классические философские тексты. Это проблема поиска истины, которая хорошо отражена, к примеру, в «неудобных вопросах» О.Бренифье.

Наверное, можно радоваться тому, что методы тысячелетней давности (ирония Сократа, сомнение Декарта), установки «благоразумия» Аристотеля, «ученого незнания» Н. Кузанского, «заботы о себе» от Сократа до М. Фуко актуализируются далеко за пределами учебной аудитории. С.В. Борисов отмечает, что философская «начинка» этой терапии в том, что, во-первых, ее основу, дающую представление о структуре личности, составляют онтологические принципы экзистенциальной философии, а не биомедицинские или психометрические характеристики личности, используемые в психологической науке. Кроме того, сама процедура консультирования предполагает работу с философскими категориями, в свете которых и происходит осмысление тех или иных мировоззренческих проблем клиента [4, 105].

Возможность использовать философскую практику для медико-психологического и социально-педагогического консультирования, обусловлена глубинными структурами философии как особого способа освоения мира, поскольку философия обращается к самым первичным, самым универсальным и простым основаниям человеческого бытия в мире. Философское консультирование как поиск истины в работе с клиентом нацелено на выбор «авторского решения» клиентом при поддержке консультанта, «сверяющим» соотносительность «выбранной картины мира» и систему целей и ценностей клиента. Одна из успешных техник такого рода, применяемая нами – HomoOptios (Человек Выбирающий). В современном мире вообще достаточно сложно оценивать жизненно важные решения как «авторские». Огромное количество фрустраций, с которыми работают психологи сегодня – именно проблемы переживания отсутствия выбора своего пути, своей жизни. Поэтому вклад философского кон-

консультирования в развитие прикладной и практической этики состоит, на наш взгляд, в развитии навыков рефлексивного мышления, этической аргументации, этического анализа в жизненно трудных ситуациях, навыка выработки взрослых, автономных решений, принятия ответственности за свою судьбу, ответственности за других. Благодаря этой практике «философы могут реализовывать свою ответственность не только по отношению к близкому им сообществу, но и по отношению ко всей современной цивилизации в целом» [4, 133].

Список литературы

1. Ахенбах Г.Б. Основное правило философской практики // Социум и власть. 2016. № 6 (62). С. 99-106.
2. Бахитановский В.И., Согомонов Ю.В. Этика профессии: миссия, кодекс, поступок / Монография / Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2005. 378 с.
3. Борисов С.В. Мексика приглашает: предварительная программа 15-й Международной конференции по философской практике // Социум и власть. 2018. № 2 (70). С. 131-135.
4. Борисов С.В. Теория и практика философского консультирования: компаративистский подход // Социум и власть. 2018. № 2 (70). С. 103-110.
5. Бренифье О. Искусство философской практики: философские установки // Социум и власть. 2018. № 1 (69). С. 80–87.
6. Лахав Р. Философская практика – quo vadis? / Р. Лахав // Социум и власть. 2016. № 1 (57). С. 7-14.
7. Макаров А. И. Социализирующая функция философских практик (на примере метода сократического диалога) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия, социология и социальные технологии. 2012. № 3. С. 121-125.
8. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М.: «Прогресс». 1990.
9. Москвич Ю.Н., Викторук Е.Н. Университеты третьего поколения как реальность: новая миссия и проблемы ее становления. Ведомости прикладной этики. 2018. № 51. С. 70-81.
10. Философия и психотерапия. СПб.: Анатолия, 2014.
11. Этические комитеты и этическое консультирование/ [Электронный ресурс]. – URL: <https://lib.sale/predprinimatelstvo-organizatsiya/eticheskie-komitetyi-eticheskoe-75275.html>
12. Этическое консультирование: модели и подходы/ [Электронный ресурс]. URL: studme.org/97906/etika_i_estetika/eticheskoe_konsultirovanie_modeli_podhody

13. Юдина Т.Н. Словник социальных болезней современной России. [Электронный ресурс]. URL: <https://bstudy.net/679406/sotsiologiya/sotsialnye_bolezni_sovremennyh_obschestv>

14. Юрков Д.В. "Нарративные практики " в философском консультировании родителей и детей с РАС. В сб.: Этика меняющегося мира: теория, практика, технологии». Красноярск, КГПУ им. В.П. Астафьева. 2017. С. 106-113.

15. Язык философской практики: краткий словарь-презентация / Под. ред. С. В. Борисова; пер. С.В. Борисова, Е.Г. Миляевой, Р.В. Пеннер, К.Е. Резвушкина. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2018. – 192 с.

16. *Marinoff* Lou. Plato Not Prozac. New York: HarperCollins, 1990.

17. Core Competencies for Healthcare Ethics Consultation: The Report of the American Society for Bioethics and Humanities [Электронный ресурс]. URL:<<https://repository.library.georgetown.edu/handle/10822/1019463>>

**Гиря дошла до пола?
Случай в ИД «Коммерсантъ»
как новый этап развития конфликтного дуализма
в современной отечественной журналистике**

Аннотация. Случаи конфликта норм профессиональной этики журналиста и корпоративной этики редакции-организации, в которой он работает, со времен «казуса Парфенова» все чаще становятся достоянием гласности. Речь идет о ситуациях, в которых журналист, оказавшись перед сложным профессионально-нравственным выбором между требованиями норм профессии и норм редакции-организации, нередко выбирает первое – наперекор ожиданиям работодателя, теряя при этом рабочее место. Так произошло и в ситуации с «Коммерсантом». Однако ряд характеристик этого конфликта позволяет зафиксировать качественно новый его характер.

Ключевые слова: профессиональная этика журналиста, корпоративная этика СМИ, дуализм, профессиональное сообщество, корпоративные правила и нормы.

Кризис идентичности журналистики не одно десятилетие занимает лидирующее место в повестке дня профессионального и научного сообщества. Последние пятнадцать-двадцать лет этот кризис характеризуется ситуацией дуализма профессиональной этики журналиста и корпоративной этики организации, в которой он работает. Вопрос о том, какие ценности приоритетны для журналиста, если он является работником организации, вынужденным подчиняться ее требованиям, и профессионалом, обязанным ориентироваться на ценности своего «цеха», осложняется конфликтностью этих требований. Самоопределение журналиста в этой непростой моральной ситуации – решение не только относительно личного профессионального пути журналиста, но и судьбы профессии. И если в начале этого кризиса профессии конфликты между журналистами и собственниками не выходили за рамки редакционных стен, хотя редкие исключения были, в последнее время конфликт приобрел публичность и даже общественную значимость: журналисты придают гласности причины своего увольнения (как правило, это давление собственников, то есть фактически приуменьшение ценностей журналистской профессии). Одним из ярких примеров последнего времени стал конфликт между журналистами и собственниками в ИД «Коммерсантъ».

Увольнение журналистов: повод и причины

20 мая 2019 года стало известно, что из «Коммерсанта» увольняются два ведущих журналиста издания — специальный корреспондент Иван Сафронов и редактор отдела политики Максим Иванов. В течение часа после объявления об этом увольнении заявления об уходе подали все сотрудники (11 журналистов) отдела политики «Коммерсанта» — в знак несогласия с «решением акционера». Всего из «Коммерсанта» ушли 13 человек. Вскоре оставшийся коллектив редакции написал открытое обращение к читателям «Коммерсанта» [4], в котором выразил свою солидарность с уволенными коллегами и оценил происшедшее как «губительное для редакции», как открытое давление на журналистов и на свободу слова.

Формальным поводом для увольнения послужила заметка «Спикеров делать из этих людей» [20], в которой сказано о возможном уходе Валентины Матвиенко с поста Председателя Совета Федерации. Текст был опубликован 17 апреля. И в течение месяца он не вызывал никаких претензий. Более того, по традиции редакции журналисты получили символические денежные премии — как авторы лучшего материала номера. Отметим также, что у заметки было пять авторов: кроме Сафронова и Иванова, Наталья Корченкова, Анастасия Мануйлова, Олег Сапожков.

Иван Сафронов и Максим Иванов покинули редакцию по требованию владельца и Издательского дома Алишера Усманова. Разумеется, это решение было транслировано генеральным директором и главным редактором «Коммерсанта» Владимиром Желонкиным.

Каждая из сторон этого конфликта понимает истинную причину увольнения по-своему.

Позиция главного редактора

Владимир Желонкин объясняет причину увольнения своих журналистов тем, что они «нарушили редакционные стандарты “Коммерсанта”» [10]. Но ни в одной из многочисленных публикаций на эту тему не указывает, какие именно нормы были нарушены. «Мною, шеф-редактором ИД “Коммерсантъ” было принято решение расстаться с двумя журналистами, Иваном Сафроновым и Максимом Ивановым, не из-за содержания конкретной заметки, а из-за нарушения последними стандартов профессиональной журналистской деятельности и редакционных правил ИД “Коммерсантъ”», — более полно цитирует его The Bell [2]. В разговоре с «Медузой» Желонкин сказал, что видел материал перед публикацией, но информация о нарушении стандартов появилась у него после выхода текста [17]. Увольнение сотрудников отдела политики главред расценил как «ложную солидарность с целью оказания давления на руководство ИД».

Позиция собственников

Сам Алишер Усманов занял вполне безопасную позицию, соответствующую требованиям законодательства о СМИ. Он заявил через своего представителя, что «узнал об увольнении сотрудников «Коммерсанта» из сообщений прессы. Акционер не вмешивается в редакционную политику и тем более не принимает решений по увольнению или приему на работу журналистов» [2].

Подробности о позиции собственников узнаем из слов Ивана Стрешинского [7], председателя совета директоров «Коммерсанта» и главы USM Group. Акционеров смутило, что «большая новость по поводу третьего лица государства» основывается «исключительно на анонимных источниках, причем на первой странице газеты». Из этого собственники сделали вывод: «эта новость явно носит признаки фейковой». Поэтому главному редактору было дано задание «проверить то, как была проведена журналистская работа — какие были источники, кому звонили, кого спрашивали, где какие подтверждения получали». При этом Стрешинский понимает, что «не имеет право задавать такой вопрос и не имеет права обладать такой информацией». Но для него важно, «чтобы главный редактор, *которому доверяет совет директоров и акционер* (курсив наш. —А.В.), подтвердил, что журналистами была проделана добросовестная работа перед тем, как эта статья была опубликована».

Журналисты не стали раскрывать источники информации главному редактору, что дало основание председателю совета директоров считать публикацию заказной: «А мы очень не хотим, чтобы газета использовалась как сливной бачок для внутривластной борьбы». Впрочем он не исключает и другого варианта: журналисты просто не доверяют главному редактору, тогда могут ли они работать в издании?

Как стало ясно из интервью Ивана Стрешинского, появление редакционного скандала в публичной сфере очень расстроило собственников, потому что они просили журналистов: «Давайте расстанемся по соглашению сторон, вы получите деньги, и мы не выносим это в публичную плоскость». Собственники были уверены, что публичность скандала негативно отразится на репутации журналистов.

Коллективное письмо-обращение к читателям Стрешинский расценил как «наполовину неправду, наполовину непонимание реальной ситуации».

И еще один важный вывод из его понимания ситуации в редакции «Коммерсанта»: «Есть футбольная команда – в ней есть игроки. Так вот, ни один игрок не больше команды».

Позиция журналистов

Заместитель шеф-редактора газеты Глеб Черкасов, который тоже уволился, сказал The Bell, что уверен в добросовестности журналистов: «Я выпускал этот номер, получал пояснения от авторов по ходу работы над материалом и на сто процентов уверен в том, что ни о какой «заказной» подоплеке речи быть не может» [2]. Один из авторов статьи Максим Иванов назвал подозрения акционеров «не имеющими под собой никаких оснований».

Кроме того, Черкасов так прокомментировал решение об увольнении: «У акционера есть право принимать кадровые решения (напомню: Алишер Усманов заявил, что акционер «не принимает решений по увольнению или приему на работу журналистов» – А.В.), а у сотрудников есть право с ними не соглашаться единственно возможным способом – сменой места работы». Спустя несколько дней после увольнения на своей страничке в ФБ Глеб Черкасов задает себе вопрос: «Мог ли поступить иначе?» и отвечает: «Нет. Ответственность за вышедший текст несет, прежде всего, редактор. Сам по себе журналист не может опубликовать текст, решение принимает редактор. Отправить парней на улицу и отдавать после этого распоряжения, включив редакционную систему – ну, наверное, так можно. Я не умею. Могут ли быть претензии к тексту? Да, наверное. Нет идеальных текстов, которые нравятся всем, не написано еще... Нормальны ли правила, по которым живут СМИ? Нет, совсем нет» [8].

Чуть позже в одном из своих интервью Черкасов разовьет эту тему: «После решения об увольнении Иванова и Сафронова у меня просто нет морального права в следующий раз давать какие-то задания. Я и так уже ловил себя на том, что придумываю какую-то тему, но не хочу ее никому поручать, потому что к ним потом могут прикопаться. У меня не было никаких гарантий, что следующий текст, написанный любым моим сотрудником, не повлечет такого же эффекта. Тогда что?» [19].

В отличие от многочисленных предыдущих конфликтов (до этого аналогичные события разворачивались в Ленте.ру, РБК, в «Ведомостях» и др.), в результате которых журналистам приходилось покидать редакции, скандал в «Коммерсанте» примечателен внятной и обоснованной реакцией профессионального сообщества. И прежде всего двух его субъектов: оставшихся журналистов редакции и Союза журналистов России.

Добавим еще любопытное замечание одного из уволенных журналистов «Коммерсанта», который на замечание о нарушении стандартов сказал: «Но если у «Ведомостей» есть знаменитая «Догма», то у нас ничего подобного нет» [17].

Позиция профессионального сообщества

Как уже было сказано, журналисты, которые после увольнения 13-ти человек остались на рабочих местах, написали открытое обращение к читателям [4]. В нем, в частности, говорится о том, что уволенным журналистам «кадровое решение объяснили требованием акционера ИД, бизнесмена Алишера Усманова» (вновь ко времени вспомнить комментарии главного акционера на эту тему – А.В.). Коллеги опальных журналистов уверены, что «Заметка полностью отвечала стандартам "Ъ", который всегда опирается на надежные и проверенные источники», и напоминают, что журналисты были премированы за этот материал как лучший в номере. На требование акционеров раскрыть источники информации в письме содержится важное напоминание: «Согласно закону о СМИ и трудовому договору сотрудников "Ъ", редакция обязана сохранять в тайне источник информации и не вправе называть лицо, предоставившее сведения с условием неразглашения его имени. Единственное исключение — наличие судебного запроса».

Из письма-обращения становится ясно, что коллектив редакции пытался защитить своих коллег, отстоять их права, то есть обращался к акционеру и его представителю с просьбой не увольнять двух авторов заметки.

«Коллектив "Коммерсанта" – штатные, внештатные, региональные, технические сотрудники; коллектив сайта ИД и радиостанции "Ъ-FM" – считает их (журналистов – А.В.) увольнение ничем не обоснованным, губительным для редакции, а также открытым проявлением давления на свободу слова в России», – делают вывод авторы письма.

Очень важная часть письма содержит отсылки к редакционным стандартам Издательского дома, которые формировались три десятилетия: «За это время издание сменило нескольких владельцев и главных редакторов, но продолжало работать по высоким редакционным стандартам. Теперь в эти стандарты вмешались люди, добившиеся несомненного успеха в иных сферах, но не имеющие прямого отношения к журналистике».

Сотрудники «Коммерсанта» уверены: «Мы вынуждены признать, что речь идет о прямом давлении на журналистов».

Из-за такого увольнения коллег, считают журналисты, «читатели, партнеры и рекламодатели ИД будут лишены качественного и непредвзятого освещения ряда внутривнутриполитических событий».

Особого внимания и дальнейшего анализа потребует в будущем еще одна часть письма-обращения. В истории современной журналистики это, пожалуй, можно назвать прецедентом: журнали-

сты впервые обращаются за защитой к обществу, к своим читателям (и мы еще вернемся к этой теме): «Возможно, среди наших читателей найдутся те, кто способен объяснить акционерам ИД, что прямо сейчас они разрушают одно из лучших СМИ России. Работа «Ъ» важна для всего общества и всей нашей страны. Те, кто уничтожают его ради краткосрочных политических дивидендов, плохо знают историю России. Мы уверены, что наша страна достойна лучшего будущего. Достойна свободы слова». Письмо подписали 180 человек.

Впервые за долгое время внятно обозначил свою позицию и Союз журналистов России, опубликовав на своем сайте слова поддержки уволенным журналистам и озабоченность самой ситуацией. «В СЖР полагают, что вмешательство акционеров в редакционную политику издания нарушает закреплённое в Конституции РФ право граждан на свободу слова и свободу информации. Союз журналистов России выражает солидарность с журналистами, вынужденно покидающими место своей работы, и всегда готов оказать коллегам необходимую юридическую помощь» [12].

Солидарность с коллегами выразил и редактор отдела политики «Новой газеты» Кирилл Мартынов. Его позиция читается в самом заголовке материала на эту тему: «Журналисты “Коммерсанта” поставили ценности профессии выше интересов владельцев издания и собственного “золотого парашюта” [11]. Но его колонка интересна и глубоким анализом ситуации. Он обращает внимание на то, что российские собственники СМИ оказались встроенными «в многочисленные системы связей с конкретными государственными чиновниками, их друзьями и активами», поэтому «о чем бы вы ни писали, вы рискуете задеть клиентуру владельца вашего издания и быть уволенным. Геометрия российской цензуры трансформируется: там, где раньше искали двойную сплошную линию, теперь находят хаотически расставленные ловушки».

Мартынов восхищен «настоящим бунтом профессионалов» (в отличие от коллег, которые попадали в такие же ситуации), решивших остаться без денежного пособия, но открыто заявить «о своей позиции в отношении некомпетентного управления газетой». Он предполагает, что журналистов уволили не из-за версии о судьбе Матвиенко и Нарышкина – «такое назначение, в свою очередь, может быть частью большой перестройки политсистемы под главную проблему, стоящую сегодня перед Кремлем: транзитом власти за горизонтом 2024 года». Поэтому, возможно, журналистов уволили «за то, что они могли бы написать в дальнейшем с опорой на те же источники».

Неожиданной можно назвать позицию Андрея Колесникова, журналиста «Коммерсанта». С одной стороны, он вспоминает о стандартах газеты, в том числе о том, что «заметка не должна быть основана только на анонимных источниках. Они не исключались, но кроме них должно быть еще что-то в заметке. Фактура какая-то, что ли». Поэтому злополучную заметку, уверен Колесников, «нельзя было, конечно, так писать. Да и печатать». С другой стороны, он считает, что увольнять за это – тоже нельзя, «потому что каждый может ошибиться» [3]. Примечательно, что сам Колесников не стал подписывать коллективное письмо-обращение, заметив, что оно плохо написано. В обсуждении под этим постом в ФБ собеседники возразили ему: «Проблема, в которую упёрся «Ъ», этическая. По сути-то от «Коммерсанта» требуют не придерживаться профессиональных стандартов Милославского, а принять стандарт цензуры акционера».

У бывшего издателя «Медузы» Ильи Красильщика происшедшее не вызвало удивления. Как он написал на своей странице в ФБ: «удивительно, наверное, только то, что по-прежнему еще есть кого и откуда увольнять за то, что они делают свою работу».

Журналист и член Общественной коллегии по жалобам на прессу, Владимир Познер, посчитал ситуацию абсолютно неприемлемой, напомнив, что сообщить источник информации журналисты имеют право только в суде [18].

Журналист Антон Орех, как и журналисты «Коммерсанта», вспомнил о представителях общества: «Профессионалы тонут в бесконечных компромиссах и сделках со своей совестью на всё менее и менее выгодных условиях. Мы боремся за возможность писать и говорить, но у миллионов россиян нет потребности читать и слушать. Нет, простите, и потребности думать и анализировать. Жвачка для глаз, ушей и мозгов – вот это же гораздо лучше. А честная журналистика работает ради собственного выживания» [5].

Позиция экспертов

Также с критикой выступил сопредседатель Общественной коллегии по жалобам на прессу, глава Совета по правам человека при Президенте РФ Михаил Федотов. Он выразил глубокую обеспокоенность и призвал руководство ИД соблюдать закон о СМИ: «Мы призываем руководство издательского дома вспомнить закон о СМИ, в котором ясно прописаны права и обязанности журналистов, гарантии их независимости и ответственности перед своей аудиторией. Одновременно мы обращаемся к владельцам издания: воздержание от вмешательства в дела редакции – это хороший тон и залог успеха», – заявил Федотов [15].

Руководитель Центра защиты прав СМИ Галина Арапова отметила, что «принимать решения о кадровых перестановках в редакции должен не акционер, а генеральный директор издания. Но юридических оснований для увольнения за публикацию прогнозов кадровых перестановок, как утверждает эксперт, нет: «Юридически это даже смешно обсуждать. Здесь нет повода не то, что для увольнения журналиста, нет повода даже для опровержения. Просто есть неприкасаемые люди и неприкасаемые темы» [16].

Адвокат, к.ю.н. Александр Зорин, ссылается на ст. 49 Закона РФ от 27.12.1991 №2124-1 «О средствах массовой информации», согласно которой журналист обязан соблюдать устав редакции, с которой он состоит в трудовых отношениях. «В Уставе редакции наверняка были изложены критерии дозволенного в этическом плане» [21], – предполагает юрист.

Политолог, профессор НИУ ВШЭ Олег Матвейчев считает, что «коммерсантовцы повели себя абсолютно не профессионально. Во-первых, потому что в принципе работали с телеграм-каналами, во-вторых, что они даже если теоретически позвонили кому-нибудь на уровне секретарши, то это означает, что люди просто не понимают, кто может владеть какой-то информацией, а кто нет. Только за вот эти два нарушения их следует уволить, потому что они портят репутацию солидной газеты. Нельзя делать из них героев, которые не сдают свои источники. Потому что нет тех источников, которые можно было бы не сдать. Релевантный источник в случае с третьим лицом государства – три-пять человек, с которыми они в принципе не могли разговаривать» [21].

В частности, только за последнее время за нарушение корпоративной этики были уволены сотрудники Wall Street Journal, CNN, BBC... Никакого цехового резонанса за рубежом это не вызвало.

Политик Григорий Явлинский назвал увольнение журналистов «Коммерсанта» знаковым событием, обратив внимание на комментарий пресс-секретаря президента Дмитрия Пескова, который сказал, что происшедшая ситуация – «исключительно корпоративный вопрос».

«Корпорация – это то, как кремлевские власти представляют себе российское государство, – считает Явлинский. – Суть этого события в том, чтобы в условиях набирающей обороты борьбы за власть между силовыми группировками показательно заткнуть рот СМИ, запугать журналистов – чтобы без указания не лезли не в свое дело. Какое-либо мало-мальски значимое участие общества в определении судьбы страны в путинской системе не предусмотрено, а потому профессиональные политические журналисты не нужны и даже

опасны». Поэтому обсуждаемая проблема носит политический характер: «в современной России журналистика должна обслуживать власть, а интересы общества для корпорации значения не имеют» [19].

Политик напоминает время, когда уже проблему в СМИ власти называли «корпоративным вопросом» – 19 лет назад, когда разогнали НТВ: «Тогда Кремль назвал уничтожение свободы слова “корпоративным вопросом” “Газпрома”, сейчас там говорят, что это “корпоративный вопрос” Усманова».

Позиция чиновников

Позиция чиновников оказалась довольно однозначной. Так, пресс-секретарь президента Дмитрий Песков заявил: «Кремль не может вмешиваться в ситуацию вокруг увольнения журналистов "Коммерсанта", это исключительно корпоративный вопрос» [13].

В Министерстве цифрового развития, связи и массовых коммуникаций свели конфликтную ситуацию к вопросу о правах главного редактора СМИ. Ведомство намерено настаивать на праве главного редактора СМИ увольнять сотрудника, работа которого его не устраивает. Замглавы министерства Алексей Волин считает, что «любой работник, которому не нравится его работодатель, может его сменить, равно как работодатель расстаться с тем работником, который его не устраивает. Работодатель не может не вмешиваться в работу корреспондента, потому что главный редактор отвечает за все, что происходит в СМИ. Главный редактор решает, с кем ему работать и как ему работать, если ему (журналисту) это не нравится, он может пойти и организовать собственное СМИ» [6].

Выводы

Итак, сама рассматриваемая нами ситуация в издательском доме «Коммерсантъ» представляет собой очередной кейс по проблемам профессиональной этики журналиста. Он ярко характеризует конфликтность ситуации дуализма, в котором сегодня находятся многие журналисты, пытаясь лавировать между правилами и нормами своей профессии и требованиями редакции-корпорации, в которой он работают. Кейс показывает проблему: могут ли ценности профессии и ценности корпорации быть согласованы, всякие компромиссы имеют свои границы, и ситуация в конце концов разрешается конфликтом. Несмотря на то, что в последнее время подобные ситуации в отечественной журналистике нередки, случай с «Коммерсантом» имеет ряд своих особенностей.

Во-первых, если несколько лет назад подобные конфликты носили внутриведомственный характер, то есть почти никогда не выхо-

дили в публичную сферу, стороны предпочитали не выносить сор из избы (напомню: на это же надеялись и собственники ИД «Коммерсантъ», используя точно такое же выражение, ровно этот фразеологизм звучал и в случае с увольнением Леонида Парфенова из НТВ), журналисты «Коммерсанта» намеренно придали ситуацию гласности: это сделали сначала уволившиеся сотрудники, пожертвовав при этом материальными благами, а потом и те, кто остался, не побоявшись в сложившейся ситуации последовать за своими коллегами. Почему же журналисты, спустя много лет после того, как это первым сделал Леонид Парфенов [1, 162], решили «вынести сор из избы»?

Как представляется, причина кроется не только в желании журналистов проинформировать общество об ограничениях, которые препятствуют выполнению профессионального долга, а значит и обеспечению общества достоверной информацией. Осмелимся предположить, что таким образом профессиональное сообщество обращается к обществу за поддержкой и защитой. В своем коллективном письме, напомню, журналисты это сделали прямо: «Возможно, среди наших читателей найдутся те, кто способен объяснить акционерам ИД, что прямо сейчас они разрушают одно из лучших СМИ России. Работа «Ъ» важна для всего общества и всей нашей страны». И в этом смысле случай «Коммерсанта» можно считать прецедентом. Практически утратив доверие общества, журналисты (речь – о профессиональном сообществе в целом, а не конкретно о «Коммерсанте») «возвращаются к своим берегам», надеясь на спасение. Можно сформулировать и совсем пафосно, но это будет даже точнее: журналисты возвращаются к тому, что составляет основу миссии их профессии – общество и его интересы. Но услышат ли сегодня этот сигнал SOS зрители, читатели, слушатели и пользователи? Признаться, это вызывает сомнение, и журналисты сами приложили к этому руку.

Во-вторых, прецедентным этот случай делает и реакция профессионального сообщества. В здоровом обществе это нормальная, профессиональная, реакция коллег по цеху. Но за последние годы журналистское сообщество настолько разделилось даже в рамках одной редакции, что нормой стало его молчание и игнорирование положения коллег. В обсуждаемом кейсе особую роль, конечно, играет открытое письмо оставшихся журналистов «Коммерсанта» и поддержка Союза журналистов России, особенно – его внятная позиция относительно сложившейся ситуации. С осторожностью можно оценить это как первый шаг к преодолению многолетнего и затянувшегося кризиса профессионального сообщества – важного признака

журналистики, наличие которого позволяет относить ее к профессии, а не к сфере услуг.

В-третьих, конфликтная ситуация в редакции и споры вокруг нее стали поводом для того, чтобы журналисты открыли свои внутриведомственные стандарты, «правила игры». В публичной плоскости в последнее время находилась только «Догма» газеты «Ведомости», документы других СМИ в сети Интернета найти, как правило, не удастся. И хоть стандарты «Коммерсанта» появились пока только в социальной сети Фейсбук, есть надежда, что вскоре они появятся и на сайте ИД.

Выложить в открытый доступ стандарты «Коммерсанта» журналистов во многом заставил спор о том, насколько профессионально работали уволенные сотрудники с анонимными источниками информации. Использование анонимных источников информации в журналистике – рискованное поле. В этом признается и ушедший вслед за коллегами заместитель главного редактора «Коммерсанта» Глеб Черкасов: на вопрос о том, насколько журналисты, работая с анонимными источниками, могут быть уверенными в том, что источники говорят правду и не преследуют свою цель, он ответил: «Свою цель они преследуют всегда. Никогда мы не можем быть уверены и доверять нельзя никому. И надо как можно больше и энергичнее заниматься фактчекингом (проверка фактов на достоверность – А.В.). Другой вопрос, что в нашей реальности все должно быть очень быстро, поэтому выдерживать [фактчекинг] довольно сложно, особенно в такой тонкой штуке, как назначения и увольнения» [19].

В стандартах «Коммерсанта» в пункте 4 находим правила [3]: «Анонимный источник может быть использован только в следующих случаях: а) если объяснено, почему у “Ъ” нет официального источника; б) если объяснено, почему источник предпочитает говорить в анониме; в) если информация источника подтверждается (пусть даже косвенно) другими фактами; г) если информация источника не является сенсацией».

Поскольку все-таки истинной причиной увольнения журналистов послужило не нарушение ими стандартов работы с анонимными источниками информации и не заказанный характер публикации, нам придется уйти от соблазна проанализировать, насколько (не)верными являются эти обвинения собственников.

Зафиксируем еще раз важный шаг: внутрикorporативные «правила игры» становятся открытыми документами. Для исследователей журналистики и ее профессиональной этики это ценный материал для понимания того, насколько эти правила расходятся или совпадают с правилами и нормами профессии. В обществе, среди чита-

телей, зрителей, слушателей и пользователей, эта открытость формирует (не)доверие к СМИ.

Однако, судя по многочисленным комментариям и мнениям о происшедшем в «Коммерсанте», ориентиром для принятия решений в редакции были не указанные стандарты, а редакционная политика, которую, по словам Черкасова, определяет главный редактор. И это не проблема отдельно взятой редакции, но и профессиональной этики журналиста в целом. И Черкасов очень четко охарактеризовал ее: «Есть хитро выстроенная редакционная политика... иногда до боли напоминает цензуру. ... При этом нет четкого свода правил. Редакционная политика предполагает теми, кто ее толкует, очень разные варианты использования. Если ты главный редактор, то можешь считать, что редакционная политика – в том, что мы не пишем о неподтвержденных расследованиях. Главный редактор определяет редакционную политику, и он имеет право на некие свои взгляды. Общие правила в нем выглядят достаточно размытыми, поэтому все очень индивидуальненько. Ведь главная беда в том, что каждый раз это мануальные действия, все неформализовано» [19].

Можно ли это назвать проблемой институционализации норм корпоративной этики (или редакционной политики)? Или отсутствие таких «правил игры» собственно и есть суть редакционной политики многих современных редакций-корпораций?

Поэтому Черкасов надеется, что скандал послужит поводом для того, чтобы в «Коммерсанте» появились четкие правила игры, в том числе и главные – правила о границах влияния собственников на профессиональную деятельность журналистов, а не «хаотично расставленные ловушки».

Немаловажная тема, навеянная скандалом в «Коммерсанте», – фигура и статус генерального директора и главного редактора. Собственники ИД возмутились тем, что журналисты не раскрыли главреду источники информации, хотя и по закону о СМИ, и согласно профессионально-этическому кодексу российского журналиста (1994 года), «журналист сохраняет профессиональную тайну в отношении источника информации, полученной конфиденциальным путем. Никто не может принудить его к раскрытию этого источника. Право на анонимность может быть нарушено лишь в исключительных случаях, когда имеется подозрение, что источник сознательно исказил истину, а также когда упоминание имени источника представляет собой единственный способ избежать тяжкого и неминуемого ущерба для людей» [14]. Этот единственный случай в законе обозначен как суд.

Но проблема в другом. Почему журналисты не поделились с ним информацией? Ответ, как представляется, очевиден, хотя он

может быть и не единственным. Журналисты не стали раскрывать главреду источники информации потому, что они ему не доверяли как своему коллеге, как журналисту. Главред – лицо, как правило, назначенное собственником, диктующее свои «правила игры». Он стоит несколько особняком от журналистского коллектива. Исключением из этой тенденции можно считать радио «Эхо Москвы» и «Независимую газету». Более того, главный редактор в современных СМИ – незавидная должность. Точно это подметил тот же Глеб Черкасов: «Просто в нынешней системе координат, в которой живет, кстати, не только “Коммерсантъ”, можно назначить главным редактором кого угодно. Можно даже назначить самого что ни на есть твердого человека, но ему все равно придется вышаркиваться и находиться под постоянным давлением... Он защищен только умением выворачиваться» [19]. Очевидно, что такое неустойчивое положение главного редактора требует инвентаризации. Судя по тому, что произошло в «Коммерсанте», он не является самостоятельной фигурой, хоть чиновники Минсвязи и уверяют: «Главный редактор решает, с кем ему работать и как ему работать».

Завершая анализ случая, происшедшего в ИД «Коммерсантъ», следует еще раз подчеркнуть, что в череде отечественных конфликтов, которые происходят в ситуации дуализма профессиональной этики журналиста и корпоративной этики организации, в которой он работает, его можно рассматривать как новый этап. Этот этап характеризуется не только сменой его характера: из имплицитного он становится эксплицитным. Но можно говорить и о качественном изменении этого конфликта: свое место в нем обозначает такой субъект, как профессиональное сообщество, особое значение приобретает общество (читатель, зритель, слушатель, пользователь) и формализованные нормы и ценности профессии. И хоть для уволенных журналистов и ушедших по собственному желанию их коллег – это сложная жизненная и профессиональная ситуация, для развития профессиональной этики отечественной журналистики в целом и для преодоления конфликтного дуализма в частности – это добрый знак. Он позволяет надеяться на то, что подобный выбор (его можно назвать поступком в современной ситуации) журналистов и профессионального сообщества, ориентированный на профессиональные ценности, приблизит профессию к выходу из долгого и затянувшегося кризиса.

Список литературы

1. *Абилькенова В.А.* Самоопределение журналиста: профессиональная этика versus корпоративная этика: монография / под ред. В. И. Бакштановского. – Тюмень: ТИУ, 2018.

2. Акционеры «Коммерсанта» объяснили увольнение журналистов подозрением в заказе [электронный ресурс]. Дата обращения 31.05.2019. URL <<https://thebell.io/aktsionery-kommersanta-obyasnili-uvolnenie-zhurnalistov-podozreniem-v-zakaze/>>

3. Андрей Колесников https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=2491312227566116&id=100000620902862&hc_location=ufi%D1%81%D0%B1%D1%83%D0%BA

4. Андрей Райский <https://www.facebook.com/andrey.rayskiy/posts/2313288158918681>

5. Антон Орех. Без твердого знака. Антон Орех о реакции на увольнение журналистов «Коммерсанта» [электронный ресурс]. Дата обращения 31.05.2019. URL <<https://www.mbk.news/sences/bezt-verdogo-znaka-anton/>>

6. В Минкомсвязи прокомментировали ситуацию с увольнением журналистов "Коммерсанта" [электронный ресурс]. Дата обращения 31.05.2019. URL <<https://tass.ru/obschestvo/6469590>>

7. «Вы получите деньги, и мы не выносим это в публичную плоскость». Иван Стрешинский, председатель совета директоров «Коммерсанта» и глава USM Group1, – о позиции акционеров в громком конфликте внутри «Ъ» [электронный ресурс]. Дата обращения 31.05.2019. URL <<https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/05/21/80602-vy-poluchite-dengi-i-my-ne-vynosim-eto-v-publichnuyu-ploskost>>

8. Глеб Черкасов https://www.facebook.com/pygach?_tn_=%2-CdICH-R-R&eid=ARCXj_ECoFqHzlJH5a0wJc7PwOVKkeMJTleDfruzBL-b8GQSSeCdNtwO33B53KyDxD3Zzoq3K1_DnkJz&hc_ref=ARSDh8WaDK4DP2vZAtwZbISfuS7PkEx7DgHAOWBgcVlffgtA3r_E2RPY7mpxbpDxDMs

9. Григорий Явлинский. <https://www.facebook.com/yavlinsky.yabloko/>

10. Журналисты «Коммерсанта» покинут издание из-за статьи о Матвиенко [электронный ресурс]. Дата обращения 31.05.2019. URL <<https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2019/05/20/801841-zhurnalistov-kommersanta>>

11. «Журналисты "Коммерсанта" поставили ценности профессии выше интересов владельцев издания и собственного «золотого парашюта» [электронный ресурс]. Дата обращения 31.05.2019. URL <<https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/05/20/80593-tverdyu-znak>>

12. Заявление СЖР по поводу ситуации в Издательском доме «Коммерсантъ» [электронный ресурс]. Дата обращения 31.05.2019. URL <<http://www.ruj.ru/news/novosti/po-povodu-situatsii-s-izdatelskim-domom-kommersant-/>>

13. «Исключительно корпоративный вопрос». Песков прокомментировал увольнение журналистов «Коммерсанта» [электронный ресурс]. Дата обращения 31.05.2019. URL <https://www.dp.ru/a/2019/05/21/lskljuchitelno_korporativ>

14. Кодекс профессиональной этики российского журналиста Союза журналистов России [электронный ресурс]. Дата обращения 31.05.2019. URL <<https://presscouncil.ru/teoriya-i-praktika/dokumenty/633-kodeks-professionalnoj-etiki-rossijskogo-zhurnalista>>

15. Коллегия по жалобам на прессу осудила увольнения журналистов «Коммерсанта» [электронный ресурс]. Дата обращения 31.05.2019. URL <<https://anri.org.ru/2019/05/23/kollegija-po-zhalobam-na-pres-su-osudila-uvolnenija-zhurnalistov-kommersanta/>>

16. «Коммерсант» остался без политики [электронный ресурс]. Дата обращения 31.05.2019. URL <<https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/05/20/80592-kommersant-ostalsya-bez-politiki>>

17. Медуза. Кризис в «Коммерсанте». «Медуза» выяснила, как увольнение журналистов обсуждали внутри газеты — и почему авторы статьи про Матвиенко отказались раскрывать свои источники [электронный ресурс]. Дата обращения 31.05.2019. URL <<https://meduza.io/feature/2019/05/20/krizis-v-kommersante>>

18. Познер раскритиковал увольнение журналистов «Коммерсанта» [электронный ресурс]. Дата обращения 31.05.2019. URL <<https://news.ru/obshchestvo/pozner-raskritikoval-uvolnenie-zhurnalistov-kommersanta/>>

19. «Редакционная политика иногда до боли напоминает цензуру». Интервью покинувшего «Коммерсантъ» замглавреда Глеба Черкасова [электронный ресурс]. Дата обращения 31.05.2019. URL <<https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/05/30/80708-redaktsionnaya-politika-inogda-do-boli-napominaet-tsenzuru?fbclid=IwAR08inOAw51Ex6S-GjMOsebnDYZWmh68TVuEmkxr-4ndUveShtgwIP4X18c>>

20. Спикеров делать из этих людей [электронный ресурс]. Дата обращения 31.05.2019. URL <<https://www.kommersant.ru/doc/3946207>>

21. Увольнение журналистов «Коммерсанта». Мнения экспертов [электронный ресурс]. Дата обращения 31.05.2019. URL <http://rapsinews.ru/incident_publication/20190521/299388288.html>

В рубрике «Из истории инновационной парадигмы прикладной этики» в этом выпуске журнала предпринимается републикация статьи из сборника научных трудов «Гуманитарные проблемы освоения», изданного в 1990 году Тюменским научным центром СО РАН СССР и Философским обществом СССР¹.

Выбор статьи связан не только с тем, что ее автор – В.И.Бакштановский – является одним из разработчиков концепции инновационной парадигмы прикладной этики. В статье 1990-го года В.И.Бакштановским обсуждается возможность конституирования концепции гуманитарной экспертизы и консультирования, в том числе как гуманитарной технологии принятия решений. Особое внимание уделяется обостряющимся «в переломных пограничных ситуациях жизни общества» проблемам морального выбора. А также ответу прикладной этики на запрос испытывающего глубинные трансформации общества – запрос, связанный, прежде всего, с экспертным и консультативным потенциалом этико-прикладного знания.

Прецедентность текста можно усмотреть в возможности влияния проблематизаций, сформулированных почти тридцать лет назад, на развитие рефлексии о ситуации в современной прикладной этике, в том числе о ее консультативной функции.

Так, например, вопрос о *современности* этического знания, актуальность которого автор соотносит, в том числе с «открытием новых проблем, вызванных инновациями в человеческой деятельности», и в целом – со способностью этического знания «ставить и решать вечные вопросы в переломных ситуациях жизни общества».

Или – метод игрового моделирования процесса поиска решения, определяемый как адекватный «таинству морального выбора», «создающий возможность диалога ученого с моральным субъектом, в процессе которого происходит гуманитарное консультирование альтернативных вариантов свободного выбора».

И наконец, вопрос (неэвристичный, с точки зрения автора, без самоиронии): «Может ли этика спасти мир?», который переформулируется в формат вопроса целезадающего: «Что может и что должна этика?», а также «Чего не хочет и почему не хочет этика?».

¹ Гуманитарные проблемы освоения. Сборник научных трудов / Под ред. В.И. Бакштановского, Т.С. Караченцевой. Издание Тюменского научного центра Сибирского отделения РАН и Философского общества СССР. Тюмень: Тюменский научный центр СО РАН, 1990. – 241 с.

В.И. Бакштановский

«ПОНИМАЮЩАЯ ЭТИКА»:
КОНЦЕПЦИЯ ГУМАНИТАРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
И КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ ²

Посмотрите, вот он без страховки идет.
Чуть правее наклон – упадет, пропадет.
Чуть левее наклон – все равно не спасти,
Но, должно быть, ему очень нужно пройти
Четыре четверти пути...
В. Высоцкий. Канатоходец.

Вибрация повредила не только фрески.
Появились и трещины в стенах храма, –
взволнованно сказал Сандро. – Если так
будет продолжаться, храм рухнет. Между
прочим, он стоит на сваях... Мы просим
немедленно приостановить дальнейшие
лабораторные опыты в церкви и по возможности
ускорить строительство нового здания для
научно-исследовательского учреждения.
– Значит, вы против науки и прогресса?
– с наигранным удивлением спросил Аравидзе.
– Мы против такой науки, которая разрушает
памятники искусства...
*Н.Джанелидзе. Т. Абуладзе, Р. Квеселава.
Покаяние. Киносценарий.*

Я долго удерживал себя, чтобы сберечь эти строки в качестве эпитафии к будущей книге. И все же нет лучшего способа образно представить мотивы моей статьи, очевидную рискованность ключевой идеи и изобретенного для ее реализации метода, в том числе рискованность, о которой предупреждает первый эпитаграф. Разумеется, канатоходец здесь – не циркач

² Впервые статья опубликована, см.: *Бакштановский В.И.* «Понимающая этика»: концепция гуманитарной экспертизы и консультирования // Гуманитарные проблемы освоения. Сборник научных трудов/ Под ред. В.И. Бакштановского, Т.С. Караченцевой. Издание Тюменского научного центра Сибирского отделения РАН и Философского общества СССР. Тюмень: Тюменский научный центр СО РАН, 1990. С. 149-167.

(и даже не метафора профессии менеджера, политика или ученого). Это образ человека, свободно выбравшего свой жизненный путь и надеющегося, что компетентность и Госпожа Удача оправдают его надежду, увеличат шанс всегда рискованного «замысла жизни» и конкретного поступка (Он не вышел ни званьем, ни ростом. /Не за славу, не за плату/ На свой, обычный манер. /Он по жизни шагал над помостом по канату,/ По канату, натянутому как нерв...). Канатоходцу удалось пройти лишь три четверти пути, он все же упал и разбился. И может показаться, что песня его о неразумном риске. Да, о риске как моральном феномене, атрибуте нравственной жизни, атрибуте всякой инновационной деятельности, любого творческого поиска, предприимчивости; и давайте постараемся не упустить более существенное: риск – не самоцель. И в песне Высоцкого – тоже. (И сегодня другой без страховки идет. /Тонкий шнур под ногой./ Вправо – влево наклон – и его не спасти. /Но зачем-то ему тоже нужно пройти./ Четыре четверти пути.). Видимо, самое важное здесь – это то, что «четыре четверти» для героя Высоцкого – долг, избранный им самим; с этим долгом он шагает по жизни, которая ведь и, правда, оказывается «канатом, натянутым как нерв».

Рискну предложить ответ на вопрос «Свобода... Храм или Лаборатория?» – «Лаборатория в Храме Свободы». Дерзость такого ответа, риск отпугнуть читателя, априори настроить его против автора значительно возрастают, если трудный вопрос XIX века: «Природа – храм или мастерская? (лаборатория?!)) – ввести в контекст века XX. Действительно, еще можно решиться на экологическую дискуссию, но как после «Покаяния» соотносить Лабораторию и Храм?! Смягчает ли негативную реакцию уточнение: речь идет о лаборатории свободы, лаборатории, испытывающей различные «дороги к Храму»? Дерзость двоякая: во-первых, «занятость» символики в культурном контексте нашей эпохи, а во-вторых, в изобретении и применении нетрадиционного, может быть, альтернативного метода «практической философии». А если точнее, то в инициировании новой функции «практической философии», для которой и разрабатывается этот метод.

Тем не менее оправданность (или неоправданность) риска, содержащегося в положительном ответе, обнаружится лишь на финише исследования. Поэтому в предисловии постараюсь минимизировать объяснения – оправдания, сосредоточиться на целях и задачах исследования, выражающих надежду автора на возможность и необходимость познания-понимания таинства морального выбора, проникновения в загадку переплетения аксиологических и праксиологических моментов морального решения, поступка, линии поведения в целом. Храм свободы – это и есть образ ситуации морального выбора. Лаборатория же – адекватный таинству выбора метод игрового моделирования процесса поиска достойного решения; метод, в котором научная любознательность обогащена гуманистическими заботами современного общества, мотивирована нравственными исканиями становя-

щейся демократии. Именно в такой лаборатории ученый получает возможность диалога с моральным субъектом, диалога, в котором происходит гуманитарное консультирование альтернативных вариантов свободного выбора.

Может быть, было бы легче отказаться от сложных и спорных образов метафор и не вспоминать ни тургеневского Базарова, ни фильм Т. Абуладзе?! Ведь и без этого очевидно, что подлинно моральный выбор, культура свободного решения – это еще предстоящее нашему обществу социальное изобретение, это еще только начало осознания нового перепутья, ситуации нового освоения? Можно, без акцентирования парадоксальности, отказавшись от малейших проявлений алармизма, размеренной интонацией мотивировать обращение к задачам формирования культуры свободного выбора констатацией того факта, что перестройка – ситуация выбора, выбора, который предъявлен всему обществу, любой социальной группе, каждому индивиду. Вполне допустимо было бы в той же уравновешенной («академической») манере подчеркнуть, что реабилитация выбора – это шанс, который предоставлен нам историей. Гуманистическая реализация возможности свободного выбора подразумевает способность достойно вынести бремя ответственности, пережить счастье самореализации как доверие, которое становящееся гражданское общество предоставляет личности в качестве средства искоренения культа безличности (но в надежде, что этот культ не вернется уже в виде «бесовства»). На той же интонации можно было бы квалифицировать нравственную жизнь человека как непрерывное творчество в его обретениях и утратах, как неизбежный риск и ответственность и за смысложизненные измерения морального выбора, и за воплощение их в конкретных поступках, каждый из которых ставит перед субъектом выбора вечную проблему: «оправдывает ли цель средства?», «допустимо ли зло во имя добра?». Рациональная рефлексия и борение чувств, необходимость инициативы и компетентности в оценках и решениях, потребность посоветоваться с другим человеком и нравственным опытом человечества, проверить себя на строгих критериях верности идеалу, испытать свою нравственную надежность... Все это удивительно соответствует тому потенциалу игровой деятельности, с которым человеческое общество связало свою жизнь еще на первых стадиях развития и получает интенсивное ускорение в современной ситуации.

Современный исследователь – гуманитарий, тем более если он работает в духе такой ветви «практической философии», как прикладная этика, не может без обостренной рефлексии об отношениях развиваемой им теории с ее предметом, о специфике гуманитарного познания, об искусстве диалога теории с практикой, о «нормах-рамках» и «нормах-стимулах», в попытке представителя «практической философии» повлиять на ситуации

нравственной жизни, воздействовать на интимные процессы самоопределения человека.

Поставив диагноз современной ситуации нравственной жизни как ситуации реабилитируемого выбора, содержащей шанс преодоления морального отчуждения, сформулировав проблему мировоззренческой и социально-технологической готовности общества и личности не упустить этот шанс в напряженных нравственно-конфликтных ситуациях переходного периода, когда особенно трудно принимать ответственные решения, соотносить цели и средства, современной гуманитарной этики должен изобрести метод гуманизации морального выбора, метод культивирования процесса освоения эмансипирующейся ситуации выбора.

Именно поэтому я намеренно заостряю проблему выбора Лаборатории, сталкиваю «Лабораторию» и «Храм», стремясь показать те опасности, которые я выбрал. Да, в позитивном ответе на вопрос «Свобода... Храм или Лаборатория?» заложен целый пакет опасностей вырождения гуманистического подхода в сциентистский, обогащенный рационализмом, манипуляторством, опасностей, гораздо более зловещих, чем в базаровском видении природы как мастерской. Опасности эти могут из возможности стать действительностью не по причине злого намерения, но как цена искушения объяснить процесс морального выбора только как рациональный феномен, исключив эмоциональные, интуитивные («иррациональные») составляющие этого процесса; опасность содержится и в незаметном переходе грани, отделяющей возможность и необходимость управленческого подхода к моральным процессам, в управленческий экстремизм; опасность заложена и в соблазне увидеть в науке универсальный ключ ко всем моральным проблемам, не поддающимся немедленному и положительному разрешению.

Тем самым у входа в Лабораторию морального выбора собственный выбор совершает и исследователь; это не случайно, ибо теория и практика морального выбора находятся в...

Возможно, и пришел час, которого ждали многие исследователи-гуманитарии. Предъявлен реальный и конкретный запрос на приложение потенциала этики к практике обновления нашего общества. И «заказ» есть, и «внедрение» гарантируется. Готовы ли мы действовать именно в режиме наибольшего благоприятствования? Успеем ли за временем, за темпами перестройки, предъявляющей все новые и новые запросы к нашему профессионализму?

Вопрос о **современности** этического знания, предназначением своим призванного ставить и решать **вечные** проблемы, возникает в ситуациях их предельного обострения, в переломных, пограничных ситуациях жизни общества. Постановка такого вопроса дополнительно стимулируется открытием новых проблем, вызванных инновациями в человеческой деятельности, актуализируется формирование новых условий для развития морального

творчества, «запросом» на новый потенциал взаимодействия этики, морали и воспитания.

Современность этики характеризуется **своевременностью** выдвижения вопросов, **конструктивностью** найденных подходов, **эвристичностью** познавательных средств и, в конечном счете, **адекватностью** «ответов», предлагаемых теоретическим знанием для решения актуальных социально нравственных проблем.

Один из конкретных показателей современности этики, ее реального участия в нравственном обеспечении перестройки – готовность удовлетворить общественную потребность в гуманитарной экспертизе и консультировании практики принятия важнейших решений. Общее требование к науке – шире внедрять практику экспертизы технических, экономических, социальных проектов; развивать консультативные начала в деятельности исследовательских коллективов – имеет, на мой взгляд, непосредственное отношение к этическому знанию.

Гуманитарная (социально-нравственная) экспертиза и консультирование (ГЭК) – особый **вид** практического приложения комплекса научного знания о морали и воспитании, организованного вокруг этического «ядра» – прикладной этики. Это специфические **цели, способы, формы и результаты** применения этико-прикладного знания к ситуациям морального выбора, к проблемам, встающим перед субъектом морального выбора.

Это – научно-практическая (прикладная) деятельность ученого, предоставляющая ему возможность **личного участия** в нравственном обновлении общества, способ реализации профессионального призвания и гражданской активности как собственного «Личного Дела».

ГЭК – профессиональная деятельность ученого. Но профессионализм здесь – умение активировать и развивать гуманитарную рефлексию обыденного морального сознания, организовать, стимулировать моральное творчество на уровне здравого смысла того субъекта нравственного поиска, для которого и через которого совершается ГЭК. Отсюда – особое отношение науки и практики, особый вид теоретизирования и специфичный процесс принятия решения.

Характеристика «гуманитарная» (социально-нравственная) в отношении экспертно-консультативной функции науки выражает ориентацию этой функции на ситуации морального выбора, нравственное содержание целеустремленной деятельности человека, фиксирует стремление включить процесс принятия моральных решений в контекст общечеловеческого опыта через потенциал современной парадигмы человекознания, всей гуманитарной культуры общества.

ГЭК **направлены** на развитие культуры современного этического мышления как ценностного основания решений, содержащихся в программах, проектах, акциях официальных организаций и самостоятельных объе-

динений, которые в условиях перестройки становятся соавторами общественно значимых процессов выбора.

Непосредственным **предметом экспертизы и консультирования** является, так или иначе, фиксируемый процесс подготовки и принятия решений, контроль за альтернативными социальными технологиями, последствия которых прямо связаны с «человеческим фактором». **Задачи ГЭК**: вскрыть все поле реальных вариантов выбора, выявив ценностные основания, цели-смыслы каждого из них; предъявить прецеденты решений в аналогичных (если они есть) ситуациях; предложить алгоритм поиска; стимулировать моральную рефлексию субъекта, принимающего решение; выработать в диалоге с ним гуманистическую направленность выбора в его аксиологических и праксиологических аспектах.

Участники диалога – субъект ГЭК и субъект морального выбора – образуют целевой междисциплинарный научно-практический коллектив, формой деятельности которого является игровая **команда**. Игровая деятельность выступает здесь как средство решения нетривиальных проблем теории и практики, так и способ формирования, сплочения структур гуманитарного сообщества, предоставляя ему форум, лабораторию, канал «встречного движения» науки и жизни.

Наконец, **эффект** деятельности экспертов и консультантов обусловлен результатами предварительных этико-прикладных исследований и разработок, которые предлагаются «заказчику» не в виде «готовых к употреблению», «упакованных» выводов, инструкций, рекомендаций, а воплощенными в **метод решения** уникальных ситуаций морального выбора.

ГЭК, в этическом истолковании, ставит и заказчика в ситуацию морального выбора, стремительно сталкивая ценности Свободы и ценности справедливости. Именно это испытание – суть метода ГЭК как «воспитания выбором». Такой метод – надо отдавать себе отчет – имеет не технологическую, а, в конечном счете, мировоззренческую атрибуцию. Если речь идет об индивидуальном выборе, то мировоззрение выступает как система экзистенциалов, слитых с мироощущением, когда «картина мира» и «жизненный замысел» переплетены неразрывно. С этим не может не считаться консультант. Если же речь идет о совокупном субъекте выбора (коллектив, организация, ассоциация, общность и т.д.), мировоззренческие его основания выступают в виде базисной системы ценностей, в форме группового идеала. Суть метода – активирование в сознании заказчика моральной рефлексии о скрытом за любыми конкретными нравственными (и иными) конфликтами базисном конфликте идеалов, ценностей – идеала свободы и идеала справедливости, в обосновании такого выбора, в «просеивании» через эту сетку конкретики, фактуры любой ситуации.

Выражая позицию прикладного исследования, концепция ГЭК обеспечивает приложение этики к практике посредством синтеза

плексов гуманитарного знания. Нетрадиционный для этики как философской науки способ «выхода» в практику (экспертиза и консультирование вполне естественны для психологии, социологии, теории управления и т. п.) и нетрадиционная форма организации научной работы представляются целесообразным решением в условиях жесткой альтернативы выбора этикой путей своего развития: либо тупик самодостаточности, либо междисциплинарная кооперация и новые способы связи с практикой – даже если это нарушает веками наработанный стереотип этического знания. Версия об этике как системообразующем элементе человекознания реализуется концепцией ГЭК через:

а) развитие проницающих направлений приложения (этико-управленческое, этико-политическое, этико-педагогическое, этико-экологическое и т. п.); б) конструирование игр посредством встраивания этической доминанты в различные виды игрового моделирования (игры – дидактические, инновационные, управленческие, организационно-деятельностные и т.д., разумеется, наряду с конструированием собственно этических игр); в) наконец, через совместную деятельность в целевом коллективе (соконсультирование), деятельность междисциплинарную и научно-практическую.

Концепцией ГЭК программируется эффект кросс-подхода, встречи двух идей диалогического отношения этики и морали, с одной стороны, игрового моделирования как этической «Лаборатории в Храме», дающего и способ организации диалога, собственно его язык – с другой. «Искрящий контакт» такой встречи создает эвристическую ситуацию для формирования и развития этического знания умения, «умения уметь» – фронеизиса. Трудноуловимые признаки этой неаксиматической науки об искусстве морального выбора не даны в отдельности ни в теории, ни в практике. Место и способ их созидания – процесс взаимодействия нравственных исканий человека и нравственной мудрости человечества. Именно такой процесс активируется и интенсифицируется посредством ГЭК. Не «обогащение» тем, что уже найдено другими, и в этом смысле – чужим «богатством», не лечение «больного», не «пастырское наставление», но стремление посредством игровой методологии минимизировать неизбежность «одиночества в решении», став соавтором исторического опыта нравственной жизни. Не анонимная теория, адресованная столь же анонимному ее потребителю, а персонафицированная деятельность ученого в отношении уникальных моральных ситуаций – здесь возникает возможность преодолеть барьеры, которые субъект нравственности старается воздвигнуть против казенно-бюрократической морали, перед «этикой без морали».

Игровая деятельность как многофункциональное средство организации и стимулирования диалога этики и морали является системообразующим элементом инструментария концепции ГЭК, ее исследовательских и прикладных проявлений. Этико-прикладная модификация игрового моде-

лирования – этические деловые игры – не навязывает морали некий чуждый ей «организационный прием», «инородное средство». Концепция ГЭК «обнаруживает» игровой феномен в самой нравственной жизни и стремится культивировать естественный потенциал: а) этического (теоретического) поиска; б) исканий в сфере морали; в) воспитания, возвращая этот потенциал каждому из этих трех элементов системы духовно-практического производства человека как социально-нравственного существа.

Способность воспроизводить все другие виды человеческой деятельности (благодаря «двуплановости»: «условное» и «серьезное» одновременно) и ориентация на культуру «умение уметь» как два сущностных признака игрового подхода в любом его проявлении, а также эффект от взаимодействия специфических признаков именно этической модификации игрового моделирования «обрекают» метод этических деловых игр на моральную инновационность и интенсификацию процессов воспитания выбором. Гуманистическое назначение таких игр, как метода, по сути своей исключаящего сциентистскую опасность перерождения прикладного знания – решать за человека, лишать его самостоятельности в выборе, ответственности в действиях – выражается, прежде всего, в снятии всяческих масок с отчужденных форм псевдообщественной морали, в стимулировании нравственных исканий, в воздействии на формирование качеств действительно новой – не опекаемой, свободной, ответственной – личности.

Не поддаваясь пока соблазну поставить в один ряд определения «человек-разумный», «человек-моральный», «человек-играющий», концепция ГЭК все-таки решается на гипотезу о том, что метод этических деловых игр не только является способом организации, инструментом, но и непосредственным воплощением диалога этики и морали, диалога, который ведет «понимающая этика»: в своей герменевтической ориентации она стремится аккумулировать ценности и методы педагогики сотрудничества, гуманистически ориентированной теории и практики управленческих решений, психологического консультирования, собственно этической традиции (моралистики, например). Этические деловые игры – современная версия майевтики, «диалогии» – ориентированы на инициирование в процессе теоретического поиска способности порождать прикладные результаты. Поэтому «заказчик» и не обращается к ученому-консультанту, как пациент к врачу или как ученик к наставнику, но познает сам себя с помощью предложенного консультантом поискового алгоритма творческого решения. Метод этических деловых игр нельзя поэтому использовать как элементарное «вспомогательное средство».

Не является он и некоей универсальной отмычкой, претендующей на сциентистскую «методократию». Важно осознанно противопоставить инструменталистскому эксплуатированию потенциала игрового моделирования, трактовке игры как «формы», отношение к ней как **способу существования**

этико-прикладного знания в целом, экспертно-консультативной функции его – особенно. Концепция ГЭК не только не отрывается с помощью этой формы от содержания, но, благодаря методу этических деловых игр, ведет «содержание», организует его обновление, способствует развитию этического творчества.

Установка на диалогичность отношения этики и морали, ученого и лица, принимающего решение, не означает утраты самостоятельности, конкретной ответственности каждой из сторон. «Понимающая этика» не должна выродиться в этику «прислуживающую», ангажированность «социальным заказом» не допускает утраты научной принципиальности. Субъект ГЭК обязан быть критичным в отношении к «заказу». Таково веление профессиональной этики ученого, независимо от того, исходит ли «заказ» от наиболее реального на сегодняшний день субъекта принятия решения – управленческого корпуса, начинающего делить ответственность за решения с демократическими институциями в условиях переходного периода, или же от наиболее вероятного в правовом государстве «заказчика» – самоуправленческих структур общественной жизни. В позиции «заказчика» субъект ГЭК видит отражение всего многообразия нравственной жизни современного общества, например, за апелляциями управленцев к «человеческому фактору» ученый-консультант обнаруживает (должен обнаружить) широкий спектр «болевых точек», внутренних противоречий современной ситуации (между нравами и моральной идеологией, консерватизмом и авангардизмом в духовных идеалах, тенденциями традиционализма и инноваторства в нравственных исканиях, ориентациями на индивидуальную свободу и социальную справедливость и т. п.). Его особая забота – суметь диагностировать извращенные представления о действительной роли морали и воспитания: морализаторство как подмену социальной и экономической политики средствами воспитательного воздействия, использование морали как инструмента манипуляции человеком, формирования «удобной», «послушной» личности, когда не «мораль (и воспитание) для человека, а человек для морали (и воспитания). Таким образом, ориентация доктрины ГЭК на «социальный заказ» требует разработки профилактических средств против бюрократизации уже самого назначения ГЭК, в ином случае игровой подход выродится в «бюрократические игры», в «заигрывание» с демократией, наукой, в имитацию перестройки. Здесь ученому равно необходимо противостояние двум «соблазнам»: исчерпать свои стремления влиять на практику принятия решений сотрудничеством лишь с «аппаратной» структурой управленческой деятельности, с одной стороны, поддаться патерналистским притязаниям, сциентистскому экстремизму – с другой. ГЭК – особая культура взаимодействия теории и практики, характеризующаяся признаками «встречного движения».

Уже сама квалификация перестройки как ситуация выбора содержит в себе проект ее нравственного обеспечения. Конкретный показатель заказа на такое обеспечение – развитая потребность в гуманитарной экспертизе и консультировании ситуаций выбора, уровень «научаемости» практических решений. При этом перестройка – не только ситуация, апеллирующая к «моральному фактору», но и время возвращения нашего общества к заинтересованному отношению к теории, стало быть, и к этической теории. Перестройка – феномен взаимной потребности науки и практики в гуманистическом обновлении нашего общества.

Диполь экспертизы и консультирования как одна из современных практических функций этики дает возможность инициативного ответа на неотложный вызов практики, выраженный в гуманистических общественных ожиданиях, в документах государства, в деятельности конкретных социальных институтов, прогрессивных общественных начинаниях. Таким ответом представители этического сообщества пытаются разрешить и собственную неудовлетворенность прежними предложениями этической теории практике, ограниченными потенциалом нормативной этики (у кого сегодня не поднимется рука, чтобы «бросить камень» в теоретиков морали и воспитания?!), а также преодолеть невостребованность инновационного потенциала «практической философии». Не поддаваясь искушению поиска алиби или смиренного признания неизбежности отставания теории от публицистики и художественной литературы, ответить диагнозом перепутья, на который вышла наша этика, перепутья, требующего новых ориентиров на придорожных указателях. Ответить новым видением ситуации в отношениях теории с практикой: развитие практических функций этики требует сегодня инициирования, выращивания «заказов» от практики. Такой вывод представляется способом разрешения проблемой ситуации.

В отношениях этической мысли с практикой перестройки просматривается критическая ситуация, которая не может не породить алармистских настроений. Сформулировав вопрос о роли этики (и всего гуманитарного комплекса знаний о морали и воспитании) в общей для современной культуры задаче – готовить личность и общество к ситуациям нового типа, к ответственности за гуманистическую реализацию возможностей свободного развития личности, предприняв попытку определения круга задач этики:

а) в ситуационном анализе «болевых точек» и «точек роста» нравственной жизни и воспитательной деятельности;

б) в выдвижении и обосновании идей, проектов, программ по преодолению первых и развитию вторых, этическое сообщество сталкивается с набором альтернатив, констатируемых и прогнозируемых в зависимости от результатов диагностики ситуаций и лежащей в основе оценки состояния нравственной жизни парадигмы практического предназначения этики. На полюсах этого набора – «философская» этика и этика «прикладная», между

полюсами – различные модели гносеологического идеала практической философии – варианты ответов на вопрос о возможности трактовать этическое знание как систему типов теоретизирования, соответствующую системе социальных задач этики, ее социокультурных предназначений.

Познавательная ситуация, в которую вовлечена современная этика, исключает возможность уклонения от выбора, пассивной позиции. Это определено настоятельными и нередко рассогласованными, а то и противоречивыми запросами практики, с одной стороны; активными вызовами от ситуации в самом современном научном знании в целом, социально-гуманитарном особенно – с другой. Это знание переживает острый конфликт своей неорганичности, пессимизма от разорванности на сциентистские и антисциентистские эталоны теоретизирования (отсюда и постоянное воспроизведение альтернатив интуитивного-дискурсивного, объяснения-понимания, рационального-иррационального и т. п.), перехода в своих упованиях то на одну, то на другую из «двух культур», не доверяя ни одной из них до конца, и поэтому с неизбежностью обнаруживая себя все вновь и вновь в очередном отсеке лабиринта.

В то же время инновационные стремления в развитии этики наталкиваются и на препятствия психологического порядка, требуя для собственно теоретического поиска предварительного преодоления фобий, ложных имиджей, дурных стереотипов, выдвигаемых против нововведений в практические функции этики. Некоторые из этих психологических препятствий видны уже в эскизном описании имиджа этики, каким он сегодня существует в общественном сознании. Так, массовый моральный субъект объявляет себя «читателем-непочитателем» морализаторских публикаций; в глазах ЛПР представитель этического сообщества выглядит лицом, роль которого исчерпывается получением срочного и беспрекословного «заказа на исполнение»; в восприятии многих деятелей культуры этика вообще недееспособна. В то же время в глазах друг друга этики воспринимаются то как «уклонисты» (когда они, например, уходят в историю этики или в «чистую» методологию), то как «сикофанты (когда они, например, занимаются прикладными исследованиями в сфере управленческой деятельности). Трудно сказать, что хуже: неадекватные претензии и ожидания «со стороны» или восприятие исследователями разных направлений друг друга в стиле конструирования «мальчиков для битья» и демонстраций идеологических пугал. Хуже того и другого лишь просто равнодушие, разочарование в этике, недоверие ей.

В такого рода атмосфере естественно вопрошание-саморефлексия этического сообщества: «что может и чего не может этика?» Допускаю и целесообразность более острого вопроса: «может ли этика спасти мир?». Разумеется, без самоиронии такой вопрос не эвристичен. Однако, несмотря на самые требовательные вызовы (или, напротив, «незапросы», недоверие)

практики, а, возможно, и благодаря им, этика не должна ограничиться формулой-рамкой. На фоне различных вариантов ответа на подобное ограничительное вопрошание не должен потеряться целезадающий вопрос: «что может и что должна этика?» (кстати, такая переформулировка позволит выявить и то, «чего не хочет и почему не хочет этика?»).

Экспансии «параэтики» (внеэтического знания о морали и воспитании, публицистического, художественного, обыденного понимания нравственной жизни и воспитательной деятельности), вольно или невольно вытесняющей (если можно вытеснить то, чего нет, речь идет, скорее, о пустом «святом месте») научную теорию, необходимо противопоставить (с установкой на взаимодополнительность, а не конфронтацию) инициирование скрытого в практической философии инновационного потенциала. В этом смысле можно сказать, что наступает «звездный час» прикладной этики – именно на ее древе вырастает концепция ГЭК.

Заявив о том, что этическая наука и этическое сообщество сегодня оказались на перепутье, подчеркнув отсутствие однозначных указателей с подсказкой выбора пути, мне хотелось бы еще раз поставить вопрос именно о **новом** выборе. Недостаточно принять оценку альтернативы «сциентизма – антисциентизма» как неадекватную реальную волю выбора. Мало и отклонить альтернативу «морализаторство – манипуляторство». Надлежит пойти дальше, предпринять поиск новых способов практического приложения науки о морали и воспитании, усиливающих традиционные для этики возможности влияния на нравственную жизнь.

Диагноз «этика на распутье» возникает не в любой познавательной и социокультурной ситуации; он следует из трактовки ситуации как **проблемной**, в противном случае этика может и не заметить перекрестка, не узнать его, пройти мимо. Так, например, сегодня этическое знание находится в пике своей критической функции в отношении морали и воспитательной практики. Но что дальше?

Представим себе невозможное – объединение усилий этики и параэтики, индивидуального и коллективного обыденного морального сознания в решении задачи диагностики и, вполне вероятно, пробуждения общественного сознания. Что может предложить этика, разрушив ложную и наивную уверенность, фиктивные моральные знания и убеждения? Безжалостно дискредитировав инструменты фиктивного воздействия на мораль, надежность которых до поры до времени не вызывала ничьих сомнений, не имея возможности сразу предложить взамен столь же прочную и субъективно удовлетворяющую, что может предложить этика, чтобы помочь моральному субъекту войти в ситуацию свободы? Может ли она предложить концепцию воспитания выбором, если не вырастит в своей структуре новых функций?

В поисках этикой нового выбора, достойного места в общей для всей культуры задаче: готовить личность к социальному новаторству и моральному творчеству; в поисках, стимулируемых поразительно высоким авторитетом «параэтики», концепция ГЭК выражает позицию прикладной этики как новой ветви «древа» практической философии. Не повторяя здесь рассуждений и выводов, которым посвящены специальные публикации по прикладной этике, акцентируем значимость современной интерпретации этики как практической философии. Речь идет о том назначении этой квалификации, которая не позволяет этическому познанию ограничить свою исследовательскую потребность внутренними целями науки, точнее, требует от исследователя обнаружить за этими внутренними целями конечную цель всей системы этического знания – соавторство с моралью в мировоззренческих исканиях, соавторство, развивающее традиционный потенциал нормативной этики до уровня и формы знания, **непосредственно** транслирующего свои результаты в практику в процессе «встречного движения» этики и морали.

«Исходить»? Естественный «исход» был бы вполне закономерен для традиционных структур этики. Но очевиден, органичен ли такой исход для знания прикладной ориентации, с неизбежностью «зараженного» социально – технологическими притязаниями и соответствующими им гносеологическими поисками?

Гносеологический идеал, эталон теоретизирования в сфере этико-прикладного знания в целом, в рамках концепции ГЭК в том числе, формируется в процессе анализа гносеологической ситуации посредством освоения внутриэтического потенциала, предпосылок, содержащихся в социально-технологическом знании, в исследованиях специфики теоретизирования в сфере воспитательной деятельности. Опираясь на результаты такого анализа, этико-прикладное знание, развивающее концепцию ГЭК, стремится в ситуации перепутья к гносеологическому идеалу, характеризующемуся следующими чертами. Во-первых, это знание, осваивающее особую универсальную сферу человеческой деятельности, каковой являются и мораль и воспитание. Во-вторых, это знание, ценностный компонент которого находится в эпицентре теории. В-третьих, это теория с особым сочетанием абстрактно-всеобщих и конкретно-всеобщих понятий. Это, в-четвертых, знание по преимуществу так называемого слаботеоретизированного типа. В целом данное знание организовано специфическим синтезом, который преодолевает традиционные противоречия в отношениях теорий воспитания и воспитательной практики. Оно оптимизирует роль здравого смысла в этих отношениях, обеспечивает взаимопроникание «алгебры» и «гармонии» в воспитании, его аксиологических и праксиологических аспектов.

Эти черты, разумеется, нуждаются в конкретизации. Но это будущая задача. Здесь же, подчеркнем еще раз, не ограничиваясь критикой эталона

научности, характерного для естествознания, осваивая опыт современного социально-гуманитарного знания в создании собственного эталона научности, опираясь на образцы теоретизирования в тех версиях этики, которые трактовали ее как практическую философию, непосредственно ориентированную на заботы нравственной жизни, **эта позиция среди** многих смыслов понятия «диалог» и многих типов «диалогичности» акцентирует взаимоотношения зрелой системы морали и развитой системы этического знания, взаимоотношения, «замыкающиеся» через мировоззренческую рефлексию, взаимоотношения специфического типа теоретизирования в этике и специфической потребности морального субъекта стремиться к мудрости выбора.

Диалогическая версия эталона теоретизирования в этико-прикладном знании выступает против трактовки отношений этики и морали в категориях «пастыря» и «паствы» (не исключая при этом и ситуаций «глухоты» и «слепоты» морального субъекта, не забывая о возможности обоих видов сциентизма – стихийного и сознательного, преодолевая крайности высокомерия этики как «верхнего этажа» морали и потери этикой статуса теории при забвении дистанции между моралью и наукой, исследующей ее). Позиция диалога этики и морали направлена и против версий предназначения этического знания, которые из аксиомы моральной суверенности субъекта выводят «уклонистское» отношение к запросам личности в адрес «практической философии». Эталон диалогичности обеспечивает возможность непосредственного приложения результатов этических исследований к ожиданиям морального субъекта, ожиданиям, обращенным к этике не из-за намерения освободиться от личного риска в выборе и потому «делегировать» ответственность, но в надежде опереться на теоретически отрефлексируемый нравственный опыт человечества. Концепция ГЭЖ разделяет и конкретизирует позицию, согласно которой этика не может подменить свой предмет, но может и должна способствовать росту нравственной культуры. Эталон диалогичности – ориентир для современной этики, осознавшей ситуацию выбора своего пути, возможность нового выбора, новых пределов практичности. Эталон диалогичности – активизация не востребуемых энергетических ресурсов этики, инициирование новой энергии этического знания в его практическом приложении.

В то же время концепции ГЭЖ слишком рано успокаивать себя, считая, что в ней уже содержатся все необходимые ответы на скепсис или прямую критику, связывающую этико-прикладные исследования и разработки с опасностью сциентизма, манипуляторства и пр. И даже ранее предпринятые попытки обстоятельной критики бюрократической системы воспитания, например, проведенные именно в рамках исследования управленческого потенциала прикладной этики, не смогли снять различных «фобий» – может быть потому, что более высокая точность такой критики и ее конструктивность ослаблялись внутренним комплексом неполноценности сто-

ронников прикладной этики? Что же, надо взять на самих себя дополнительный труд демонтажа управленческих извращений в сфере морали и воспитания, заботу по дезавуированию бюрократической системы «связи» теории и практики. Но самое главное средство преодоления комплекса – позитивное развитие концепции и положительные результаты ее внедрения.

SUMMARY

Section: THEORETICAL SEARCH

Sychev, Andrey A. Historical and Normative Aspects of Ethics Consultation 10

The article is focused on the problems of ethics consultation, which is understood as a set of procedures for developing and providing competent recommendations to interested parties aimed at solving practical moral problems. The two main types of ethics consultation are considered: analysis of concrete cases in order to develop recommendations for their participants and an ethical analysis of practices and norms adopted in the organization, complemented by the development of proposals for their improvement. A brief historical sketch of the development of the problem is given. The author shows that ethics consultation is one of the effective ways to overcome the moral complexity, uncertainty and value conflicts of the contemporary world. The development of the practice of ethics consultation in the world (by the example of health care and business) and in Russia is briefly reviewed. The article shows that the normative basis of ethics consultation is constituted by a number of normative preconditions, which include principles of competence, collegiality, recommendation, situationalism and phronesis. In the context of these principles, ethics consultation is understood as a bridge between theory and practice, a special tool that does not apply existing theory to the situation, but contributes to the creation of fundamentally new practices, norms and rules, not substituting, but stimulating the subject's moral creativity. Advisory activity in this aspect acts as such an application of practical ethical knowledge, during which the contours of future theories are crystallized. The author concludes that ethics consultation should be considered not only as a service, but also as an important norm-making mechanism in applied ethics, one of the first steps towards creating "growth points" in a situation of value conflicts and uncertainties.

Keywords: ethics consulting, applied ethics, norms, principles, norm-making, phronesis, moral creativity.

Prokofiev, Andrey V. Professional Ethics: the Modes of Practical Activity 19

The paper deals with two questions: what modes of practical activity can contribute to the implementation of moral values in the professional work and what role can applied ethicists play in this process? The first mode is to participate in the ethical self-determination of professional communities and organizations and assist them with creating ethical codes and ethical

infrastructure. Though this process can take an imitating form and lead to repressive consequences. This prospect gives applied ethicists a hard choice to make. The author analyzes three strategies open to them: 1) to escape into a pure research; 2) to prepare perfect ethical documents waiting for more favorable conditions; 3) to continue their participation in the imitating process. The third strategy seems counterproductive, but sometimes could be justified, especially when it pertains to model documents. To illustrate this point the author analyzes the 'Model Code of Professional Ethics' made by the Russian Ministry of Education and Science (2014). The second mode is to help professionals to solve situational ethical problems (so called 'ethics consultations'). Ethics consultations are widespread in clinical practice and research. Author tries to demonstrate that different types of ethical counseling developed in medicine can find their place in the academy.

Keywords: morality, ethics of professions, academic ethics, biomedical ethics, ethical code, ethics consultation

Skvortsov, Alexey A. The ethical consulting: expectations and the reasonable perspectives 41

The article is devoted to a discussion of the opportunities which open up for academic ethics in the field of ethical consulting. The author supposes that in the situation of the lack of demanding for research ethics in the practices of ethical regulation that currently exist in Russian universities, there are ample opportunities for it to conduct consulting in cooperation with various areas of professional ethics. Practices of professional regulation (some of their features are indicated in the article) appear as the most open to collaboration. Through consulting, academic ethics can act as a mediator of dialogue between the professional community and their target audiences. At the same time, professional communities inquire of consulting in order to make their normative and value declarations understandable to society. The author illustrates the interesting for current research examples of ethical consulting, in which he took part.

Keywords: ethics, professional ethics, academic ethics, ethical consulting, expertise, ethical regulation, ethical code, values.

Apressyan, Ruben G. Functional prerequisites ethical counseling 53

In ethical theories, which consider morality strictly related to autonomy of motives and individual responsibility of personal decisions and actions, the idea of ethical consultancy is made of alien to morality. However, individual moral development is generally a result of socialization and education, i.e., other persons' indirect and implicit influence on the individual; moral regulation of behavior to a large extent occurs in a form of individu-

als' mutual inspiration or coercion to each other by the means of advice, recommendation, instruction, and assessment. In this sense, the external factor is always actual for a moral agent. Ethical counseling is a formalized and specialized manifestation of this common and organic for "natural" morality external factor. Current consulting practice shows that, with the exception of the development of normative documents, ethical consultancy is expected as part of consultancy on more general professional and organizational matters. The same is relevant to personal coaching counselling: ethical issues are raised in the context of general life-purpose and professional issues or situation-specific tasks.

Keywords: autonomy, heteronomy, responsibility, authority, mutual moral regulation, the conditions of call for ethical consultancy

Tulchinskii, Grigori L. Human rights and the problem

of tolerance for intolerant 66

Human rights, as well as tolerance, are the most important institutions of modern society. However, the institutions implementation requires qualified ethical applied counseling. The counseling absence creates a distortion of the institutions essence, conflict situations at various levels of social life. The main theme in this situation is reciprocity and community, as well as the ownership of this community, mutual responsibility.

Keywords: applied ethics, ethical expertise, human rights, responsibility, tolerance.

Belyaeva, Elena V. Ethics of human rights and ethics of care

as a theoretical basis of consulting in biomedicine 75

Ethical counseling in biomedical technology applications relies on two theoretical strategies. Ethics of human rights considers the object of ethical counseling of rational autonomous individual, and its goal is the consensus of the parties, achieved by clarifying concepts, clarifying regulatory issues and determining a number of morally acceptable solutions to a problem. The ethic of caring is addressed to a specific whole person in the fullness of her experience of the situation. The purpose of ethical counseling is to improve the life of a particular person, taking into account his personal experiences, based on the moral qualities of the consultant and his involvement in personal relationships with the patient.

Key words: biomedical ethics, ethical counseling, human rights, care ethics.

Moskich Yury N., Viktoruk Elena N. Ethical counseling

modern scie as a necessity of time 84

The analysis of the influence of the accelerated influence of economic and social changes on the norms of ethical behavior of modern scientists is carried out. Examples of the evolution of applied ethics in the conditions

of “social turbulence” in a new rapidly changing world are considered. The necessity of significant changes in the development and implementation of new ethical norms, codes and rules of the modern scientist to achieve high efficiency of their work in the changed conditions is shown. The new role and needs of the scientific community in the new members of their common team – ethical consultants is considered. Questions are raised about the features of their education and training.

Key words: applied ethics, ethics of science, ethical norms, types of ethical counseling, social turbulence, fourth industrial revolution, new labor standards of scientists, the development of the world, the importance of ethical consultants.

Column of academician A.A.Guseynov

Golden rule: Jewish tradition and formula of Jesus Christ 100
The article continues the historical and analytical essay on the Golden Rule of Morality. It shows the difference in the understanding of the Golden Rule by Jesus Christ and his contemporary teachers of the Old Testament wisdom, who remained faithful to tradition. For teachers of the Old Testament wisdom, it was a way of understanding the basic normative content of the Torah, but Jesus saw in him the foundation that serves as a moral criterion.

Keywords: The golden rule of morality. Hillel. Jesus Christ. Sermon on the Mount. The sermon on the plain

Section: UNIVERSITY MISSION

Sogomonov, Alexander Yu. Sustainability as applied metaethics...108
Current civilizational transit towards sustainability and sustainable development is under the consideration. Ideas, views, concepts, values and even life patterns are under transformation in the global world. This transit is unprecedentedly deep and vast, changing the very anthropological and moral foundations of the modern society. But strangely it does not lead to any kind of reshaping of ethics or moral paradigms. As the transit faces towards practical problems of humanity it needs the new ways of ethical reflection and motivation. Ethics of the sustainable development is a conventional label for a renewed cluster of local micro-applied ethics.

Keywords: sustainability, sustainable development, applied metaethics

Bogdanova, Marina V. Agent or actor: transformable university in the social field of knowledge economy 126

An attempt to concretize the image of the university, transformed under the task of the economy of knowledge, in communication with other social actors is presented. It is shown that the experience of the included observation of public communications of the university is productive for clarification: the context in which it operates, the elements of its identity and possible factors of internal sustainability as an actor.

Keywords. University, transformation, social field of communications, actor, agent, values

Section: LIFE IN THE PROFESSION

Rudneva, Larisa N. « I rarely fail to achieve goals» 137

Professor Larisa Rudneva talks about his professional path at the university. She shares her experience in the creation and disciplinary development of a graduating department in the context of the transformation of a university in the late 1990s. XX century – the first decade of the XXI century. Discusses the specifics of organizing and coordinating the preparation of students in accordance with the new format for the university – an educational program with a project-based learning method.

Keywords. University, graduating department, service in the profession, educational program with a project method of teaching

Section: ECUMENE OF APPLIED ETHICS

Viktoruk Elena N., Yurkov Dmitry W. Philosophical practice as an example of ethical counseling 158

Ethical counseling is considered in the field of medical-psychological and socio-pedagogical practice. The authors state the situation of expanding the range of ethical counseling: from ethical requirements to the consultant to philosophical practices of accompanying people in difficult situations. The typology of philosophical practices, allowing to work out the tools of applied ethics in medical and psychological and socio-pedagogical counseling.

Keywords: ethical advice, ethical consulting, philosophical consulting, ethical reasoning, moral logic, moral subject, ethical literacy, informed choice, critical thinking, family counseling.

Abilkenova, Valeria. A. Has the weight reached the floor? The case in the publishing house "Kommersant" as a new stage in the development of conflict dualism in modern domestic journalism 166

Cases of conflict between the norms of professional ethics of a journalist and corporate ethics of the editorial organization since the time of the “casus Parfyonov” are increasingly becoming the property of publicity.

We are talking about situations in which the journalist is faced with a difficult professional and moral choice between the requirements of the norms of the profession and the norms of the editorial organization. The journalist often chooses the requirements of the norms of the profession in defiance of the expectations of the employer. He loses his job. The same happened in the situation with Kommersant. However, a number of characteristics of this conflict make it possible to fix its qualitatively new character.

Keywords: professional ethics of a journalist, corporate ethics of the media, dualism, professional community, corporate rules and norms.

Section: FROM THE HISTORY OF INNOVATIVE PARADIGM

Bakhtanovsky, Vladimir I. «Understanding Ethics»: the concept of humanitarian expertise and counseling 181

The article was first published in the collection of scientific papers “Humanitarian problems of development”, published in 1990 by the Tyumen Scientific Center of the SB RAS of the USSR and the USSR Philosophical Society. The possibility of constituting the concept of humanitarian expertise and consulting as a humanitarian decision-making technology is discussed. Particular attention is paid to the problems of moral choice, escalating “in critical border situations of society.”

Keywords: applied ethics, humanitarian expertise and counseling, moral choice.

Авторы выпуска

Абилькенова Валерия Анатольевна, к.с.н., ведущий научный сотрудник НИИ ПЭ ТИУ; ст.преподаватель каф. истории и теории журналистики ТюмГУ; Kab-valerya@mail.ru

Апресян Рубен Грантович, д.ф.н., проф., главный научный сотрудник, руководитель сектора этики Института философии РАН; ведущий научный сотрудник НИИ ПЭ ТИУ; apresyan@mail.ru

Бакштановский Владимир Иосифович, д.ф.н., проф., директор НИИ ПЭ ТИУ; priclet@tsogu.ru

Беляева Елена Валерьевна, к.ф.н., доцент, Белорусский государственный университет; bksisa@ Rambler.ru

Богданова Марина Владимировна, д.с.н., главный научный сотрудник НИИ ПЭ ТИУ; etika2@tsogu.ru

Викторук Елена Николаевна, д.ф.н., проф., зав. кафедрой философии, социологии и религиоведения ФГБОУ ВО «Красноярский государственный педагогический университет им. В.П.Астафьева»; eviktoruk@yandex.ru

Гусейнов Абдусалам Абдулкеримович, д.ф.н., проф., академик РАН, Институт философии РАН; guseinov@iph.ras.ru

Москвич Юрий Николаевич, к.физ-мат.н., ФГБОУ ВО «Сибирский федеральный университет», г. Красноярск; yumoskvich@mail.ru.

Прокофьев Андрей Вячеславович, д.ф.н., проф., ведущий научный сотрудник сектора этики Института философии РАН; ведущий научный сотрудник НИИ ПЭ ТИУ; avprok2006@mail.ru

Руднева Лариса Николаевна, д.э.н., профессор, руководитель образовательной программы «Экономика и организация производства на предприятиях нефтегазовой отрасли» ТИУ; rudnevaln@tyuiu.ru

Скворцов Алексей Алексеевич, к.ф.н., доцент кафедры этики философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; lambis@mail.ru

Согомонов Александр Юрьевич, к.ист.н., ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, ведущий научный сотрудник НИИ ПЭ ТИУ; sozi@mail.ru

Сычев Андрей Анатольевич, д.ф.н., проф., профессор кафедры философии Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева; sychevaa@mail.ru

Тульчинский Григорий Львович, д.ф.н., проф., профессор Санкт-Петербургского государственного университета, кафедра междисциплинарного синтеза в области социальных и гуманитарных наук; профессор Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург, департамент прикладной политологии; заслуженный деятель науки РФ; gtul@mail.ru.

Юрков Дмитрий Владимирович, директор Центра психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи «Эго», аспирант кафедры философии, социологии и религиоведения ФГБОУ ВО «Красноярский государственный педагогический университет им. В.П.Астафьева»; dmitryurk@yandex.ru

List of authors

Abilkenova, Valeriya Anatolievna, Ph.D. in Sociology; Leading Researcher of IUT Applied Ethics Research Institute (AERI); kabvalerya@mail.ru

Apressyan, Ruben Grantovich, Dr., Professor, Chief Research Fellow, Head, Department of Ethics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; Leading Researcher of IUT Applied Ethics Research Institute (AERI); apressyan@mail.ru

Bakhtanovsky, Vladimir Iosifovich D.Sc., Professor, Director of IUT Applied Ethics Research Institute (AERI); priclet@tsogu.ru

Belyaeva Elena, Candidate of sciences (PhD) in Philosophy, Belarusian State University; bksisa@rambler.ru

Bogdanova, Marina Vladimirovna, D.Sc. in Sociology; Leading Researcher of IUT Applied Ethics Research Institute (AERI); etika2@tsogu.ru

Viktoruk, Elena Nikolayevna, D.Sc., Professor, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Religious Studies in Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, the city of Krasnoyarsk, Russia; eviktoruk@yandex.ru

Guseynov, Abdusalam Abdulkерimovich, D.Sc., Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, RAS Institute of Philosophy; Chief Researcher of IUT Applied Ethics Research Institute (AERI); guseinov@iph.ras.ru

Moskvich, Yuri Nikolaevich, PhD in physics and mathematics, Siberian Federal university, Krasnoyarsk, Russia; yumoskvich@mail.ru.

Prokofiev, Andrey Vyacheslavovich, D.Sc., Professor, Leading Research Fellow, Department of Ethics, Institute of Philosophy RAS; Leading Researcher of IUT Applied Ethics Research Institute (AERI); avprok2006@mail.ru

Rudneva Larisa Nikolaevna, Doctor of Economics, Professor, Head of the Educational Program «Economics and Organization of Production at Enterprises of the Oil and Gas Industry» IUT; rudnevaln@tyuiu.ru

Skvortsov, Alexey Alexeyevich, Phd, associate professor, ethics chair, faculty of philosophy, Lomonosow Moscow State University; lam-bis@mail.ru

Sogomonov, Aleksander Yuriyevich, Ph.D. in Historical Sciences, senior researcher of the Institute of sociology, Russian Academy of science; leading Researcher of IUT Applied Ethics Research Institute (AERI); sozi@mail.ru

Sychev, Andrey Anatolievich, D.Sc., Professor, Department of Philosophy at National Research Mordovia State University; sychevaa@mail.ru

Tulchinskii, Grigorii Lvovich, Doctor of Philosophy, Professor, St.Peterburgian State University, department of interdisciplinary synthesis; National Research University «Higher School of Economics» – St.Petersburg; Hohored Scientist of Russia; gtul@mail.ru

Yurkov Dmitry Vladimirovich, Director of the Center for psychological, pedagogical, medical and social assistance "Ego", post-graduate student of the Department of philosophy, sociology and religious studies of Studies, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, the city of Krasnoyarsk, Russia; dmitryurk@yandex.ru

О журнале

Журнал «Ведомости прикладной этики» учрежден Тюменским государственным нефтегазовым университетом (переименованным в 2016 г. в Тюменский индустриальный университет). С 1995 года журнал выходил под названием «Ведомости».

С 2012 года журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций под названием «Ведомости прикладной этики». Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52155 от 11 декабря 2012 г. Зарегистрирован Международным центром регистрации мировой периодики: ISSN 2413-0451 (Online), ISSN 2307-518X (Печатная версия). Подписной индекс в каталоге Агентства «Роспечать» 70872.

Цель журнала – дисциплинарное закрепление и развитие этико-прикладного знания, продвижение научных результатов в практику. Его задачи: поддержание публичного пространства профессиональной рефлексии о природе прикладной этики, современных тенденциях ее развития; освоение инновационной парадигмы этико-прикладного знания.

В журнале публикуются результаты теоретических и проектных исследований в многообразных отраслях прикладной этики, прежде всего – университетской (академической), инженерной, журналистской, этики воспитания. Обсуждаются отечественный и зарубежный опыт этико-прикладных инноваций, в том числе в развитии этических инфраструктур, в создании учебных пособий; актуальные проблемы университетского образования в сфере прикладной этики. Журнал издается в печатной форме с периодичностью 2 номера в год. Рукописи статей для публикации в журнале оформляются в соответствии с Правилами для авторов, разработанными редколлегией журнала. Журнал «Ведомости прикладной этики» рецензируемый (поступающие в журнал тексты статей представляются на рецензирование специалистам). Журнал ориентирован на научных работников, преподавателей, соискателей ученых степеней по прикладной этике, магистрантов, сотрудников этических инфраструктур организаций, предприятий и фирм.

Адрес редакции:

625000, г. Тюмень, ул. Володарского, 38;

тел. (3452)28-30-54; e-mail: priclet@tsogu.ru

Электронные версии:

на сайте ТИУ: <http://www.tsogu.ru/nii/ethics/zhurnal-vedomosti/>

в системе РИНЦ: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=38819>

Научное издание

ЭТИЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ:
СКРОМНАЯ, НО РЕАЛИСТИЧНАЯ АМБИЦИЯ
ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ

Ведомости прикладной этики

Выпуск 54

Под ред. В.И. Бакштановского

Ответственный секретарь журнала М.В.Богданова
Редактор выпуска И.А.Иванова

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52155 от 11.12.2012.

Подписано в печать 03.07.2019. Формат 70x100/16.
Усл. печ. л. 13,0. Тираж 500 экз. Заказ № 1616

НИИ прикладной этики ТИУ
625000, г.Тюмень, ул.Володарского, 38.
Контактный телефон (3452) 28-30-54.
E-mail: priclet@tsogu.ru

Библиотечно-издательский комплекс
федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Тюменский индустриальный университет»
625000, г.Тюмень, ул. Володарского, 38

Типография библиотечно-издательского комплекса.
625039, г.Тюмень, ул.Киевская, 52.